ВЕК ИНФОРМАЦИИ

ISSN 2306-417X

ВЕК ИНФОРМАЦИИ 2019

Том 7. № 4

Санкт-Петербургский государственный университет

Институт «Высшая школа журналистики и массовых коммуникаций»

Санкт-Петербург 2019

Редакционный совет

А. С. Пую, профессор, д-р социол. наук, СПбГУ

М. Геруля, профессор, д-р филол. наук, Силезский университет, Польша

Л. П. Громова, профессор, д-р филол. наук, СПбГУ

И. Э. Клюканов, профессор, д-р филол. наук, Восточно-Вашингтонский ун-т, США

С. Б. Никонов, доцент, канд. полит. наук, СПбГУ

И. Н. Розина, доцент, д-р педагог. наук, Институт управления, бизнеса и права, Ростов-на-Дону, президент Российской коммуникативной ассоциации

И. Сечик, д-р философии, статс-секретарь Министерства культуры Республики Словакия

Д. Туссу, профессор, Университет Вестминстера, Великобритания

Г. Г. Щепилова, профессор, д-р филол. наук, МГУ им. М. В. Ломоносова

Редакция

Главный редактор — *С. Г. Корконосенко,* профессор, д-р полит. наук

Заместитель главного редактора — *Б. Я. Мисонжников*, профессор, д-р филол. наук

Шеф-редактор — *В. В. Васильева*, доцент, канд. филол. наук

Ответственный секретарь — *Е. А. Королев*, канд. полит. наук

Дизайн — *П. Ч. Хан*

Верстка — *Е. П. Смирнова*

ISSN 2306-417X

9 772306 417783 >

Век информации. 2019. Т. 7. № 4. — СПб. : Высш. шк. журн. и мас. коммуникаций, 2019. — 99 с.
ISSN 2306-417X

В очередном выпуске сериального издания «Век информации» представлены статьи российских и зарубежных исследователей. Фактические сведения приводятся в авторской редакции.

Сериальное издание «Век информации» зарегистрировано в Международном центре ISSN 19 декабря 2012 г.
Издатель — Институт «Высшая школа журналистики и массовых коммуникаций» Санкт-Петербургского государственного университета

© С.-Петерб. гос. ун-т, Институт «Высш. шк. журн. и мас. коммуникаций», 2019
© Авторы статей, 2019

ISSN 2306-417X

INFORMATION AGE
2019
Vol. 7, No 4

Санкт-Петербургский государственный университет

St Petersburg State University

Высшая школа журналистики и массовых коммуникаций

Institute “School of Journalism and Mass Communications”

St Petersburg 2019

Editorial board

Doctor of Sociology, Professor *A. S. Puyu*, St Petersburg State University
Doctor of Philology, Professor *M. Gerulya*, Silesian University, Poland
Doctor of Philology, Professor *L. P. Gromova*, St Petersburg State University
Doctor of Philology, Professor *I. E. Klukanov*, Eastern Washington University, USA
PhD in Political Sciences, Associate professor *S. B. Nikonov*, St Petersburg State University
Doctor of Education, Associate professor *I. N. Rozina*, Institute of Management, Business and Law, Rostov-on-Don, the President of the Russian Communication Association (RCA)
Doctor of Philosophy, *I. Sechik,* State Secretary of the Ministry of Culture of the Slovak Republic
Professor *D. Tussu*, University of Westminster, UK
Doctor of Philology, Professor *G. G. Shepilova,* Lomonosov Moscow State University

Redaction

Editor-in-chief — Doctor of Political Sciences, Professor *S. G. Korkonosenko*
Deputy editor — Doctor of Philology, Professor *B. Ya. Misonzhnikov*
Managing editor — PhD in Philology, Associate professor *V. V. Vasilieva*
Journal secretary — PhD in Political Sciences *E. A. Korolev*
Design — *P. Ch. Hahn*
Typesetting — *E. P. Smirnova*

Information Age. 2019. Vol. 7, No 4. — St Petersburg : School of journalism and mass communications of St Petersburg State University, 2019. — 99 p.

The papers from the Russian and foreign media researchers are presented in this book. The authors are responsible for their data being correct.

© 2019 St Petersburg State University, School of Journalism and Mass Communications
© 2019 Papers authors

СОДЕРЖАНИЕ

НАУЧНЫЙ ДИСКУРС

С. В. Курушкин. Журналистика в цифровой среде: тенденции и проблемы научного исследования ….. 11

С. Л. Страшнов. К вопросу о формировании политической культуры населения при посредничестве журналистики ….. 19

Е. Л. Яковлева. Новомедийная среда как пространство антиномичности ….. 28

ЭМПИРИЧЕСКИЕ ИССЛЕДОВАНИЯ

Н. С. Авдонина, Н. А. Самылова. Эстетика формы и содержания блогов о кино ….. 39

Р. Божич. Мирослав Крлежа и статья о России «На далеком севере» («Поездка в Россию») ….. 50

Е. Б. Голубев. Объявления в газетах — письма в вечность (34 аутентичных текста педагога А. Г. Ривина) ….. 59

О. Б. Януш, Н. М. Мухарямов. Медийный дискурс де-факто миноритарного языка ….. 74

ХРОНИКА

Е. А. Королев. Медиафорум «Современная журналистика и фактчекинг» как повод задуматься о настоящем и будущем профессии ….. 85

В. В. Маслеева. Планета журналистики. 25-я международная научно-практическая конференция «Журналистика XXI века: Человек. Политика. Медиа» ….. 93

Периодическое издание «Век информации». Условия публикации ….. 97

CONTENTS

ACADEMIC DISCOURSE

S. V. Kurushkin. Journalism in the digital environment: trends and problems of scientific research 11

S. L. Strashnov. To the question of forming audience's political culture through journalism 19

E. L. Iakovleva. The new media environment as a space of antinomy 28

EMPIRICAL RESEARCH

N. S. Avdonina, N. A. Samylova. Aesthetics of the form and content in movie blogs 39

R. Božić. Miroslav Krleza and articles about Russia "In The Far North" ("The Trip to Russia") 50

E. B. Golubev. Publications in the newspaper — letters to eternity (34 authentic texts of the educationalist Alexander G. Rivin) 59

O. B. Yanush, N. M. Mukharyamov. Media Discourse of the de facto minority language 74

CHRONICLE

E. A. Korolev. Media forum "Modern Journalism and Fact-checking" as a reason to think about the present and future of the profession 85

V. V. Masleeva. The planet of journalism. 25th international scientific and practical conference "Journalism of the XXI century: Person. Politics. Media" 93

Periodical "Information Age". Conditions for publication 97

Научный дискурс

УДК-304

ЖУРНАЛИСТИКА В ЦИФРОВОЙ СРЕДЕ: ТЕНДЕНЦИИ И ПРОБЛЕМЫ НАУЧНОГО ИССЛЕДОВАНИЯ

С. В. Курушкин
Санкт-Петербургский государственный университет
Российская Федерация, 199034, Санкт-Петербург, Университетская наб., 7/9

В статье обсуждаются основные тенденции в исследованиях журналистики, в том числе — журналистики в цифровой среде. По мнению автора, следует говорить о наличии англосаксонской традиции в изучении журналистики в цифровой среде, что приводит к появлению ряда проблем: недостатку антропоцентричности, концентрации на эмпирико-ориентированных исследованиях, малому разнообразию междисциплинарных исследований.

Ключевые слова: цифровая журналистика, вестернизация, медиаисследования, теория журналистики.

© Курушкин С. В., 2019

Постановка проблемы. В 2019 году исполнилось 25 лет с момента появления первых СМИ в Интернете. Несмотря на то что некоторые аспекты распространения информации по сетям и с помощью цифровых носителей изучались и раньше, именно в 1994 году в нескольких странах мира появились редакции сетевых СМИ. На эту же дату как на год появления первых новостных публикаций во Всемирной паутине (World Wide Web) указывает и Дэвид Карлсон [Carlson 2003: 49–50]. В то время академическая среда оперативно отреагировала на это событие, и первые исследования нового явления в информационном пространстве начались практически сразу же. Таким образом, цифровая журналистика изучается на протяжении четверти века — немалый срок, для того чтобы выделить некоторые тенденции, отражающиеся в научных публикациях по всему миру. Однако поставив перед собой такую задачу, мы неизбежно столкнемся с огромным количеством трудностей, большая часть которых, полагаем, будет обусловлена гетерогенностью изучаемого объекта. Поэтому мы считаем необходимым сконцентрироваться на следующих областях:

— глобальные тенденции в изучении цифровой журналистики до 2009 года;

— глобальные тенденции в изучении цифровой журналистики после 2009 года;

— возникающие при изучении цифровой журналистики проблемы и возможные способы их решения.

Хронология обусловлена возросшим интересом к исследованиям цифровой журналистики после 2009 года. Как мы покажем далее, именно с 2009 года резко возрастает количество академических трудов, посвященных цифровой журналистике, и этот рост будет продолжаться все десятилетие.

Прежде всего отметим, что мы не ставим здесь цели представить всесторонний обзор литературы, посвященной исследованиям журналистики в цифровой среде. Главным образом потому, что недавно вышло несколько статей, авторы которых проделали эту работу на высоком уровне [Salaverria 2019; Steensen, Ahva 2015, Steensen и др. 2019]. Мы лишь обозначим некоторые глобальные тенденции, не разбирая подробно примеры исследования цифровой журналистики.

В первую очередь обратим внимание на следующий факт: за 25 лет исследований ученые не смогли прийти к единому мнению относительно термина, используемого при описании журналистики в сетевых СМИ. В некоторых странах (преимущественно испаноязычных) наиболее часто встречается термин «киберждурналистика», в англоязычном научном дискурсе регулярно используется термин «онлайн журналистика», но в целом наиболее распространенным остается термин «цифровая журналистика» [Salaverria 2019: 2], который мы будем использовать в нашей работе. В русскоязычной литературе можно встретить термин «интернет-журналистика», и, к сожалению, многие российские исследователи цифровой журналистики часто обращаются к устаревшему словосочетанию «новые медиа» [Носовец 2016; Сидякина, Стабровская 2018; Станкевич 2018; Чернавский 2015], которое не только не описывает явление исчерпывающе, но и вводит в заблуждение неподготовленного читателя.

В нашей работе мы используем термин «цифровая журналистика» как наиболее общий. Под цифровой журналистикой мы подразумеваем, скорее, журналистику в цифровой среде: распространяемую с помощью цифровых технологий и в целом использующую все формы цифровых ресурсов — не просто Интернет, но и, например, так называемые «цифровые издания» [Вершинин 2014].

Тенденции в изучении цифровой журналистики до 2009 года. Говоря о глобальных тенденциях в изучении цифровой журналистики, нужно учитывать бурное развитие соответствующих технологий, которое трансформирует практики распространения и потребления информации, что, в свою очередь, приводит к появлению новых направлений исследований.

В рамках нашей работы нет необходимости останавливаться на тенденциях в изучении цифровой журналистики с 1994 по 2001 годы: во-первых, на ранних этапах развития Интернета в редакциях сетевых СМИ реализовывались иные, нежели сегодня, стратегии развития; во-вторых, эти стратегии в большинстве своем оказались нежизнеспособными, т.к. попросту не успевали за развитием технологий; в-третьих, лопнувший «пузырь доткомов» заставил редакции задуматься о презентации контента для сетевого читателя, что привело к существенным изменениям в развитии цифровой журналистики и соответственно в посвященных ей исследованиях. Этот период подробно рассмотрен в работах Пола Бонингтона, впервые заговорившего о сетевых СМИ

как о «четвертом медиа» (после прессы, радио и телевидения) [Bonington 1995], Жо Бардоеля и Марка Дезе, исследовавших ранние конвергентные стратегии, реализовывавшиеся в СМИ [Bardoel, Deuze 2001], Роджера Фидлера, который одним из первых предпринял попытку всестороннего сравнения сетевых СМИ с «традиционными» [Fidler 1997].

Впрочем, некоторые тенденции, возникшие в 90-е, характерны и для исследований цифровой журналистики в 2000-х годах. Евгения Митчельштейн и Пабло Божковски отмечали появившееся в журналистской практике напряжение, возникающее на стыке традиций и перемен при попытке адаптировать новости и иной контент для сетевых платформ. «Такое напряжение также характерно и для научных исследований: большинство ученых продолжают применять традиционные подходы для изучения новых явлений, но потенциал теоретического обновления становится очевидным», — пишут они в работе 2009 года [Mitchelstein, Boczkowski 2009: 575]. Марк Дезе отмечает: «Исследования в области журналистики в большей степени опираются на стандарты исследований, образования, ритуалов и практик, установившихся при изучении печатных СМИ» [Deuze 2008: 199]. Обратим особое внимание на эти слова: как мы покажем дальше, необходимость глубокого теоретического осмысления проблем цифровой журналистики будет подчеркиваться и в наше время. Однако вызовы, с которыми столкнулись журналисты в профессиональной динамике, — лишь одно исследовательское поле из пяти, выделенных Митчельштейн и Божковски.

Второе направление — изучение исторического и рыночного контекста. Митчельштейн и Божковски справедливо отмечали, что вопросы развития журналистики в историческом контексте рассматриваются весьма редко. Это приводит к тому, что значение новых эмпирико-ориентированных исследований преувеличивается. Вместе с тем даже гражданская журналистика и блоги возникли не на пустом месте, а в результате длительного эволюционного процесса, о котором часто забывают ученые [Mitchelstein, Boczkowski 2009: 576]. В 2000-е годы появилось также большое количество исследований, посвященных рыночным аспектам функционирования сетевых СМИ, при этом было недостаточно исследований рынка труда журналистов в изменившихся условиях.

Третье направление — исследование инноваций в цифровой журналистике, на которых в 2000-х годы закономерно сфокусировались многие ученые. Изучались инновации в журналистской практике (например, при производстве новостей), однако не хватало мультидисциплинарных исследований, позволявших сравнить инновационные практики в журналистике и других сферах деятельности.

Изменения в профессиональной деятельности журналиста также требовали (и, признаем, требуют и сегодня) вдумчивого компаративного подхода. Однако в исследованиях 2000-е годов преобладали англоязычные концепции цифровой журналистики. Митчельштейн и Божковски отмечают, что в большинстве рассмотренных ими работ об изменениях в работе журналистов сетевых СМИ изучались исключительно американские редакции [Mitchelstein, Boczkowski 2009: 577]. В этом проявилась тенденция, характерная и для нашего времени: «исследователи по всему миру, как правило, следуют теоретическим и методологическим предложениям американских авторов» [Domingo 2008: 15].

Наконец, последнее направление, выделенное Митчельштейн и Божков-

ски, — изучение пользовательского контента. Осознав наличие некоего тренда, ученые создали массив эмпирико-ориентированных исследований нового феномена, однако практически не предпринимали попыток проследить его эволюцию. В итоге возник разрыв между теорией и практикой: эмпирические данные зачастую не опирались на теоретическую базу, и нехватка теоретической базы будет ощущаться и в дальнейшем — вплоть до конца 2010-х годов. Отмеченное выводит нас на другой проблемный уровень: как отмечается в работах по методологии научной работы, «выбор теории на начальном этапе исследования часто игнорируется автором из-за слабой связи с определенной научной школой» [Khubetcova и др. 2019: 82].

Тенденции в изучении цифровой журналистики после 2009 года. Все направления в изучении цифровой журналистики, выделенные в предыдущем разделе, вполне могут развиваться и в современных исследованиях. Однако было бы наивно полагать, что за последние 10 лет не произошло никаких изменений во взглядах ученых, не развивались технологии, не появилось новых тенденций.

Именно в первой половине 2010-х годов наметился не прекращающийся и сегодня рост использования термина «цифровая журналистика» в академических трудах. Сервис Google Scholar выдает 796 результатов по запросу «цифровая журналистика» среди работ с 2005 по 2010 годы, 3790 результатов среди работ с 2010 по 2015 годы и 6820 результатов среди работ с 2015 по 2018 годы [Steensen и др. 2019: 322].

Стеен Стеенсен и Лаура Ахва проанализировали использование более 9000 слов и содержание 195 аннотаций к статьям в двух авторитетных изданиях, посвященных исследованиям медиа — “Journalism — Theory, Practice and Criticism” и “Journalism Studies” [Steensen, Ahva 2015]. Конечно, выборку из двух журналов (пусть и очень уважаемых в академической среде) вряд ли можно экстраполировать на весь мир, но некоторые тенденции, выделенные Стеенсеном и Ахва, коррелируют с теми наблюдениями, которые приведены в предыдущем разделе. Важно и то, что Стеенсен и Ахва исследовали материалы в динамике. Поэтому, несмотря на то что большая часть рассматриваемых ими статей была написана в 2000-е годы, мы имеем возможность проследить, каким образом ситуация изменилась в первой половине 2010-х годов. Выводы Стеенсена и Ахва, сделанные в отношении изучения журналистики, с некоторыми оговорками применимы и к цифровой журналистике.

Авторы отмечают доминирование двух дисциплинарных подходов при изучении журналистики. При политологическом подходе исследуются роль и место журналистики в политической системе, а также вопросы взаимодействия власти и журналистики. При социологическом подходе исследователи концентрируются на социальной интеракции между теми, кто вовлекается в производство массовой информации. К 2013 году политологический подход оставался доминирующим, однако стал заметным сдвиг в социологическую сторону. Стеенсен и Ахва обратили внимание на увеличение количества теоретических подходов к исследованию журналистики за счет новых технологий и экономических моделей; на рост количества исследований, в которых поднимались вопросы этики и объективности в журналистике; на увеличение доли теоретических исследований, несмотря на преобладание эмпирико-ориентированных работ [Steensen, Ahva 2015: 12].

Полезным дополнением к работе Стеенсена и Ахва является недавнее исследование, проведенное группой авторов, в которую, помимо того же Стеенсена, вошли Анна Грондаль Ларсен, Ингве Бенестад Хагвар и Бригитта Кьос Фонн. Группа изучила материалы (аннотации статей, списки используемой литературы и ключевые слова) журнала “Digital Journalism” с момента его запуска в 2013 году до 2018 года. Ключевые слова были распределены по тематическим кластерам. Самыми популярными кластерами оказались «Технологии» (наиболее часто встречаемые ключевые слова из этого кластера — «цифровой», «данные», «алгоритм» и т.п.) и «Платформа» (ключевые слова — «социальные медиа», «онлайн», «мобильный», «мультимедиа» и т.п.). Чуть менее популярны кластеры «Аудитория» (ключевые слова — «аудитория», «гражданин», «участие» и т. д.), «Методология» (ключевые слова — «контент-анализ», «сравнительный», «опрос» и т.п.) и «Теория» (ключевые слова — «привратник», «повестка дня», «дискурс»). К сожалению, весьма показательно, что одним из наименее популярных кластеров оказался «Профессионализм» (ключевые слова — «профессионализм», «нормы», «ценности», «роли») [Steensen и др. 2019: 328].

Интересным оказалось и исследование аннотаций к статьям. Наиболее часто встречаемой комбинацией дисциплин в междисциплинарных исследованиях оказалось сочетание социологии и технологий с доминированием социологии. На втором месте — политология и технология с доминированием политологии. На третьем месте — технология и социология с доминированием технологии [Steensen и др. 2019: 329]. В большинстве аннотаций не указываются теоретические подходы и конкретные концепции, на которые опираются авторы. Несмотря на постоянно увеличивающееся количество теоретических исследований, эмпирико-ориентированные работы все еще преобладают. Самой цитируемой работой является “Participatory journalism” Джейн Сингер (40 цитирований), у занимающей второе место “Amateur images and global news” авторов Кари Анден-Пападопулос и Мерви Пантти на 15 цитирований меньше [Steensen и др. 2019: 334].

Несмотря на очевидный тематический сдвиг в сторону изучения технологий и платформ, нельзя не отметить значительное количество исследований аудитории СМИ. В то же время из этого вряд ли можно сделать вывод о развитии антропоцентрической традиции, в частности в исследованиях цифровой журналистики. Редко исследуется деятельность самих журналистов, транслируемых ими ценностей, идеологических установок, не так часто затрагиваются и вопросы психологии. По списку наиболее цитируемых работ создается впечатление, что те выводы, которые делаются в современных публикациях, не учитывают накопленные ранее знания [Steensen и др. 2019: 335].

Основной проблемой современных исследований цифровой журналистики остается их ориентация на работы ученых из США и других западных стран. Проблемы, на которых мы остановимся далее, во многом связаны именно с чрезмерной «вестернизацией».

Проблема первая — концентрация на эмпирико-ориентированных исследованиях, в результате чего метод зачастую становится важнее результата. Как мы уже упоминали, обилие эмпирических исследований, не опирающихся на теоретическую базу, может говорить о слабой связи автора с конкретной научной школой. «Мы

исследуем деревья, а не лес», — метко высказался по этому поводу испанский ученый Рамон Салаверрия [Salaverria 2019: 4].

Проблема вторая — недостаточное разнообразие междисциплинарных исследований. Популярность политологического и социологического подходов, конечно, объяснима, однако работ, поднимающих вопросы журналистской этики, явно недостаточно. Отметим также необходимость усиления роли философского и культурологического подходов в исследованиях цифровой журналистики.

Проблема третья — недостаток антропоцентричности в исследованиях цифровой журналистики. Пока условная «цифра» доминирует над собственно журналистикой и теми, кто ей занимается. Вопросы профессионализма современных журналистов практически не беспокоят западных исследователей, но внушительное количество работ посвящено технологиям распространения информации. Зачастую даже аудитория предстает в количественном, «цифровом» виде, а не в виде индивидов с уникальным набором потребностей, психологических особенностей, мировоззренческих установок.

Проблема четвертая — недооценка исторических факторов, влияющих на современную цифровую журналистику. Складывается впечатление, что каждый новый тренд затмевает те эволюционные процессы, которые привели к нему. Тенденции возникают как будто из ниоткуда, постоянно сменяются и все равно не поспевают за развитием технологий.

Девестернизация исследований массмедиа поможет, на наш взгляд, решить если не все, то многие из этих проблем. Культурный диалог между исследователями по всему миру позволит преодолеть последствия разделения, о котором все чаще говорится в последнее время, когда с одной стороны, существует англосаксонская традиция, с другой — весь остальной мир [Корконосенко 2015: 20]. Несмотря на глобальную природу Интернета, в исследованиях цифровой журналистики нельзя игнорировать культурные особенности конкретных стран и недооценивать незападные медийные теории.

Литература

Вершинин, В. А. *Цифровые издания как новая платформа для экспериментального моделирования СМИ (на примере айпад-приложения «Зеленый Марс»)* [Web-страница]. (б/д). Электронный ресурс http://connect-universum.tsu.ru/blog/connectuniversum2014_ru/493.html.

Корконосенко, С. Г. (2015). Новые возможности для теории журналистики в свете девестернизации исследований массмедиа. *Культура, 5(12)*, 17–28.

Носовец, С. Г. (2016). Новые медиа: к определению понятия. *Коммуникативные исследования, 4(10)*, 39–47.

Сидякина, А. А., Стабровская, А. Ф. (2018). Пермская киножурналистика в новых медиа. *Ученые записки Казанского университета. Серия Гуманитарные науки, 160(4)*, 908–916.

Станкевич, М. В. (2018). Влияние новых медиа на культуру. *Мир науки, культуры, образования, 1*, 433–434.

Чернавский, А. С. (2015). «Новые медиа» и развитие журналистики цифровой эры. *Контуры глобальных трансформаций: политика, экономика, право, 8(5)*, 18–24.

Bardoel, J., Deuze, M. (2001). Network journalism: converging competences of media professionals and professionalism. *Australian journalism review, 23(2)*, 91–103.

Bonington, P. (1995). The fourth Media. *Internet world, 6(4)*, 6.

Carlson, D. (2003). The history of online journalism. In K. Kawamoto (Ed.), *Digital journalism: Emerging media and the changing horizons of journalism* (pp. 31–55). New York:

Peter Lang; Lanham, MD: Rowman & Littlefield Publishers.

Deuze, M. (2008). Toward a sociology of online news? In C. A. Paterson, D. Domingo (Eds.), *Making online news: The ethnography of new media production* (pp. 199–209). New York: Peter Lang.

Domingo, D. (2008). Inventing online journalism: A constructivist approach to the development of online news. In C. A. Paterson, D. Domingo (Eds.), *Making online news: The ethnography of new media production* (pp. 15–28). New York: Peter Lang.

Fidler, R. (1997). *Mediamorphosis: Understanding new media*. Thousand Oaks, CA: Pine Forge Press.

Khubetcova, Z., Korkonosenko, S., Blokhin, I., Kolodiev, N., Kurushkin, S. (2019). Theoretical and methodological culture of journalism research in Russia. *Journal of Interdisciplinary Research, 9(1)*, 81–84.

Mitchelstein, E., Boczkowski, P. (2009). Between tradition and change. A review of recent research on online news production. *Journalism, 10(5)*, 562–586.

Salaverria, R. (2019). Digital journalism: 25 years of research. Review article. *El profesional de la información, 28(1)*, 1–25.

Steensen, S., Ahva, L. (2015). Theories of journalism in a digital age: An exploration and introduction. *Journalism Practice, 9(1)*, 1–18.

Steensen, S., Larsen, G. A., Hågvar, Y. B., Fonn, B. K. (2019). What Does Digital Journalism Studies Look Like? *Digital Journalism, 7(3)*, 320–342.

Сведения об авторе:
Сергей Васильевич Курушкин, канд. полит. наук; s.kurushkin@gmail.com

RESEARCH OF THE JOURNALISM IN THE DIGITAL ENVIRONMENT: GLOBAL TRENDS AND MAJOR PROBLEMS

S. V. Kurushkin
Saint Petersburg State University
7-9, Universitetskaya naberezhnaya, 199034, Saint Petersburg, Russian Federation

The article highlights the main trends in the research of the digital journalism. According to the author, one can talk about the presence of the Anglo-Saxon tradition in the study of the journalism in the digital environment, which leads to a number of problems: such as a lack of anthropocentricity, concentration on the empirical-oriented researches, and insufficient variety of interdisciplinary research.

Keywords: digital journalism, westernization, media researches, theory of journalism

References

Bardoel, J., Deuze, M. (2001). Network journalism: converging competences of media professionals and professionalism. *Australian journalism review, 23(2)*, 91–103.

Bonington, P. (1995). The fourth Media. *Internet world, 6(4)*, 6.

Carlson, D. (2003). The history of online journalism. In K. Kawamoto (Ed.), *Digital journalism: Emerging media and the changing horizons of journalism* (pp. 31–55). New York: Peter Lang; Lanham, MD: Rowman & Littlefield Publishers.

Chernavskii, A. S. (2015). «Novye media» i razvitie zhurnalistiki cifrovoj jery [“New media” and the development of journalism in the digital era]. *Kontury global’nyh transformacij: politika, jekonomika, pravo* [Outlines of global transformations: politics, economics, law]*, 5*, 18–24. (In Russian)

Deuze, M. (2008). Toward a sociology of online news? In C. A. Paterson, D. Domingo (Eds.), *Making online news: The ethnography of new media production* (pp. 199–209). New York: Peter Lang.

Domingo, D. (2008). Inventing online journalism: A constructivist approach to the development of online news. In C. A. Paterson, D. Domingo (Eds.), *Making online news: The ethnography of new media production* (pp. 15–28). New York: Peter Lang.

Fidler, R. (1997). *Mediamorphosis: Understanding new media*. Thousand Oaks, CA: Pine Forge Press.

Khubetcova, Z., Korkonosenko, S., Blokhin, I., Kolodiev, N., Kurushkin, S. (2019). Theoretical and methodological culture of journalism research in

Russia. *Journal of Interdisciplinary Research, 9(1)*, 81–84.

Korkonosenko, S. G. (2015). Novye vozmozhnosti dlja teorii zhurnalistiki v svete devesternizacii issledovanij massmedia [New opportunities for the theory of journalism in the light of the disruption of mass media research.]. *Kultura* [Culture], *5(12)*, 17–28. (In Russian)

Mitchelstein, E., Boczkowski, P. (2009). Between tradition and change. A review of recent research on online news production. *Journalism, 10(5)*, 562–586.

Nosovec, S. G. (2016). Novye media: k opredeleniju ponjatija [New media: to the definition of the term]. *Kommunikativnye issledovanija* [Communicative studies], *4(10)*, 39–47. (In Russian)

Salaverria, R. (2019). Digital journalism: 25 years of research. Review article. *El profesional de la información, 28(1)*, 1–25.

Sidjakina, A. A., Stabrovskaja, A. F. (2018). Permskaja kinozhurnalistika v novyh media [Perm film-journalism in the new media]. *Uchenye zapiski Kazanskogo universiteta. Serija Gumanitarnye nauki* [Scientific Notes of the Kazan University. Humanitrian Sciences series], *160(4)*, 908–916. (In Russian)

Stankevich, M. V. (2018). Vlijanie novyh media na kul'turu [The impact of the new media on culture]. *Mir nauki, kul'tury, obrazovanija* [The World of Science, Culture, Education], *1*, 433–434. (In Russian)

Steensen, S., Ahva, L. (2015). Theories of journalism in a digital age: An exploration and introduction. *Journalism Practice, 9(1)*, 1–18.

Steensen, S., Larsen, G. A., Hågvar, Y. B., Fonn, B. K. (2019). What Does Digital Journalism Studies Look Like? *Digital Journalism, 7(3)*, 320–342.

Vershinin, V. A. *Cifrovye izdanija kak novaja platforma dlja jeksperimental'nogo modelirovanija SMI (na primere ajpad-prilozhenija "Zelenyj Mars")* [Digital publications as a new platform for experimental modeling of media (by the case the Green Mars iPad application] [Web-page]. (No date). Retrieved from http://connect-universum.tsu.ru/blog/connectuniversum2014_ru/493.html. (In Russian)

Author's information:
Sergey V. Kurushkin, PhD, senior lecturer; s.kurushkin@gmail.com

УДК 070:32

К ВОПРОСУ О ФОРМИРОВАНИИ ПОЛИТИЧЕСКОЙ КУЛЬТУРЫ АУДИТОРИИ ПРИ ПОСРЕДНИЧЕСТВЕ ЖУРНАЛИСТИКИ

С. Л. Страшнов
Ивановский государственный университет
Российская Федерация, 153025, Иваново, ул. Ермака, 39

Один из основных каналов распространения политической культуры — средства массовой информации. В связи с этим важны тип и качество собственной идейной позиции журналиста. В ряде случаев преобладает подданическая разновидность. Однако планы осуществления многополярного общества требуют иного — интеграции, а также просвещения аудитории в аспекте распространения культуры активистской. Являясь посредником между обществом и властью, разными социальными образованиями, специализированными сферами и массовой аудиторией, журналист имеет достаточно возможностей, чтобы стать адекватным гражданином. На примере работы СМИ в предвыборный период в последние 20 лет автор статьи показывает, насколько сложно протекают подобные процессы.

Ключевые слова: политическая культура, аудитория, позиция журналиста, просветительство, предвыборная кампания.

© Страшнов С. Л., 2019

Введение. Если идеал гражданского общества как самоуправляемого, несущего «конец монополии на политическую и социальную организацию, на истину и информацию» [Геллнер 1995: 63], по-прежнему привлекателен для нашей страны, тогда острой остается и проблема политической культуры населения. Гражданское общество невозможно без осознания людьми своих конституционных возможностей и своих гражданских обязанностей — это и превращает их из подданных в сограждан.

Вместе с тем сразу же следует оговориться, что само по себе понятие «политическая культура» не оценочное, а констатирующее [Корконосенко 2004: 13]. При этом, подразделяя политическую культуру, как правило, на три типа (патриархальный, подданический и активистский), ученые имеют в виду не просто наличие, а степень развития того или иного элемента, меру политического участия. Так, например, активистская политическая культура характеризуется повышенной мобильностью и высоким уровнем зрелости, компетентности, правосознания, информированности и т.д. Главная особенность такого типа политической культуры состоит в том, что человек воспринимает себя субъектом социальной практики.

Основные каналы распространения политической культуры — это все без исключения социальные институты: семья, научно-образовательная система, государство, церковь и, что для нас особенно важно, средства массовой информации. Одной из стратегических целей журналистики являлось и является формирование культуры определенного типа — причем лишь изредка патриархальной, хотя и не только активистской — нередко подданической. И, как правило, такие процессы становятся отражением собственной политической культуры конкретного журналиста. Будучи соотнесенной с задачами организации гражданского общества, она — эта наличная культура — вырастает в проблему, которую мы и попытаемся в данной публикации обсудить.

Дискуссия. О политической культуре как таковой и — отдельно или в частности — журналистской в разное время высказывались авторитетнейшие исследователи: Г. Алмонд, С. Верба, Е. Прохоров, Л. Реснянская, С. Корконосенко, В. Сидоров и другие, чьи подходы станут методологической основой нашего исследования. Вместе с тем некоторые аспекты проблемы сохраняют живую актуальность и дискуссионность, что побуждает возвращаться к ним вновь. И, пожалуй, самым первым из них оказывается вопрос о соотношении журналистики и политики. Вполне нормальным, более того — необходимым представляется существование рубрик и программ в СМИ, сайтов, освещающих политику. Небесспорно другое: стоит ли средствам массовой информации ввязываться в политику как действующим лицам, непосредственным и заинтересованным? Начнем с того, что в закрытых общественных системах превращение журналиста в публичного политика невозможно из-за отсутствия соответствующей арены. Суррогатом политики отчасти выступает публицистика. А. Герцен, к примеру, обладал блестящими способностями потенциального парламентария, но реализовать их на родине было ему не дано. Может быть, поэтому столь значимы периоды переходные. Именно тогда интеллигенты — писатели, ученые, журналисты — с утроенной энергией устремляются на трибуны, скажем, съездов народных депутатов (вспомним времена «перестройки»). Затем приходит отрезвление: так, с начала 1990-х все чаще стали говорить о том, что журналисту уместнее быть не участником, а диспетчером политических обсуждений.

Родство профессий политика и журналиста бесспорно, но необходимо проводить и границу между ними. Политический обозреватель, разумеется, должен хорошо знать и постоянно изучать историю, экономику, социологию, право. Его политическая культура предполагает наличие мировоззрения, философски осмысленной идейной позиции. Без всего этого ему трудно было бы вести политическое образование аудитории. Кроме того, журналисту недостаточно лишь аналитически убедительно разбираться в политических проблемах — он должен располагать даром острой их постановки и выражения, иначе мысли человека не распространятся дальше собственной кухни.

Обращаясь к более или менее широкому кругу соотечественников, журналист уже в силу своей природной активности вполне может стать законодателем политической моды, лидером общественного мнения, но в реального политика он превращается лишь тогда, когда у него появляются претензии на действия управляющие. Соблазн влияния, безусловно, велик, зато уж и расплачиваться приходится

объективностью — самой дорогой валютой журнализма. К тому же возникает опасность нарушения контактов с читателями, зрителями, слушателями. Замечательный публицист Игорь Дедков однажды проницательно и жестко заметил: «Человек перед любой властью чувствует себя беззащитным. И четвертая — не исключение» [Дедков 2005: 579].

Просматривается четкая закономерность: чем СМИ влиятельнее, тем оно политизированней и подконтрольней. Чтобы переломить неизбежное, некоторые журналисты предлагают установить собственные правила и вести игру именно по ним. Однако и эта, «шестидесятническая» идея способна привести лишь к политизации СМИ, хотя бы и с обратным знаком. В гражданском обществе правила задает именно общество, а не властные лица и не журналисты. И оно заинтересовано в предоставлении возможностей публично высказывать любые точки зрения на информационном поле одного канала, одного издания, в создании здесь условий для диалога. В России же с XIX века вопрос о том, должно ли СМИ иметь собственную определенную позицию, традиционно даже не обсуждается: позицию нужно иметь или обрести ее во что бы то ни стало — пускай и ценой самоограничений. А это чаще всего смыкало журнализм с партийностью, в чем видится еще одно родовое противоречие, поскольку «партия» (от лат. pars, partis) в переводе означает «часть», а СМИ — образование, озабоченное целостностью, интегрирующее. Партийность же всегда предполагает преобладание тенденциозности. При этом открыто и сознательно выражаемые пристрастия продиктованы групповой доктриной, то есть обнаруживают культуру подданическую даже у авторов самых талантливых. Вспоминая о своей первой встрече с Н. Добролюбовым, выведенном в романе «Пролог» под именем Левицкого, Н. Чернышевский отмечает: «Замечательная сила ума, голубочка! Ну, пишет превосходно, не то, что я: сжато, легко, блистательно, но это, хоть и прекрасно, пустяки, разумеется, — дело не в том, а как понимает вещи. Понимает. Все понимает *как следует*» [Чернышевский 1974: 57] (курсив в цитате наш. — *С. С.*).

Намерения распространить свои идеи от части к целому, миссионерские амбиции в журналистике присутствовали и раньше, присутствуют они и теперь, однако планы формирования многополярного гражданского общества путем организации и доминирования одной партии способны вызвать лишь недоумение. Демократия жива лишь до тех пор, пока — среди прочего — частное (партия) не превращается в общее и не поглощается им. Журналист по природе своей — посредник: между обществом и властью, разными социальными образованиями, специализированными сферами и массовой аудиторией. В этом качестве он выполняет те же самые функции, которые К. Манхейм аргументированно приписывал интеллигенции: «Наличие подобного динамического промежуточного слоя позволяет надеяться на то, что он направит свои усилия на создание вне партийных школ такого форума, где будет сохранена широта кругозора и интерес к целому» [Манхейм 1994: 138].

Политически современный медиамир многоукладен, то есть он не может не включать в себя партийную прессу и сайты всех возможных направленностей, СМИ государственные и оппозиционные. Вместе с тем их внутренние взаимоотношения почти обязательно приводят к полемике, конфликтам, а то и к локальным информационным войнам. Поэтому столь необходимо для утверждения демократии наличие

медиаканалов надпартийных, адогматических, общественных. Другие обозначения подобной журналистики — социальная, социально ответственная, общественно-правовая. Ее волонтеры понимают демократию чаще всего в духе С. Л. Франка — это «не власть всех, а служение всех» [Франк 1992: 124].

Представителей подобных СМИ, возможно, не стоит считать гражданами совершенными, идеальными, но адекватными [Прохоров 2001: 74–100] они являются почти наверняка. Расширяя то, что называют публичной сферой, такие журналисты в репортажах, расследованиях, очерках, интервью, блогах, радио- и телепередачах рассказывают о ежедневном опыте гражданской жизни. Эта повседневная практика подкрепляется (либо должна подкрепляться) деятельностью особых институтов, выстраивающих отношения журналистики с властью (типа комитетов по гласности, судебных палат по информационным спорам), а также регулирующих работу самих СМИ (наблюдательных, общественных советов при ведущих телеканалах и т. п.). Они способствуют утверждению цивилизованной экспертизы, общей информационной открытости, формированию не только гражданской позиции, но гражданского сознания, распространению активистской политической культуры.

Задачи социально ответственной журналистики не сводятся только к защите прав и свобод населения, они предполагают также полное и грамотное информирование аудитории, разъяснение — пробуждение общественной энергии. Собственно, осуществись идея правого государства где-нибудь сполна и окончательно, никакого просветительства от прессы и не потребовалось бы. Но, с одной стороны, демократические интенции постоянно вступают в противоречие с тайными намерениями бюрократии. А с другой стороны, множество людей не задумывается и даже не догадывается о своих конституционных возможностях. В этих зазорах, а также в пространстве между ангажированными и социально индифферентными СМИ и образуются поля деятельности для журналистики общественной, которая в большинстве случаев просто не может не быть просветительской.

Наиболее рельефно проявляется это во время предвыборных кампаний. Казалось бы, на поверхности здесь одна агитация, нередко и впрямь оголтелая. Действительно, листовки, персональные выпуски, нацеленные флешмобы в данных условиях явно преобладают. В пропагандистских целях имиджмейкерами порой используются даже коммерчески независимая пресса массового толка и развлекательное телевидение: здесь, путем тиражирования слухов и публикации компрометирующих фактов организуются столь привлекательные для ее аудитории скандалы — в данном случае скандалы политические. Впрочем, и такие СМИ, частично отступая от собственного канона и не брезгуя корыстными заимствованиями из практики «старшего брата» — партийной печати, допускают иногда агитматериалы о кандидатах. Однако в контексте тотальной бульварной проблематики таковые оказываются двусмысленными, чуть ли не юмористическими. К тому же опасен и эффект бумеранга: участие в PR размывает привычный почитателям бульварной журналистики облик, что болезненно может отразиться на будущем спросе.

Более адекватным просвещению аудитории мог бы, кажется, стать потенциал СМИ аналитических. Однако в реальности у них обнаруживается свой

интерес: они заняты прогнозированием, тасуют рейтинги и шансы, вовлекая публику в политику, как в игру, причем игру заведомо не самую честную. За спинами многих комментаторов (а в этой роли в ходе самых громких в постсоветской истории выборов в Государственную Думу конца 1999 года побывали и Е. Киселев, и Н. Сванидзе, и многие другие) маячат собственные фавориты, и это не может не сказываться на характере полуастрологических-полугипнотических предсказаний. Аналитики — иногда скрыто, а иногда и явно — сами превращаются в публицистов и имиджмейкеров: в конце концов, программы неистового пропагандиста рубежа последних веков С. Доренко тоже именовали себя аналитическими. Получается, что и качественные СМИ по-своему ангажированы — особенно на местах, где областные общественно-политические газеты и программы давно и прочно монополизировали серьезную проблематику.

Таким образом, в предвыборной ситуации и без того небогатый спектр современной журналистики оскудевает донельзя, сливается едва ли не в однотонность: обе признанные ее наличные величины — СМИ качественные и массовые — заметно политизируются. И вроде более чем некстати заявлять именно в связи с выборами о необходимости расширения медиапространства за счет усиления журналистики просветительской. Однако последнюю стоило бы учитывать всегда — и в том числе (если не прежде всего) в условиях, которые обсуждаются сейчас. Ведь любая избирательная кампания — это дополнительная возможность для в

ыработки цивилизованного правосознания, взятого в аспекте реализации представительных волеизъявлений человека, для формирования гражданского общества.

Характеризуя постсоветскую ситуацию, Л. Л. Реснянская подчеркивала, что сейчас «именно СМИ могли бы помочь гражданам осуществить политико-идеологическую, социальную, социально-культурную идентификацию. Но тогда следует переориентироваться: заменить высокооплачиваемые технологии пропаганды на общественную экспертизу, организацию обсуждения программ, анализ стратегий и тактик партий, предложений кандидатов; заниматься просветительством, разъяснением, обсуждением, анализом» [Реснянская 2000: 5]. Приблизительно о том же писал И. Засурский: «В современном мире средства массовой информации являются важнейшим каналом обучения и самообразования людей. Роль СМИ состоит в том, чтобы рисовать картину мира, которую потребитель информации может брать за основу принятия решений. Эта задача теоретически является основной функцией общественного и государственного ТВ (добавим также: газет, радио и сайтов. — *С. С.*), которые содержатся на деньги налогоплательщиков и должны приносить им пользу» [Засурский 1999: 153]. Подобные средства массовой информации даже по статусу своему становятся посредниками между властью и основной частью электората. Первую они обязаны делать прозрачной, а вторую обеспечивать объективными данными о соискателях и четкими сведениями об условиях борьбы и ходе голосования.

Задача независимой журналистики состоит в том, чтобы — вместе с избирательными комиссиями — сделать выборы честными. К примеру, тогда же, в 1999 году, «Известия» проводили акцию под девизом «Чистые выборы», но отношение к ней сложилось

преимущественно скептическое. Конечно, просветительство вообще — труднодостижимый в целом идеал, однако это еще не причина, чтобы отказываться от каких-либо целей и устремлений. По разделяемому нами убеждению Е. П. Прохорова, просветительская журналистика должна способствовать «истинной и глубокой информированности» [Прохоров 2001: 95] людей, без чего они не смогут обрести «социальную идентичность» [Прохоров 2001: 94].

Преобладающее состояние российского электората в годы, последовавшие за 1999-м, характеризовалось как апатия и летаргия. Достаточно было взглянуть на отношение электората к политическим партиям и движениям. По данным одного из социологических опросов, это самое индифферентное отношение по сравнению с заинтересованностью деятельностью Думы, правительства и даже профсоюзов. Да и среди демократических ценностей право выбирать между несколькими партиями находится на последних местах. Вот и получается, что основная часть голосующих — это пенсионеры и купленные маргиналы, которые, однако, раз за разом определяют нашу общую судьбу. Более конкретная, причем региональная картина дана в одной из наших статей на соответствующую тему [Страшнов 2006: 75–77]. Отметим, что свою миссию просветительская журналистика видит и в том, чтобы расширить круг избирателей за счет наиболее экономически мобильной части населения, за счет привития ей культуры электоральной или, лучше сказать, опять-таки активистской политической культуры.

Выборы — эффективнейший способ воздействия общества на власть, способ формирования власти и ее легитимизации. С другой стороны, это и потенциал гражданской самоорганизации. В самой процедуре демократических выборов содержится презумпция гражданских прав каждого, и журналистика как общественный институт должна способствовать пробуждению у населения ответственности и энергии — стремиться не только защищать права, но и разъяснять их.

В нашей стране без такого просвещения никак не обойтись. Одна из непременных демократических задач прессы, радио и телевидения, а теперь и интернет-журналистики — побуждение сограждан к политическим инициативам, подготовка населения к сознательному выбору законодательных и исполнительных властей из круга возможного. Общее предназначение СМИ — превращение тайного в явное — журналистика просветительская осуществляет по-своему, в форме политических и правовых разъяснений, в том числе по процедурным вопросам. Так — в принципе — происходит социализация людей, так электоральная аудитория превращается, по словам А. А. Грабельникова, в «полноправного политического субъекта» [Грабельников 2002: 15].

Справедливости ради надо отметить: кое-что в этом направлении за последние 20 лет предпринималось и предпринимается. Скажем, главными ньюсмейкерами по вопросам избирательного права постоянно становятся лица, наиболее информированные, полномочные и ответственные — председатели ЦИК различного ранга. Регулярными в период кампаний становятся передачи-консультации на радио и статьи-консультации в некоторых газетах, как московских, так и в провинциальных, — с участием членов избирательных комиссий.

Просветительская подоплека хорошо ощутима в некоторых телевизионных ток-шоу — в самом их модерировании. Союз журналистов России не раз запускал проекты, специально посвященные сопровождению выборов. Таким образом, привычная для России апелляция к чувствам, более соответствующая временам перестроечного социального романтизма, понемногу как будто бы дополняется апелляцией к разуму.

С другой стороны, процесс этот не лишен противоречий и даже ошибок. Обжегшись в 1999-ом на молоке — многочисленных скандалах, — руководство ЦИК не раз дуло на воду, усложняя процедуры. В частности, при подготовке выборов 2003 года «Закон о СМИ» был скорректирован законом «Об основных гарантиях избирательных прав и права на референдум граждан Российской Федерации», в результате чего средства массовой информации были буквально изгнаны с поля предвыборной игры. Под видом запрета на оголтелую пропаганду и агитацию (что можно было лишь поддержать) СМИ лишились права обсуждать, комментировать и просветительски разъяснять выборный процесс, больше того — сопровождать кампанию путем информационного освещения. Фактически дисквалифицированными оказались не только журналисты-рвачи, псевдоаналитики и шарлатаны, но и те, кто понимает свою профессию как функцию просвещения общественного мнения. Решающей силой в предвыборной борьбе сразу же оказались избирательные комиссии и судебные инстанции. Конституционный суд встал тогда на защиту средств массовой информации, отменив ряд наиболее вопиющих по части притеснения информации положений действующего закона. Однако в отношении конкретно той, 2003 года кампании время было уже упущено, и гарантированный агитационный месяц прошел в прессе гораздо тише и незаметнее, чем за четыре года до того. Оказалось ли это ей на пользу? Отчасти, видимо, да, если иметь в виду общее смягчение избыточной политизированности, но и апатия электората от оказёнивания журналистских выступлений неминуемо тогда углубилась. Заметным оказалось и падение активистской политической культуры.

Регулярная пресса постепенно отступала, за явным преимуществом лидировали спецвыпуски, а если отдельные брендовые издания (например, «Московский комсомолец») и занимались агитацией, то отнюдь не в собственной узнаваемо увлекательной манере, а по выкладкам политтехнологов. Настоящая же аналитика воскресала лишь по итогам голосования — аналитика серьезная, нередко яркая, но снова явно припозднившаяся. В ходе кампаний по выборам в Государственную Думу более поздних сроков — 2007, 2011 и 2016 годов — наблюдалось примерно схожее: экспансия газет-однодневок и преобладание информационно-просветительских, а также полемических (в виде дебатов) выступлений в радио- и телевизионном эфире. Новым же стало все более активное использование интернет-ресурсов, и прежде всего социальных сетей, где к журналистике профессиональной подключается журналистика любительская, кое-где зарабатывающая статус гражданской.

Выводы. Как видим, процессы политического ориентирования аудитории средствами массовой информации протекали в последние двадцать лет весьма неоднозначно. Во многом это объясняется отнюдь не идеальным состоянием

собственной политической культуры журналистов постсоветского периода. Осуществлению задач создания гражданского общества могли бы поспособствовать, по нашему мнению, усиление просветительского потенциала СМИ, упрочение позиций социально ответственной журналистики.

Литература

Геллнер, Э. (1995). *Условия свободы: гражданское общество и его исторические соперники.* М.: Ад Маргинем.

Грабельников, А. А. (2002). *Работа журналиста в прессе: учеб. пособие.* М.: РИП-холдинг.

Дедков, И. (2005). *Дневник: 1953–1994.* М.: Прогресс-Плеяда.

Засурский, И. (1999). *Масс-медиа второй республики.* М.: Изд-во Моск. ун-та.

Корконосенко, С. Г. (Ред.-сост.) (2004). *Журналистика в мире политики: исследовательские подходы и практика участия.* СПб.: Изд-во Михайлова В. А.

Манхейм, К. (1994). *Диагноз нашего времени.* М.: Юрист.

Прохоров, Е. П. (2001). Журналистика и демократия. М.: РИП-холдинг.

Реснянская, Л. Л. (2000). Выборы как фактор состояния коммуникационной среды. *Журналистика в 1999 году: тезисы науч.-практич. конф*. Ч. II, (сс. 3–6). М.: [б. изд.].

Страшнов, С. Л. (2006). Ивановские выборы в освещении СМИП. *Акценты*, *1-2,* 75–77.

Франк, С. Л. (1992). *Духовные основы общества.* М.: Республика.

Чернышевский, Н. Г. (1974). Пролог: Роман из начала шестидесятых годов. *Собр. соч.* В 5 т. Т. 2. М.: Правда.

Сведения об авторе:
Сергей Леонидович Страшнов, д-р филол. наук, проф.; sstrashnov@yandex.ru

TO THE QUESTION OF FORMING AUDIENCE'S POLITICAL CULTURE THROUGH JOURNALISM

S. L. Strashnov
Ivanovo State University
39 Yermaka str., Ivanovo,
Russian Federation, 153025

The question of the population's political culture forming is particularly relevant in the light of the programs of the civil society building. The mass media are one of the main channels for developing political culture. In this regard, the type and quality of the journalist's own ideological position are important. In a number of situations the subordinate type prevails especially when he becomes a politician, particularly a party leader. However, building a multipolar society requires something else, namely integration, as well as education of the audience aimed at spreading the activist culture. Being a mediator between society and government, various social entities, specialized fields and mass audiences, a journalist has enough opportunities to become an adequate citizen. Meanwhile, as the author shows on the pre-election media work during the last 20 years such processes are highly difficult.

Keywords: civil society, political culture, audience, position of a journalist, enlightenment, election campaign.

References

Chernyshevsky, N. G. (1974). Prolog: Roman iz nachala shestidesyatyh godov [Prologue: A novel from the early sixties]. *Sobranie sochinenij. V 5 tomah. T. 2* [Collected works in 5 vols., vol. 2] (pp. 3–458). Moscow: Pravda. (In Russian)

Dedkov, I. (2005). *Dnevnik: 1953–1994.* [Diary: 1953–1994]. Moscow: Progress-Pleiades. (In Russian)

Frank, S. L. (1992). *Duhovnye osnovy obshchestva* [The spiritual foundations of society]. Moscow: Republic. (In Russian)

Gellner, E. (1995). *Usloviya svobody: Grazhdanskoe obshchestvo i ego istoricheskie soperniki* [Conditions of freedom: Civil society and

its historical rivals]. Moscow: Ad Marginem. (In Russian)

Grabelnikov, A. A. (2002). *Rabota zhurnalista v presse* [The work of a journalist in the press]. Moscow: RIP holding. (In Russian)

Korkonosenko, S. G. (Ed.-comp.). (2004). *Zhurnalistika v mire politiki: issledovatel'skie podhody i praktika uchastiya* [Journalism in the space of politics: Research approaches and participatory practices]. Saint Petersburg: Publishing house of Mikhailov V. A. (In Russian)

Manheim, K. (1994). *Diagnoz nashego vremeni* [The diagnosis of our time]. Moscow: Lawyer. (In Russian)

Prokhorov, E. P. (2001). *Zhurnalistika i demokratiya* [Journalism and democracy]. Moscow: RIP holding. (In Russian)

Resnyanskaya, L. L. (2000). Vybory kak faktor sostoyaniya kommunikacionnoj sredy [Elections as a factor of the state of the communication environment]. *Zhurnalistika v 1999 godu: tezisy nauch.-praktich. konf.* [Journalism in 1999: Abstracts of the scientific-practical. conf.]. Vol II (pp. 3–6). Moscow: [Without publisher]. (In Russian)

Strashnov, S. L. (2006). Ivanovskie vybory v osveshchenii SMIP [Ivanovo elections in the coverage of the mass-media]. *Accents, 1-2*, 75–77. (In Russian)

Zassoursky, I. (1999). *Mass-media vtoroj respubliki* [Mass media of the second republic]. Moscow: Moscow University Publishing House. (In Russian)

Author's information:
Sergey L. Strashnov, Dr. Sci. in Philology, Professor, sstrashnov@yandex.ru

УДК 008

НОВОМЕДИЙНАЯ СРЕДА КАК ПРОСТРАНСТВО АНТИНОМИЧНОСТИ

Е. Л. Яковлева
Казанский инновационный университет им. В. Г. Тимирясова
Российская Федерация, 420111, Казань, ул. Московская, 42

Очередной поворот в истории культуры привел к новым условиям жизни. Современное социопространство в своей жизнедеятельности подчиняется интенсивному влиянию со стороны техносферы и инфосферы, а человек становится электронным кочевником. Он, с одной стороны, очаровываясь техносредой, начинает активно осваивать новые медиа, формируя в них образ и информацию о себе. С другой стороны, кочевник, погружаясь в иллюзорную реальность, развоплощается и оказывается обезличенным, следуя понравившимся образцам. Объектом исследования стала антиномичность, обнаруживаемая в проявлениях электронных кочевников современности посредством новых медиа. Виртуальная среда и новые медиа одновременно помогают сформировать кочевника, его медиакомпетенцию и медианавыки, но при этом, уводя из реальности, превращают в придаток высоких технологий, нивелирующих индивидуальность.

Ключевые слова: новые медиа, электронный кочевник, медиаобраз, манипуляция, копирование.

© Яковлева Е. Л., 2019

Введение. Социум XXI века испытывает мощное влияние со стороны современных технологий, становящихся все более совершенными. Новомедийная среда, захватывающая социопространство, приводит к многочисленным изменениям в его устройстве и функционировании. Во взаимодействиях людей друг с другом обнаруживается *цепной шантаж*, где «каждый является заложником каждого» [Бодрийяр 2017: 59]. Интенсивное развитие техносферы и инфосферы создают в обществе новые пласты реальности, бытийствующие по своим законам и заставляющие считаться с ними. Они завораживают массовое сознание, приводя к состоянию зависимости от них [Кастельс 2004]. Современные люди, испытывая давление со стороны новых медиа, перемещаются в виртуальное пространство, проявляя себя в качестве *электронных кочевников* [Аттали 1993; Митчелл 2012; Яковлева 2015]. Они становятся активными пользователями новых медиа, участниками формирования информации и обмена ею. Подчеркнем, современный индивид способен не только осваивать и ретранслировать полученную информацию, но и самостоятельно производить ее, тем самым демонстрируя собственную медиакомпетенцию и медианавыки. Данный процесс парадоксален. Он свидетельствует о возвращении индивиду его субъектности и собственного Я, но при этом и о

процессе распада непосредственных социальных отношений и дегуманизации, отрицающем ценностную ориентированность на личность как таковую. Именно новые медиа, рождаемые на пересечении культуры, техносферы и инфосферы, становятся для индивида пространством постоянной включенности в них, помогая осуществлять коммуникацию, получать информацию, конструировать и демонстрировать фрагменты субъективной истории, кристаллизовать опыт и фиксировать непрерывное становление. Новые медиа способствуют осознанию собственной идентичности, но при этом виртуальная среда и потоки информации в ней обезличивают человека, делая его немым коммуникантом, воспринимающим все к сведению и следующим заданным образцам. В связи с перечисленным исследуется проблема личности в контексте современной медиасреды. Объектом рассмотрения становится новомедийная среда и противоречивость ее влияния на социум и индивида. Новизна заключается в том, что в метафизике современного человека, превратившегося в придаток технологий и ставшего электронным кочевником, обнаруживается антиномичность, усложняющая его бытие. Методологической основой исследования стали идеи Ж. Бодрийяра, Л. Мановича и М. Ямпольского, посвященные новым медиа, виртуальной среде и образному восприятию современности. Проблема анализируется в виде нарратива, базирующегося на диалектическом и феноменологическом методах.

Фатальное очарование новых медиа. Сегодня новомедийная среда становится неотъемлемой частью бытия каждого человека, помогая ему решать многочисленные метафизические задачи и проблемы. Данная среда, открывая новые формы разнообразного бытийствования, оказывается «убийством реальности» и «уничтожением иллюзии — жизненно важной иллюзии, радикальной иллюзии мира», но исчезновение реальности сегодня тщательно скрывается [Бодрийяр 2019: 9, 18]. Новомедийный мир предстает как *Ничто*, кажимость, несуществование, обладающие потрясающей силой привлекательности благодаря своей технологичности и мифологичности. Последние предлагают двойную игру с реальностью и виртуальностью, приводящие к *транспарации мира* (Ж. Бодрийяр). Но современный индивид, практически круглосуточно подключенный к новым медиа, не замечает этого. Он, «лишаясь личностных характеристик, превращается в агента информационно-компьютерных сетей, его тело в средство для сбора «данных», чтобы перенести их в Сеть» [Кутырев 2015: 12]. Личность сегодня интегрируется в виртуальность, приходя к состоянию видеосинтеза. Не замечая собственного перевоплощения (точнее — развоплощения) в придаток технического, индивид *расчеловечивается,* демонстрируя в своем бытии в качестве электронного кочевника комфортабельную смерть Я. Живя в мире высоких технологий, он оказывается выключенным из реальности, являя своим наличием в ней *отсутствующее присутствие / присутствующее отсутствие*. Кочевник в большей степени неприспособлен к действительной жизни и решению многих ее проблем.

Постоянно пребывая в новомедийном мире, получая потоки информации и лавируя в них, современная личность постепенно перестает осознавать смысл текстов, теряя способность критического мышления и понимания. В этом отношении он демонстрирует *деградацию в новое* (В. А. Кутырев).

Неслучайно электронных кочевников можно назвать *цифровыми аборигенами*, выросшими в дигитальной среде и использующими все технологические приспособления как продолжение тела [Prensky 2001]. Им свойственно особое *цифровое мышление* «без означаемого (объекта) и означающего (субъекта)», «без-осознания и смысла» [Кутырев 2015: 234]. Новомедийная среда и ее всеохватность приводят к тому, что «присущая человеку интенциональность (направленность сознания на определенный предмет) оказывается частично / полностью изъятой» [Манович 2018: 66]. Тем не менее, электронный кочевник, живя в бессмысленности, продуцирует банальность, пошлость, искаженные смыслы, способствующие продолжению движения в новомедийной среде. Другое дело, что данное движение в режиме бешенной неподвижности оказывается отчужденным, не способствующим проникновению в суть событий и явлений. Новомедийная среда довольно поверхностно затрагивает интеллектуальную, эмоциональную и нравственную компоненты метафизики кочевника, делая его человеком неглубоким. Кочевнику комфортно среди цифровых медиафактов, которые не покушаются на его жизненную ситуацию, что усугубляет его отстраненность и безучастность.

Специфика современных медиаобразов. Не последнюю роль в сложившейся ситуации выполняют медиаобразы (видеоролики / фотографии / картинки / комиксы), помогающие приблизительно, в общих чертах воссоздать картину мира / ситуации и выкрутиться из бессмысленности. Дело в том, что в современности, живущей под знаком визуального поворота, осуществляется «общее движение нашей культуры от вербализируемых смыслов к смутным идеям аффектов» [Ямпольский 2019: 412]. Источником появления аффектов становятся образы: у современных электронных кочевников «остался только зрительный нерв, а все остальные удалены» [Бодрийяр 2019: 224]. Образ своей наглядностью заряжает индивида не интеллектуально, а эмоционально. Фундаментальное знание о мире заменяется быстро забываемой / стираемой *информацией-о-*, формируемой образами. На смену смыслу приходят визуальные представления, провозглашающие видеоцентризм и отрицающие лого(с)центризм. При этом объект, становящийся образом, может иметь связь с реальностью, подвергаясь впоследствии цифровой обработке, или полностью конструироваться при помощи компьютерных программ. Последний, обладая цифровой природой, претендует на естественность и выдает себя за реальность. Новомедийный образ представляет собой открытую форму, включающую в себя изменяемые переменные (степень детализации, цвет, формат). Вследствие этого любое изображение в новомедийной среде совмещает в себе культурный и компьютерный пласты, где преобладают элементы компьютерной космогонии и онтологии.

Отсутствие взаимодействия в новых медиа с реальным взглядом обнажает *бесперспективность зрения* (Т. А. Шу). Более того, переизбыток образов делает личность усталой, отчужденной, пассивно реагирующей на них и быстро стирающей из памяти, потому что образы сегодня олицетворяют пустой знак, в котором нечего созерцать. Современный медиаобраз олицетворяет *нейтральный портрет* (М. Ямпольский), о котором трудно сказать что-то определенное, кроме того, что он красив. Глянцевая фотография стирает индивидуализацию: «на лицах здесь нет читаемых следов, они никак не

маркированы, в них нет ни биографии, ни социального статуса» [Ямпольский 2019: 253]. Создаваемый медиаобраз, демонстрирующий «колебания между сверхиндивидуальностью и безликостью» [Ямпольский 2019: 241], утрачивает признаки своего реального существования: в нем все сконструировано и сделано, включая фон. Современный образ скрывает *остаточное сходство с реальностью* (Б. Букло), артикулируя отсутствие субъективности как ее гламурную гипертрофированность. Благодаря цифровизации образ «оказывается не только лишенным всякой индивидуальности художественного исполнения, но и любых остатков внутреннего мира и приватного Я» [Ямпольский 2019: 254]. Сегодня образы «появляются и исчезают, без возможности чему-либо вообще проявляться», «они показывают себя, не заботясь ни о своей сущности, ни даже о своем существовании» [Бодрийяр 2019: 35]. Если медиаобраз стерилен, то его цифровая обработка «несет в себе огромное количество следов внешнего воздействия»: «впечатляющее количество пикселей, составляющих текстуру изображения», фиксирует «каждую деталь… абсолютно точно» [Ямпольский 2019: 253]. Образ, тиражируемый в новых медиа и демонстрирующий личность, оказывается только зрзацем субъективности, кажимостью бытия, преподносимой театрально и мифологично.

Тактики соблазна медиаобразов. Необходимо отметить, что нейтральность и даже стерильность современных медиаобразов обладает мощной силой воздействия, манипулируя массовым сознанием: образы «постоянно преследуют нас своим отсутствующим и нематериальным присутствием» [Бодрийяр 2019: 19]. Данный процесс свидетельствует о том, что массовое сознание постоянно поглощает Ничто, пустоту образов, выступающих в качестве «эквивалента мира, в котором нечего созерцать» [Бодрийяр 2019: 19]. Пустотность медиаобраза, играя роль аттрактора, стимулирует разнообразные движения вокруг него, связанные с копированием массовым сознанием. Соблазняя своей глянцевой привлекательностью, образ диктует формы проявления в социальном, оказываясь мощным средством манипуляции. Массовому сознанию посредством яркой наглядности образа внушают определенную информацию, воспринимаемую некритично к сведению. Как мы уже писали, именно образ взывает к личности, затрагивая (поверхностно) ее эмоции и чувства.

Образ одновременно подчиняет и формирует личность, что осуществляется прозрачно и скрывает его властный характер. Неосознанно имплантируя образ вовнутрь собственного бытия, *в-себя,* личность меняет собственную субъективность, взирая на мир глазами Другого. Как справедливо заметил Л. Альтюссер, субъект *производится дискурсом*. М. Фуко, развивая тему *дискурсивного производства субъекта,* подчеркивал, что в тело личности внедряются социальные практики, начинающие управлять им без особых усилий [Фуко 1996: 149]. Перечисленное свидетельствует о зависимости электронных кочевников от образов, тиражируемых в медиасреде. Но властная сила манипуляции антиномична: прозрачность ситуации рабского подчинения заключается в том, что индивид добровольно делает свой выбор в сторону принятия определенного образа, не замечая собственную *принужденность к желанию*. Медиасреда «предлагает каждому конструировать собственный образ жизни», «выбирать ту или иную

точку зрения», но все действия личности отслеживаются и фиксируются с целью дальнейшего программирования ее предпочтений и желаний [Манович 2018: 77].

Боязнь потеряться в социокультурном пространстве, быть кафкианским маленьким человеком, неизвестным и незаметным в мире счастливых и успешных людей гламура подводит кочевников к желанию реализовать себя и собственные сокровенные мечты в новомедийной среде и ее социальных сетях. Новомедийное пространство и его социальные сети ввиду своей открытости и доступности создают великолепную платформу, обещающую популярность и известность каждому. Данные тактики соответствуют метафизике электронного кочевника, живущего в режиме *отсутствующего присутствия / присутствующего отсутствия,* где главенствует отчужденность, пассивность, поверхностность и комфортность. Новые медиа наглядно демонстрируют рост социального капитала личности, чей образ постоянно тиражируется и собирает одобрения в виде лайков подписчиков. Но реальные последствия позиционирования в медиасреде оказываются парадоксальными.

Последствия соблазнения медиаобразами. Властная сила образов приводит к их копированию, тем самым обнажая «волю к кажимости, к иллюзии, к заблуждению, к становлению и перемене» [Бодрийяр 2019: 24]. Примеряя на себя образы в качестве внешних оболочек, личность реализует потребность в переменах, но не внутренних, а внешних, создающих иллюзию ее становления, а значит — развития (другое дело, в каком направлении — восходящем или нисходящем с точки зрения качества). Вариативность, присущая новым медиа, позволяет постоянно «создавать множество разных версий себя», где «пользователь играет активную роль в формировании того порядка, в соответствии с которым будет облегчен доступ к уже сгенерированным элементам» [Манович 2018: 71, 75]. Но индивид копирует и производит кажимости, нереальности, не соотнося примеряемый образ с собственной индивидуальностью, в чем заключается его заблуждение. Постоянно конструируемые массовым сознанием образы, заимствованные из новомедийной среды, оказываются показателем *диссоциации личности*: «субъект вдруг разваливается на несколько не собираемых вместе ипостасей» [Ямпольский 2019: 254], нередко чуждых ему, доставляющих иллюзорное, недолговременное удовольствие и вызывающих впоследствии дискомфорт. Но ввиду потери критического мышления кочевник не понимает причин собственного беспокойства и неудовлетворенности. Дело в том, что сам процесс репрезентации противоречив. Как обнаруживает М. Анри, он связан с выбрасыванием «из себя своего основания — субъекта», вследствие чего индивид «наращивает свою сущность, свое Бытие из структуры репрезентации и идентифицируется с ней», при этом теряя собственное Бытие [Цит. по: Ямпольский 2019: 256]. Копируя медийные образы, электронный кочевник лишается навыка репрезентирования себя. В итоге, фиксируя себя в фото- и видеосъемках, субъект теряет себя, попадая в обесцененный массовый архив.

Необходимо признать, что современные медиаобразы и их копирование массовым сознанием есть своеобразный крик о себе, о своем существовании в мире. Как заметил В. Бибихин, «только в безумном крике может прорваться, открывшись и для

тебя самого, та правда, что ты не вещь, а событие» [Бибихин]. Другое дело, что в современности данный крик оказывается беззвучным, немым, словно всех «цепко обнимает смерть, которой противен крик» [Бибихин]. В гуле информации новомедийной среды все слышат, но никто никого не слушает; все воспринимают, но не понимают; все реагируют, оставаясь безучастными. Процесс коммуникации в новомедийном мире, реакция на медиаобразы и их репрезентации представляют собой отчужденно-*вежливое невнимание* (Э.Гоффман) или *полное безразличие* (Ж. Бодрийяр): на территории образной пустоты, «на грани пустоты» индивид пытается «начертать невидимый знак пустоты, на грани безразличия сыграть по таинственным правилам безразличия» [Бодрийяр 2019: 19]. Осуществляя молчаливый диалог в сети, электронные кочевники подавляют истинную эмоциональную сферу, связанную с интересом к себе и Другим. Проявляемые в медиакоммуникации эмпатия и соучастность оказываются поверхностными, симулятивными, быстро забываемыми, не оставляющими впечатлений. Данная нечувствительность есть ничто иное как *неспособность существовать* (Ж. Бодрийяр) и при этом бытийствовать в выключенном из жизни формате. Как мы писали ранее, данный способ бытия представляет собой своеобразную комфортабельную смерть Я.

Выводы. Удобным пространством обитания современного человека оказывается постоянно обновляемая новомедийная среда. В ней все технологично и подвижно. Новомедийная среда функционирует по собственным законам, допускающим технологичную вариативность комбинаций. Она изменяет социосферу, одновременно трансформируя не только общество в целом и отдельные его сегменты, но и конкретную личность. Современный индивид, становясь придатком высоких технологий, начинает проявлять себя в большей степени как операционист и функционал. Любые кризисы субъективности решаемы в медиасреде посредством новых вариантов и комбинаций самопроявлений, в которых на смену диалектичности развития приходит алеоторичность, рождающая непредсказуемость, любопытство, азарт и желание попробовать. Совмещение культурных и компьютерных пластов в новых медиа оказываются источником транскодинга, стимулируя дальнейшее развитие даже в условиях кризиса субъективности. Но кочевник, используя высокие технологии и живя в потоках информации, теряет способность критического мышления и деградирует в новое.

Визуальный поворот в культуре главным элементом новомедийной среды делает образ, концентрирующий в себе сегодня конструируемую вариативность, наглядность и пустые смыслы. Цифровая обработка превращает образы в соблазняющий контент, делая массовое сознание зависимым от них. Современная личность не только воспринимает образы, но и конструирует их, демонстрируя собственный имидж. В данном процессе у кочевников обнаруживаются сформированные у них медиакомпетенции и медианавыки. Но для электронного кочевника образ ввиду его технологичности оказывается одновременно и привлекательным, и отталкивающим, рождая осознание собственного реального несоответствия ему. Перечисленное может отразиться на психологическом состоянии индивида, став импульсом для нарастающей раздражительности, нервозности, страхов и стрессов. Очаровываясь образами, подвергшимися цифровой

обработке, кочевник начинает копировать их, но данный процесс имеет неоднозначные последствия. Конструируемый образ одновременно позволяет быть личности известной и забываемой, самоутверждаться и терять себя, находить нужное и разочаровываться в нем ввиду смысловой ничтойности и иллюзорности. Надо отметить, что данная антиномичность оказывается импульсом к развитию в непредсказуемом направлении как в реальной, так и в новомедийной среде. В результате копирования образов социосфера заполняется *прецессией двойников* (Ж. Бодрийяр), осуществивших желание повышения социального статуса и преобразования внешности, но исключивших из оптики внимания смысложизненные поиски. Движение двойников осуществляется по ленте Мебиуса, в которой реальность незаметно оборачивается виртуальностью, что превращает жизнь в ускользающую вереницу забываемых образов и событий, фиксируемых в новомедийной среде и составляющих обесцененный массовый архив современности. В итоге новомедийное пространство, демонстрируя высокотехнологичность функционирования и уровень развития интеллекта создателей, способствует деградации электронных кочевников как пользователей и понижению качества их метафизических характеристик (эмоциональных, интеллектуальных, нравственных).

Литература

Аттали, Ж. (1993). *На пороге нового тысячелетия*. М.: Международные отношения. [Web-страница]. Электронный ресурс http://kob.su/content/na-poroghie-novogho-tysiachielietiia-zhak-attali/

Бибихин, В. *Узнай себя*. [Web-страница]. (б/д). Электронный ресурс http://www.bibikhin.ru/uznay_sebya

Бодрийяр, Ж. (2019). *Совершенное преступление. Заговор искусства*. М.: ПАНГЛОСС.

Бодрийяр, Ж. (2017). *Фатальные стратегии*. Москва: РИПОЛ классик.

Кастельс, М. (2004). *Галактика Интернет: Размышления об Интернете, бизнесе и обществе*. Екатеринбург: У-Фактория.

Кутырев, В. А. (2015). *Последнее целование. Человек как традиция*. СПб.: Алетейя.

Манович, Л. (2018). *Язык новых медиа*. М.: Ад Маргинем Пресс.

Митчелл, У. (2012). *Я++: Человек, город, сети*. М.: Strelka Press.

Фуко, М. (1996). *Воля к истине: по ту сторону знания, власти и сексуальности. Работы разных лет*. М.: Кастель.

Ямпольский, М. (2019). *Изображение. Курс лекций*. М.: НЛО.

Яковлева, Е. Л. (2015). Электронный кочевник как новая форма идентификации личности. *Философия и культура*, *11(95),* 1655-1664. DOI: 10.7256/1999–2793.2015.11.15689.

Prensky, M. *Digital Natives, Digital Immigrants, Part II: Do They Really Think Differently?* [Web-страница]. (б/д). Электронный ресурс http://www.marcprensky.com/writing/Prensky%20-%20Digital%20Natives,%20Digital%20Immigrants%20-%20Part2.pdf

Сведения об авторе:
Елена Людвиговна Яковлева, доктор филос. наук, доцент; mifoigra@mail.ru

THE NEW MEDIA ENVIRONMENT AS A SPACE OF ANTINOMY

E. L. Iakovleva
Kazan Innovation University named after *V. G. Timiryasov*
42, Moskovskaya street, 420111, Kazan, Russian Federation

Another turn in the history of culture has led to new living conditions. In its life, modern social space is a subject to intense influence from the technosphere and infosphere, and

a person becomes an electronic nomad. On the one hand, he is fascinated by the technological environment and begins to actively master new media, forming an image and information about himself in them. On the other hand, a nomad, plunging into an illusory reality, disembodiment and becomes impersonal, following the patterns he likes. The object of the study was the antinomy found in the manifestation of the electronic nomads of our time through new media. The virtual environment and new media at the same time help to shape the nomad, his media competence and media skills, but at the same time, taking him away from reality, they turn him into an appendage of high technologies that level individuality.

Keywords: new media, electronic nomad, media image, manipulation, copying.

References

Attali, Zh. (1993). *Na poroge novogo tysjacheletija* [On the threshold of the new millennium]. Moscow: Mezhdunarodnye otnoshenija. [Web-page]. Retrieved from http://kob.su/content/na-poroghie-novogho-tysiachielietiia-zhak-attali/. (In Russian)

Bibihin, V. *Uznaj sebja* [Recognize yourself]. [Web-page]. (No date). Retrieved from http://www.bibikhin.ru/uznay_sebya. (In Russian)

Bodrijjar, Zh. (2019). *Sovershennoe prestuplenie. Zagovor iskusstva* [Committed crime. Plot of art]. Moscow: PANGLOSS. (In Russian)

Bodrijjar, Zh. (2017). *Fatal'nye strategii* [Fatal strategies]. Moscow: RIPOL Classik. (In Russian)

Castells, M. (2004). *Galaktika Internet: Razmyshlenija ob Internete, biznese i obshhestve* [Galaxy Internet: Reflections on the Internet, Business and Society]. Yekaterinburg: U-Faktorija. (In Russian)

Kutyrev, V. A. (2015). *Poslednee celovanie. Chelovek kak tradicija* [Last kiss. Man as tradition]. Saint Petersburg: Aletheia. (In Russian)

Manovich, L. (2018). *Jazyk novyh media* [Language of new media]. Moscow: Ad Marginem Press. (In Russian)

Mitchell, U. (2012). *Ja++: Chelovek, gorod, seti* [I ++: Man, city, network]. Moscow: Strelka Press. (In Russian)

Fuko, M. (1996). *Volja k istine: po tu storonu znanija, vlasti i seksual'nosti. Raboty raznyh let* [The will to truth: beyond knowledge, power and sexuality. Works of different years]. Moscow: Kastel'. (In Russian)

Jampol'skijy, M. (2019). *Izobrazhenie. Kurs lekcij* [Image. Lecture course]. Moscow: NLO. (In Russian)

Iakovleva, E. L. (2015). Jelektronnyj kochevnik kak novaja forma identifikacii lichnosti [Electronic nomad as a new form of identity]. *Filosofija i kul'tura,* 11 (95), 1655-1664. DOI: 10.7256/1999-2793.2015.11.15689. (In Russian)

Prensky, M. *Digital Natives, Digital Immigrants, Part II: Do They Really Think Differently?* [Web-page]. (No date). (Retrieved from http://www.marcprensky.com/writing/Prensky%20-%20Digital%20Natives,%20Digital%20Immigrants%20-%20Part2.pdf

Author information:
Elena L. Iakovleva, doctor of philosophical science, Professor; mifoigra@mail.ru

Эмпирические исследования

Н. С. Авдонина,
Н. А. Самылова
Северный (Арктический) федеральный университет им. М. В. Ломоносова
Российская Федерация, 1630000, Архангельск, наб. Северной Двины, 17

В статье анализируются особенности формы и содержания авторских блогов о кино с точки зрения эстетики. В проведенном контент-анализе стэнд-элон (stand-alone) блоги «Глюк» (glukk) и «Мирумаксимум» (MIRUMAXIMUM) и видеоблог «Муви-Сайенс» (MovieScience) рассматриваются с точки зрения эстетического единства формы и содержания. Методологическую основу исследования составили общенаучные методы и принципы системности и объективности. Основные методы исследования: анализ (классификационный, анализ отношений объектов), синтез, сравнение и контент-анализ. Авторы преследовали следующие задачи: исследовать понятие эстетики как категорию художественного, изобразительного и журналистского творчества; проанализировать понятие эстетики в приложении к блогосфере; проанализировать эстетику формы и содержания выбранных киноблогов.

Ключевые слова: блог о кино, видеоблог, стэнд-элон блог, жанровая система, рецензия.

© Авдонина Н. С., Самылова Н. А., 2019

УДК 808

ЭСТЕТИКА ФОРМЫ И СОДЕРЖАНИЯ БЛОГОВ О КИНО

Введение. В современном Интернете существует множество тематических блогов. Аудитория может выбирать не только оптимальный формат, но и автора с наиболее близкой для нее позицией по данной тематике. Технические возможности современных медиаплатформ позволяют авторам обогащать текстовое содержание своих блогов аудио- и видеоматериалами, разного рода иллюстрациями. Для молодой аудитории блоги стали привычным каналом получения информации. Важными критериями при выборе блогов становятся категории «красиво / некрасиво», «интересно / неинтересно» и их взаимосвязь. В данной статье основное внимание сосредоточено на эстетическом единстве формы и содержания блогов о кино. Выбор тематики (кинематограф) объясняется высоким интересом к ней аудитории.

Цель, задачи, методы, материал исследования. Основная цель исследования — проанализировать авторские блоги о кино с точки зрения эстетического единства формы и содержания. Материалом исследования послужили видеоблоги BadComedian и MovieScience; stand-alone блоги glukk и MIRUMAXIMUM; киноблог в социальных сетях «Твой любимый паблик».

Для реализации цели были поставлены следующие исследовательские задачи:

— рассмотреть понятие эстетики как категорию художественного, изобразительного и журналистского творчества;

— проанализировать понятие эстетики в приложении к блогосфере;

— изучить феномен блогов как вид новых и социальных медиа;

— выявить специфику исследуемых блогов;

— проанализировать эстетику формы и содержания выбранных киноблогов (блогов о кино).

В ходе исследования изучалась и обобщалась теоретическая литература, в качестве научных методов использовался классификационный анализ, анализ отношений объектов, синтез, сравнение, наблюдение.

Обзор работ по теме. Для осмысления современного понимания эстетики следует обратиться к тем сферам человеческой деятельности, к которым данный термин точно применим, а именно — к искусству во всех его проявлениях и журналистскому творчеству. Ю. Б. Борев так определяет содержание понятия «эстетика»: «Философская наука о сущности общечеловеческих ценностей, их рождении, бытии, восприятии и оценке, о наиболее общих принципах эстетического освоения мира в процессе любой деятельности человека, и прежде всего в искусстве, о природе эстетического и его многообразии в действительности и в искусстве, о сущности и законах творчества, о восприятии, функционировании и развитии искусства» [Борев 2002: 13]. Эстетическая деятельность универсальна, она имеет общечеловеческую значимость. Венцом эстетической деятельности Ю. Б. Борев называет искусство. Эстетическая деятельность может осуществляться по законам красоты (художник пишет картину, архитектор проектирует здание), по законам комического (сатирические рассказы), трагического (реквием), возвышенного (героический эпос), безобразного (кинофильмы в жанре трэш, современные хорроры).

Современные медиа транслируют и трансформируют художественно-эстетический опыт человечества, формируют и внедряют в массовое сознание новые культурно-ценностные константы, морально-нравственные нормативы и речевые образцы [Казак & Крылова 2015]. М. Ю. Казак определяет ведущие признаки медиатекстов, к которым относятся: «медийность (опосредованность характеристик текста форматными и техническими возможностями передающего канала) и семиотическая интегративность, что проявляется в смешанном характере текстов — вербально-невербальных, вербально-визуальных, креолизованных, поликодовых, интегрирующих в единое семиотическое целое разные знаковые системы» [Казак & Крылова 2015: 135].

Эстетическая избирательность часто проявляется в таких чертах журналистского текста, как интертекстуальность и языковая игра. Эстетика внешнего оформления текста оценивается по критериям соответствия содержания канонам жанра и его жанроформирующим признакам. Можно говорить об эстетике рецензии и других жанров новостной, аналитической и художественно-публицистической журналистики.

Как таковые исследования об эстетике в применении к блогосфере не получили распространения, однако блогосфера в некоторых характеристиках имеет сходство с журналистикой, поэтому есть возможность перенести существующий опыт изучения журналистского творчества на исследование блогосферы и использовать его для выявления характерных черт эстетики блогов.

Полагаем, что одной из основных эстетических особенностей блогов, как и современных медиа в целом, является мультимедийность. Для анализа мультимедийности блога

целесообразно использовать классификацию креолизованных текстов Е. Е. Анисимовой [Анисимова 2003]. Термин «креолизованные тексты», согласно Ю. А. Сорокину и Е. Ф. Тарасову [1990], подразумевает «тексты, фактура которых состоит из двух негомогенных частей (вербальной языковой (речевой) и невербальной (принадлежащей к другим знаковым системам, нежели естественный язык)». На основе классификации Е. Е. Анисимовой [2003] выделяются тексты:

— с нулевой креолизацией (изображение не представлено и не имеет значения для организации текста);

— с частичной креолизацией (между вербальным и изобразительным компонентами складываются автосемантические отношения, изобразительный компонент сопровождает вербальный текст и является факультативным);

— с полной креолизацией (между обоими компонентами устанавливаются синсемантические отношения; вербальная часть ориентирована на изображение или отсылает к нему, а изображение становится обязательным элементом текста).

Анализ материала. Вследствие того, что блог неоднороден и наполнение каждого поста вариативно, данную классификацию целесообразно применять не к блогу в целом, а к отдельным материалам. Таким образом можно обнаружить примеры каждого типа креолизованных текстов. Наиболее интересны тексты с полной креолизацией, в которых между вербальными и невербальными компонентами устанавливаются разнообразные функциональные и семантические отношения.

Для настоящего исследования были проанализированы стэнд-элон блоги «Глюк» (glukk) и «Мирумаксимум» (MIRUMAXIMUM) и видеоблог «Муви-Сайенс» (MovieScience) с 1 мая 2016 по 1 мая 2017 гг.

Коллективные стэнд-элон блоги явно схожи с современными интернет-изданиями. Сайт позволяет выделиться индивидуальным дизайном, оптимально настроить навигацию, а контент имеет скорее аналитический, чем информационный характер. «Глюк» — это независимый стэнд-элон блог о кино, созданный пятью авторами. Сайт начал работу в 2014 году, помимо пяти постоянных сюда пишут и приглашенные авторы. Основная аудитория сайта — молодые люди от 20 до 30 лет, интересующиеся кинематографом и культурой в целом. Чаще всего объектом исследования авторов является фестивальное кино, не всегда подходящее для массового зрителя. В «Глюк» публикуются гиды по ключевым кинофестивалям и иногда — рецензии на новые части блокбастеров, предназначенных для широкого проката.

За исследуемый период на сайте было опубликовано 42 материала. Все они имеют примерно одну и ту же форму, вне зависимости от жанра: основное внимание сосредоточено на тексте, материал разбавлен фотографиями и видеозаписями. Из общих характеристик текстов можно выделить объем, который колеблется от 2000 до 6000 знаков, бывают материалы объемом 3500 знаков.

Дизайн сайта минималистичен: посты располагаются в хронологическом порядке, единым потоком; превью каждого поста — фотография, чаще всего кадр из фильма — сопровождается фрагментом текста, яркой фразой, не обязательно из лида; внутренне посты представляют собой тексты на белом фоне с мультимедийными элементами. Мультимедийные элементы (фотографии, трейлеры кинофильмов) добавляют наглядности и разбавляют

текстовую информацию. Несмотря на неоднородность блога и вариативность наполнения каждого поста, согласно классификации креолизированных текстов Е. Е. Анисимовой, в большинстве постов «Глюк» изобразительный компонент сопровождает вербальный текст и является факультативным. Изображение в этом блоге является сопровождающим элементом текста, при замене одной фотографии на другую смысловая составляющая поста, вне зависимости от жанра, не изменится. Можно сделать вывод, что выбор фотографии обусловлен эстетическими представлениями авторов о внешнем виде поста.

Рецензия — самый распространенный жанр текстов в «Глюк». Наиболее часто для анализа фильмов используются следующие параметры:

— определение режиссерского замысла: «Осознанно не претендующему на большое высказывание, этому камерному, тихому инди-дебюту ловко удается ухватить ощущение предпраздничной меланхолии, смертельной декабрьской усталости. “Год выдался нелегкий”, “да скорей бы уже закончился”. Но в этой меланхолии, вопреки всякому здравому смыслу, сквозит искренний, инфантильный дух праздника и ожидание чуда”» [Леоненко 2016];

— идейное содержание кинофильма: «Ведь отец — это и Эго, и Бог в одном лице. А когда перекидываешься с ним мячом, время немного да застывает. Теперь получить кандидата наук за работу “Психоанализ и Marvel” стало еще легче: теорию Фрейда, объясняющую Бога как абсолютизированный образ отца, создатели довольно уверенно доносят в сценарии, который начинается с шутки про “сосочки”» [Гостев 2017];

— система образов: «Режиссер и сценарист обеих частей Джеймс Ганн понимал: главное при создании продолжения — не пытаться повторить все, что сработало в первой части. В диалогах почти не эксплуатируют “Я есть Грут”, Квилл то и дело сам отказывается “выходить на дело” в наушниках, а Дракс лишь мудро подмечает, что все люди делятся на два типа: тех, кто танцует, и тех, кто нет. Главного злодея на этот раз победит совсем другое» [Гостев 2017];

— особенности сюжета и композиция кинофильма: «“Патерсон” Джима Джармуша — фильм без загадок и сюжетных финтов, без страшных секретов и скелетов в шкафу. Мы проживаем с героями семь дней, которые не особенно отличаются друг от друга: они начинаются и оканчиваются одинаково, лишь в середине некоторое разнообразие. Такой фильм может быть только о поэте. Вернее, о поэзии. Американской» [Гулян 2016];

— особенности стиля режиссера, оператора и других, место фильма в мировом кинематографе: «Безумные вселенные и планеты, детали которых отсылают то к французским комиксам 70-х типа “Валериана”, то в дремучие джунгли “Аватара”, то напоминают (пусть и бюджетного) “Бегущего по лезвию”. Если “Интерстеллар” с его тремя планетами и черной дырой — это скорее канал Discovery, то “Стражи” — почти “Рик и Морти”» [Гостев 2017].

Процессы персонификации текста [Засурский 2007: 74–78] сегодня активно идут в журналистике и блогосфере. В таких текстах можно отметить синтез аналитики в форме рецензии и художественно-публицистических жанров (наиболее распространен жанр эссе), когда автор пишет субъективный отзыв на произведение искусства. Так проявляется гибридность кинорецензии — совмещение признаков аналитических и художественно-публицистических стилей. Это привело к тому, что наряду с объемом, числом анализируемых произведений и

темой, амплуа автора становится классификационным признаком рецензий. Таким образом, рациональная оценочность сменяется эмоциональной.

«Мирумаксимум» — стэнд-элон блог о кино, ранее существовавший только в формате паблика в социальной сети «Вконтакте». С 26 августа 2016 по 1 мая 2017 гг. на сайте было опубликовано более 120 материалов. Посты не имеют строгой периодичности, в среднем выходят раз в три-пять дней. Поскольку блог приближен к формату тематических специализированных изданий, отметим более выраженное соответствие публикаций классическим журналистским жанрам. Блог имеет широкую тематику. Подавляющее большинство публикаций — о фильмах, тенденциях и явлениях мирового кинематографа, только восемь публикаций связаны с российским кино.

Мультимедийные элементы (фотографии, скриншоты, анимационные изображения, трейлеры кинофильмов) добавляют наглядности и разбавляют текстовую информацию. Инфографика и более сложные интерактивные элементы отсутствуют.

Блог «Мирумаксимум» неоднороден, и наполнение каждого поста вариативно. Согласно классификации Е. Е. Анисимовой, в большинстве постов есть два варианта связи между текстом и изображением. Существуют тексты с полной креолизацией: вербальная часть ориентирована на изображение или отсылает к нему, а изображение становится обязательным элементом текста. Изображение является важным элементом каждого текста, его назначение заключается не в визуальном разделении на абзацы, а в подкреплении текста фотографией и добавлении наглядности.

Встречаются тексты с частичной креолизацией, в которых изобразительный компонент сопровождает вербальный текст, но является факультативным, при замене одного изображения на другое смысловая нагрузка поста не изменится. Например, в тексте «Белым по черному», рецензии на фильм «Прочь», изображения сопровождают текст, но никак не влияют на его цельное восприятие читателем. Это кадры из фильма с подписью под каждым из них. Таким образом, выбор фотографии обусловлен эстетическими представлениями авторов «Мирумаксимум» о внешнем виде публикации.

Эстетика содержания блога реализуется в композиционной и жанровой специфике каждого отдельно взятого поста. На примере жанров рецензии можно определить эстетические характеристики содержания блога «Мирумаксимум». Рецензия — самый распространенный жанр публикаций «Мирумаксимум» вне зависимости от рубрик. Исходя из тематики и содержания текстов, можно определить аудиторию. Исследователь жанрово-стилистических особенностей кинорецензии Д. Д. Брежнева выделяет три типа адресата: профессионал, полупрофессионал и непрофессионал [Брежнева 2013]. Согласно этой классификации, адресат блога «Мирумаксимум» — полупрофессионал. Это менее искушенный ценитель, чем адресат специализированного печатного издания, хотя и человек хорошо образованный, начитанный, культурный. Он разбирается в киноискусстве и стремится ориентироваться в мире новинок кино. Реализация эстетической функции текста, предназначенного для полупрофессионального адресата, будет отличаться от материала, адресат которой непрофессионал. Непрофессионалу интересно узнать, играют ли в фильме известные актеры, как используются спецэффекты; адресованный ему текст

имеет рекламно-информационную направленность, небольшой объем и написан по стандартизированной схеме. В рецензиях «Мирумаксимум» уделяется внимание режиссерскому замыслу, мотивам действий персонажей и их характеристикам. Особое место в рассмотрении кинофильмов занимает интерпретация. Интерпретатор стремится понять то, что оставалось для автора произведения неосознаваемым и недоговоренным, то есть обнаружить скрытый от читателя смысл. Например, в рецензии на фильм «Прибытие», главный научно-фантастический фильм 2016 года, картина исследуется как метафора развития кинематографа.

Авторы экспериментируют с формой, композицией, стилем и способами выражения своей личности в текстах. Самая нестандартная рецензия «Когда бывшая любит Гитлера и сотни других ситуаций, в которых вы узнаете себя» на сериал «Мужчина ищет женщину» написана в форме художественного диалога между двумя авторами.

Концепция блога «Муви-Сайенс» заключается в популяризации теоретических аспектов создания кинофильмов и изучении приемов и явлений кинематографа в целом. Основная часть видео — уникальный авторский контент, иногда на «Муви-Сайенс» переводят и озвучивают зарубежные ролики о кино. Каналу чуть больше года, со дня создания и до середины мая 2017 года на нем было опубликовано 40 видео. На данный момент над «Муви-Сайенс» работают три человека: основатель канала, занимающийся написанием сценариев роликов, постановкой, их монтажом, и два диктора. Продолжительность видео, вне зависимости от темы, не превышает 35 минут.

Стоит отметить основные особенности выражения личности автора в видеороликах. Создатель канала пишет сценарии роликов, выбирает фрагменты из фильмов, иллюстрирующие тему видео, монтирует в нужном порядке. В этом смысле каждое видео — продуманный до деталей оригинальный авторский продукт. Лексически авторское «я» выражается через использование личных местоимений. При этом ни в одном ролике нет ни одного фрагмента, в котором бы раскрывалась внешность автора или дикторов канала. Дикторы могут акцентировать внимание за счет интонаций и пауз, тем самым добавляя речи экспрессивности.

Для видеоблогов визуальная составляющая выполняет одну из ключевых функций. Прежде чем обратиться к содержанию блога, следует проанализировать общий вид канала «Муви-Сайенс». Таким образом удастся проследить специфику визуальной части роликов «Муви-Сайенс» от общего к частному. Так как канал существует на «Ю-Тьюб», отметим, что основные характеристики внешнего вида канала стандартны.

1. Главная: сверху закреплено одно видео (либо визитная карточка канала, то есть самое популярное видео, либо самый свежий ролик), далее расположен список выпусков, отсортированных по дате выхода, начиная с самого свежего видео).

2. Видео. В этом разделе отображаются все видео, выходящие на канале, есть возможность сортировать их по дате добавления или популярности.

3. Плейлисты. Этот раздел позволяет автору канала осуществлять тематическую дифференциацию роликов.

4. Каналы. Размещаются ссылки на другие каналы, с которыми имеется связь. У «Муви-Сайенс» этот раздел пуст.

5. Обсуждение. Здесь публикуются рекомендации, мнения и пожелания от пользователей сайта непосредственно автору канала.

6. О канале. На «Муви-Сайенс» в этом разделе размещена информация о количестве подписчиков и общем количестве просмотров на канале, дата регистрации, концепция блога, контакты и ссылки на другие ресурсы.

Основным жанром блога является видеоэссе, имеющее трехчастную структуру: введение, основная часть и заключение. Мы разберем пример видео «Чеховское ружье Эдгара Райта».

Во введении подписчиков знакомят с предпосылкой выбора темы и подводят к тому, о чем пойдет речь в дальнейшем. В самом начале выпуска «Чеховское ружье Эдгара Райта» авторы говорят об английской педантичности и отмечают, что в фильмах этого режиссера «буквально ничто не происходит просто так, к каждой детали, показанной в начале, он неизменно возвращается в конце, сплетая из множества таких элементов весь фильм и строя на этом комедию. Именно об этом я и хотел рассказать в этом выпуске. Как Райт, даже, казалось бы, откровенную глупость и абсурд делает сложнейшим средством повествования» [Чеховское ружье 2017].

Основная часть ролика состоит из двух частей:

— объяснение теоретических основ темы либо экскурс в биографию главного героя ролика. Автор вводит английское понятие «предзнаменование», базовый прием драматургии, обозначающий связь всех элементов сюжета от начала до конца фильма на структурном уровне. Потом он знакомит с более привычным для русских людей аналогом этого понятия, «чеховским ружьем», основное правило которого гласит: если в первом акте на стене появилось ружье, в последнем оно обязательно выстрелит. Отмечается, что Райт доводит данное правило до абсурда, добавляя в сюжет десятки примеров реализации приема. Сообщается, что применение «чеховского ружья» в фильмах может иметь разные цели: конструирование структуры, создание комедии и повествования, раскрытие характера персонажей и их роли в сюжете, а в фильме «Скотт Пилигрим против всех» это главное средство построения всей истории и воплощения ее идеи;

— примеры того, как теория реализуется в конкретных кинофильмах. Говоря о структуре фильмов Райта, автор эссе отмечает, что весь первый акт фильма «Типа крутые легавые» полностью состоит из предзнаменований, сказывающихся на дальнейшем развитии сюжета. Отмечается значительная роль этого приема при создании комедийных сцен и противопоставляется то, как применяется предзнаменование в других фильмах.

В заключение каждого ролика автор резюмирует информацию, изложенную в основной части: «Райт славен не только своими новаторскими техниками монтажа и визуального повествования, но также особенно меня впечатляло то, как мастерски он обращается со стандартными и во многом банальными законами сценария и конструирования истории. Чеховское ружье, которое на самом деле является довольно простым и схематичным приемом, Райт делает одной из главных сторон повествования своих фильмов, используя его банальную основу в очень широком спектре целей и применений, что в итоге и дает этим элементарным законам добиваться всегда разного, но неизменно сильного эффекта. И работы этого режиссера являются отличной иллюстрацией того, что истинное мастерство заключается не только в создании чего-то нового, но и в усовершенствовании и мастерском применении старого» [Чеховское ружье 2017].

В. Бычков обращается к понятию «вкус», перенесенному

в сферу эстетического опыта и распространенному на «способность выявлять (чувствовать) прекрасное, высокую художественность искусства, отличать их от пошлого, безобразного, низкого художественного уровня в искусстве и т. п.» [Цит. по: Брежнева 2013: 102]. Выбирая для просмотра определенные фильмы, каждый человек воспринимает их по-своему, из чего складываются общие представления о хороших и плохих фильмах. Личные предпочтения блогеров сформировали их эстетическое восприятие формы и содержания кинофильмов. В видеороликах в некоторой степени происходит проецирование личных вкусовых предпочтений на аудиторию. Именно это наблюдается в практике авторов блога «Муви-Сайенс» .

Дискуссия, обсуждение результатов. Каждое медиа имеет свою тематическую направленность, редакционную политику, оригинальный дизайн, степень использования новых технологий для создания контента и сам контент. Совокупность этих характеристик позволяет создать целостный образ отдельно взятого медиа и сориентировать аудиторию в существующем многообразии. Дифференциация блогов необходима для идентификации отдельно взятого автора или группы авторов интернет-аудиторией. Эстетика формы и содержания блога зависит не от редакции или владельцев издания, а от конкретного автора или небольшой группы авторов, если речь идет о коллективном блоге.

Для эффективного привлечения аудитории блогер должен разработать концепцию собственного интернет-дневника, которая будет отличаться не только оригинальностью, но и регулярностью наполнения сайта контентом [Wallsten 2010]. Блогер, как и журналист, уделяет внимание собственной речи, устной и письменной, продумывает, как будет выглядеть опубликованный пост. Для придания постам эмоциональной окраски авторы блогов, как и журналисты, используют изобразительно-выразительные средства, языковую игру. Это «декорирование» речи и создает индивидуально-авторский стиль. Это один из способов проявления эстетической установки конкретного автора.

Подобно эстетике журналистского текста, эстетика содержания блога реализуется и в его композиционной и жанровой специфике. Для блогера имеют значение целостная композиция поста и соответствие жанру, например, обзору новостей или рецензии. Содержание блога может определяться тем, какой угол подачи определенной темы выбирают авторы. Сама тематика играет важную роль: блогер может заниматься освещением скандалов внутри самой блогосферы или анализировать кино. Как и в вопросах эстетики творчества, в блогосфере есть «высокое» и «низкое». Таким образом, эстетика содержания блога определяется первоначальной авторской установкой, иначе говоря, выбором определенного круга тем и того, как их преподнести аудитории. Помимо этого функционирование в Интернете позволяет использовать синтетические жанры и разнообразить форматы. В Интернете стандартную рубрикацию можно заменить или подкрепить индивидуальными хэштэгами, что сориентирует подписчиков в многообразии постов и их тематике.

Содержание видеоблога может варьироваться, а эстетическая функция реализуется разными способами. В частности, внимание сосредоточено на монтаже. Некоторые блогеры предпочитают снимать ролики одним дублем или с минимумом монтажа, сводя эстетическую функцию к минимуму. В

таких роликах автор обычно говорит на камеру, не используя эффекты, вставки и т. д, для него важнее содержание видео, проблема, которую он поднимает. Большое количество склеек или обилие вставок может возникать по ряду причин, например, из-за стремления придать роликам динамики и добавить наглядности (например, в обзорах фильмов, когда автор обращается к другим видео) или просто неумения грамотно и четко формулировать свои мысли на камеру. Большинство видеоблогеров стремится к тому, чтобы их ролики привлекали не только самим контентом, но и «картинкой», визуальной составляющей. Само место съемки играет важную роль: есть или нет декорации, городская это съемка или на природе, в частной квартире или на студии. Следует отметить использование звука, света, цветокоррекции и других технических характеристик.

Изначально текстовые блоги существовали исключительно на блог-платформах, как, например, «Живой Журнал», интерфейс которых был предельно прост. С развитием интернет-технологий появилась возможность создавать уникальный дизайн. Теперь авторы могут оформлять блог, имея намного больше ресурсов. Таким образом проявляется общая эстетика формы блога.

То же можно сказать и о конкретных постах. Так же, как и в газетных публикациях, визуальная составляющая текста — его графическое, шрифтовое, цветовое оформление, размещение текста на блог-платформе — помогает в реализации эстетической функции материала. В случае со стэнд-элон блогами автор может создавать индивидуальный внешний вид в зависимости от возможностей блог-платформы и от собственных навыков в создании сайтов. Например, можно воспользоваться готовыми предложениями либо самостоятельно или с помощью дизайнера разработать собственные макеты. Видеоблогеры чаще всего выбирают YouTube, внешний вид и функции которого стандартизированы: на главной странице блога существует возможность создания обложки канала, видеоблогер может создавать обложки для каждого ролика. Как и в текстовых блогах, эстетическая функция видеоблога реализуется посредством выбора шрифта, цвета, изображения и сочетания названных элементов.

Как и в традиционных медиа, в коллективных блогах индивидуальные эстетические предпочтения отдельных блогеров должны соотноситься с предпочтениями коллективных авторов. Постоянный подписчик такого блога сможет узнать определенного автора по тематическим и композиционным приемам, стилистике текста и другим проявлениям индивидуальных особенностей содержания и формы материала. Вывод М. Ю. Казак о синтетическом характере журналистского текста применим и к блогингу. Вне зависимости от платформы и ресурса, на котором осуществляется деятельность блогера, авторские посты выполняют не только эстетическую функцию, они также должны соответствовать определенным прагматическим, рекреативным, утилитарным и этическим параметрам.

Заключение. Цель данного исследования заключалась в анализе авторских блогов о кино с точки зрения эстетического единства формы и содержания. Эстетика формы и содержания блога зависит от конкретного автора или небольшой группы авторов. Общая эстетика формы блога реализуется за счет его дизайна. В отдельных постах эстетика формы проявляется как визуальная составляющая текста или видео, его графического, шрифтового, цветового

оформления, размещения текста или кадров посредством монтажа. Наше исследование позволило установить, что авторская концепция киноблога наиболее успешно реализуется при наличии эстетического единства формы и содержания. Однако мы также выявили, что эстетическое единство предполагает не равноправность формы и содержания, а их взаимосвязанность и взаимодополняемость.

Литература

Анисимова, Е. Е. (2003). *Лингвистика текста и межкультурная коммуникация (на материале креолизованных текстов)*: учеб. пособие для студ. фак. иностр. яз. вузов. М.: Academia.

Борев, Ю. Б. (2002). *Эстетика*: учебник. М.: Высш. шк.

Брежнева, Д. Д. (2013). *Жанрово-стилистические и когнитивные особенности кинорецензии как вида массово-информационного дискурса*. Автореф. дис. … канд. филол. наук. М.

Гостев, С. Квилл, я твой отец! *Glukk* [Web-страница]. 2017. 8 мая. Электронный ресурс http://www.glukk.com/guardians_2/.

Гулян, Ю. Патерсон, это рэпчик! *Glukk* [Web-страница]. 2016. 30 мая. Электронный ресурс http://www.glukk.com/paterson/.

Засурский, Я. Н. (2008). Медиатекст в контексте конвергенции. *Г. Я.* Солганик (Сост.), *Язык современной публицистики* (сс. 7–12). М.: Флинта.

Казак, М. Ю., Крылова, А. А. (2015). Об эстетике журналистского текста. *Научные ведомости БелГУ. Сер. Гуманитарные науки*, *18 (215),* 134–139.

Леоненко, С. Рождество, опять. *Glukk* [Web-страница]. 2016. 29 дек. Электронный ресурс http://www.glukk.com/christmas-again/.

Сорокин, Ю. А., Тарасов, Е. Ф. (1990). Креолизованные тексты и их коммуникативная функция. Р. Г. Котов (Ред.), *Оптимизация речевого воздействия* (сс. 180-181). М.: Высшая школа.

Чеховское ружье Эдгара Райта. *MovieScience* [Web-страница]. 2017. 16 апр. Электронный ресурс https://www.youtube.com/watch?v=kABZsvF8gqk.

Wallsten, K. (2010). "Yes We Can": How online viewership, blog discussion, campaign statements, and mainstream media coverage produced a viral video phenomenon. *Journal of Information Technology and Politics*, *7(2-3)*, 163–181.

Сведения об авторах:

Наталья Сергеевна Авдонина, канд. полит. наук, доц.; n.avdonina@narfu.ru

Наталья Андреевна Самылова, магистрант; natasha.samylovaa@yandex.ru

AESTHETICS OF THE FORM AND CONTENT IN MOVIE BLOGS

N. S. Avdonina, N. A. Samylova

Northern (Arctic) Federal University named after M. V. Lomonosov

163002, Arkhangelsk, Severnaya Dvina emb., 17

The article is devoted to analyzing features of the forms and content of video blogs. The analysis of stand-alone blogs "Gluk" and "Mirumaximum" (MIRUMAXIMUM) and the video blog "Movie Science" (MovieScience) has been conducted. The methodological basis of the study consists of general scientific methods and principles of system and objectivity. The main research methods were analysis (classification, analysis of the relations of objects), synthesis, comparison, and content analysis. The authors pursue the following tasks: to explore the concept of aesthetics as a category of artistic, visual and journalistic creativity; to analyze the concept of aesthetics as applied to the blogosphere; to analyze the aesthetic form and content of selected film blogs.

Keywords: movie blog, video blog, stand-alone blog, genre system, review.

References

Anisimova, Ye. Ye. (2003). *Lingvistika teksta i mezhkulturnaya kommunikatsiya (na materiale kreolizovannykh tekstov)* [Linguistics of the text and

intercultural communication (based on creolized texts)]. Moscow: Academia. (In Russian)

Borev, Yu. B. (2002). *Estetika* [Aesthetics]. Moscow: Higher School. (In Russian)

Brezhneva, D. D. (2013). *Zhanrovo-stilisticheskie i kognitivnye osobennosti kinoretsenzii kak vida massovo-informatsionnogo diskursa* [Genre-stylistic and cognitive features of film reviews as a form of mass information discourse]: Abstract of PhD thesis. Moscow. (In Russian)

Chekhovskoe ruzhye Edgara Rayta [Chekhov's rifle by Edgar Wright]. *MovieScience* [Web-page]. 2017. 16 Apr. Retrieved from https://www.youtube.com/watch?v=kABZsvF8gqk. (In Russian)

Gostev, S. Kvill, ya tvoy otets! [Quill, I am your father!]. *Glukk* [Web-page]. 2017. 8 May. Retrieved from http://www.glukk.com/guardians_2/. (In Russian)

Gulyan, Yu. Paterson, eto repchik! [Paterson, this is a rapper!] *Glukk* [Web-page]. 2016. 30 May. Retrieved from http://www.glukk.com/paterson/. (In Russian)

Kazak, M. Yu., Krylova, A. A. (2015). Ob estetike zhurnalistskogo teksta [On the aesthetics of journalistic text]. *Belgorod State University Scientific Bulletin. Humanities, 18 (215),* 134-139. (In Russian)

Leonenko, S. Rozhdestvo, opyat [Christmas, again]. *Glukk* [Web-page]. 2016. 29 Dec. Retrieved from http://www.glukk.com/christmas-again/. (In Russian)

Sorokin, Yu. A., Tarasov, Ye. F. (1990). Kreolizovannye teksty i ikh kommunikativnaya funktsiya [Creolized texts and their communicative function]. In R.G. Kotov (Ed.), *Optimizatsiya rechevogo vozdeystviya* [Optimization of speech influence] (pp. 180–181). Moscow: Higher School. (In Russian)

Wallsten, K. (2010). "Yes We Can": How online viewership, blog discussion, campaign statements, and mainstream media coverage produced a viral video phenomenon. *Journal of Information Technology and Politics*, *7(2-3)*, 163–181.

Zassoursky, Ya. N. (2008). Mediatekst v kontekste konvergentsii [Media text in the context of convergence]. In G. Ya. Solganik (Ed.), *Yazyk sovremennoy publitsistiki* [The language of modern journalism] (pp. 7–12). Moscow: Flinta. (In Russian)

Authors' information:

Natalya S. Avdonina, PhD, Associate Professor; n.avdonina@narfu.ru

Natalya A. Samylova, Master student; natasha.samylovaa@yandex.ru

УДК 470

МИРОСЛАВ КРЛЕЖА И СТАТЬЯ О РОССИИ «НА ДАЛЕКОМ СЕВЕРЕ» («ПОЕЗДКА В РОССИЮ»)

Р. Божич
Задарский университет
Набережная короля Петра Крешимира, IV/2, 23000 Задар, Хорватия

В статье анализируется текст репортажа «На далеком севере», написанный известным хорватским поэтом, прозаиком, эссеистом и драматургом Мирославом Крлежей. Материал для этого произведения, как и для других репортажных текстов данного периода, был собран автором во время его поездки в Россию в 1925 году. Репортаж «На далеком севере» сначала был опубликован в газете, а потом вместе с другими текстами — в книге «Поездка в Россию». Записки Мирослава Крлежи, которого считают величайшим хорватским писателем, стали важным свидетельством о событиях в России послереволюционного периода.

Ключевые слова: Мирослав Крлежа, «На далеком севере», «Поездка в Россию», публицистика, литературный журнал.

© Божич Р., 2019

Введение. Мирослав Крлежа (7 июля 1893, Загреб — 29 декабря 1981 года, там же) — хорватский писатель, автор наиболее важных произведений хорватской литературы XX века. Он был движущей силой многих культурных инициатив, а его творчество — одно из центральных событий в духовной жизни страны, которое определило и многие доминанты в строительстве современной Хорватии. Он был влиятельной фигурой, близким другом Иосипа Броз Тито, самым известным хорватским писателем своего времени, основателем лексикографического института (который сегодня носит его имя) [Krleža, Miroslav]. Хотя его литературная работа является предметом многочисленных статей и книг, его журналистская деятельность почти не изучена. Из более чем двухсот результатов поиска о Крлеже на центральном портале хорватских научных журналов (HRČAK: https://hrcak.srce.hr/) вообще нет статей, посвященных его публицистическому творчеству.

Мирослав Крлежа как издатель. Насколько важна была его журналистская практика, свидетельствует тот факт, что он основал четыре журнала. В 1919 году Крлежа и писатель А. Цесарец создали авангардный журнал «Пламя» (Plamen), выходящий раз в полмесяца. С 1 января по 1 августа вышло пятнадцать номеров. Потом журнал был запрещен, и Крлежа оказался под надзором полиции до 1945 года, когда был установлен

коммунистический порядок. В конце октября 1923 года Крлежа основал журнал «Литературная республика» (Književna republika), который издавался с 1923 по 1927 гг., позже, в период с 1939 по 1940 гг., — журналы «Сегодня» (Danas) и «Печать» (Pečat). Кроме того, Крлежа участвовал в создании двух наиболее значимых литературных журналов второй половины XX века — «Республика» и «Форум» (Republika и Forum). Именно он определил направление этих изданий.

Репортерская деятельность Мирослава Крлежи. Исключительно важное значение имеет публицистическое произведение Мирослава Крлежи о поездке в Россию в 1925 году — репортаж «На далеком севере». Позже (в 1926 году) все его журналистские тексты, связанные с этой поездкой, увидели свет в книге «Поездка в Россию». Но первоначально они были опубликованы в различных хорватских газетах. Мы остановимся не на всех текстах, которые входят в эту книгу, а только на репортаже «На далеком севере», потому что именно репортерское свидетельство о жизни России того времени имеет важное историческое и литературное значение. Тем более события, увиденные глазами иностранца, причем глазами одного из величайших хорватских писателей. Исключительно интересны его заметки о бывших капиталистах, оставшихся в России, о представителях новой советской власти, а также об иностранцах, в частности о писателе и журналисте, богатом капиталисте из Германии.

Н. А. Анастасьев подчеркивает, что в середине 20-х годов многие европейские интеллектуалы и обычные люди стремились попасть в Москву, чтобы самим ощутить реальность перемен, отказа от столь разочаровавшего их прошлого, закончившегося мировой войной [Анастасьев], и что некоторые из них оставили свои воспоминания. Например, «Я жгу Москву» П. Морана, «Поездка в Москву» Г. Дюмеля, «Цари, попы, большевики» Э. Киша, «Москва» У. Бенжамина, «Десять дней, которые потрясли мир» Дж. Рида, «Возвращение из СССР» А. Жида, «Россия во мгле» Г. Уэллса. Некоторые из них были в СССР переведены на русский язык, но «Поездка в Россию» Мирослава Крлежи не попала в их число. Как подчеркивает Н. А. Анастасьев, очень интересно то, что в Большой Советской Энциклопедии в статье о Крлеже нет ни слова о его поездке в Россию — ни о самой поездке, ни о книге под соответствующим названием [Анастасьев].

Н. А. Анастасьев напоминает, что в 30-е годы у писателя были непростые отношения с «Советами». Как свидетельствует энциклопедия «Крлежиана», в 1931 году Крлежа безрезультатно ждал советскую визу. Вероятно, это спасло ему жизнь. Но многие произведения М. Крлежи были изданы на русском языке в пятидесятые годы и потом переиздавались. Первый небольшой рассказ был даже опубликован в конце 20-х годов, а в конце семидесятых годов в театре имени Вахтангова, а затем и в Государственном академическом малом театре с успехом шли два спектакля по его пьесам — «Господа Глембаи» и «Агония». Но об издании «Поездки в Россию» в СССР и речи быть не могло. Впервые удалось издать несколько фрагментов из этой книги в журнале «Иностранная литература» в 1970 году, в номере, посвященном столетию Ленина. Именно эти фрагменты в Отделе культуры ЦК КПСС были признаны лучшим материалом юбилейного «ленинского» номера. Но книгу не издали в СССР целиком, потому что сочинение казалось (даже в Югославии) «еретическим» [Анастасьев].

Что касается журналистской деятельности Крлежи, то именно тексты, которые входят в этот цикл статей, в последние 30 лет в Хорватии вызывают наибольший интерес. О них писали А. Флакер, М. Ергович, В. Вискович и другие. Причину мы видим именно в тематике написанного. В Хорватии Россия вызывает очень большой интерес, особенно послереволюциионный период ее истории.

В своем журнале «Литературная Республика» и в других журналах Крлежа публиковал полемические тексты, и чаще всего предметом его критики были сторонники монархизма и югославянского унитаризма. Тексты этого периода свидетельствуют о его полном разочаровании в югославском государстве и позиции Хорватии в нем; способ преодоления такого состояния М Крлежа видел в революционном преображении всего общества [Visković 2015: 1]. Люди в Хорватии и Югославии в послевоенный период с энтузиазмом знакомились с захватывающими событиями в Советском Союзе.

М Крлежа в конце 1921 года сотрудничал с либеральным журналом «Новая Европа» (Nova Evropa), который был создан по образцу журнала “The New Europe”, издававшегося в 1916–1920-х годах Р. У. Сетон-Уотсоном. Хорватская «Новая Европа» издавалась с 1920 по 1941 гг. В 1921 году журнал организовал помощь голодающим в России, и Крлежа читал лекции на встречах, на которых собирали средства в фонд этой помощи. Его близкие друзья из коммунистического движения тех лет посещали Советский Союз, и сам Крлежа лично хотел увидеть, как выглядит советский эксперимент, о котором в газетах появлялись порой разноречивые сообщения [Visković 2015: 2].

Осенью 1924 года Крлежа отправился в путь, но это была неудачная попытка [Ćirilov]. А. Флакер утверждал, что маршрут, представленный в книге (Загреб — Вена — Дрезден — Берлин — Кенигсберг — Рига — Москва), вероятно, на самом деле неоднократно прерывался. Д. Капетанович приходит к тому же самомоу выводу [Visković 2015: 3].

Сам Крлежа в книге Ивана Очака «Крлежа-Партия» [Visković 2015: 3] свидетельствует, что он намеревался с делегацией Коммунистической партии Югославии поехать на V Конгресс Коминтерна, который проходил в Москве с 17 июня по 8 июля 1924 года. От КПЮ, которая в то время была вне закона, Крлежа добыл ордер, разрешающий перевезти через границу чемодан с конфиденциальным партийным материалом, потому что он единственный из всех членов делегации имел легитимный паспорт. Другие члены делегации не имели соответствующих документов и в Мариборе сошли с поезда и незаконно пересекли границу с Австрией. Однако в то время, как другие члены делегации в Берлине легко получили советскую визу, Крлежа визу не получил и вернулся в Загреб. Позже он опубликовал очерк «Кризис в изобразительном искусстве», в котором описал выставки в Берлине, демонстрируя глубокое знание современного авангардного изобразительного искусства [Visković 2015: 3].

В Загребе у Крлежи забрали паспорт в связи с подозрением, что он является специальным коммунистическим курьером, но в феврале 1925 года ему вернули паспорт, и он в конце концов отправился в СССР. Путешествовал за свой счет, потому что от Коминтерна не удалось получить компенсации расходов [Visković 2015: 4].

Мирослав Крлежа в столице советской России. В Москве у Крлежи было множество интересных встреч. Он встречался с народным комиссаром

Луначарским, а режиссер Таиров предложил ему поставить на сцене пьесу «Голгофа», но Крлежа не принял предложение, поскольку не согласился с просьбой режиссера изменить конец драмы [Visković 2015: 4].

В уже упомянутом разговоре с Очаком Крлежа сказал, что он участвовал в конгрессе Крестьянского интернационала (Крестинтерна) под ложным именем Миркович. Он также утверждал, что ему было предложено встретиться со Сталиным и сообщить ему о ситуации в Югославии, но Крлежа, будучи недовольным ситуацией в КПЮ, избегал этой встречи, потому что его негативное мнение скомпрометировало бы его товарищей. В. Вискович подозревает, что Крлежа, говоря о возможной встрече со Сталиным, немного преувеличивает [Visković 2015: 4] и что никакой встречи не должно было быть. В мае Крлежа возвращается в Загреб.

По возвращении он опубликовал очерки о своем путешествии в журналах «Хорват» (Hrvat), «Горизонт» (Obzor) и «Литературная республика» (Književna republika), а в 1926 году, как мы уже сказали, он собрал их и опубликовал в книге загребского издательства «Народная библиотека» (Narodna knjižnica). Книга была переведена на английский язык У. Фертом (“Journey to Russia”), одним из ведущих переводчиков с южнославянских языков. Он сам решил перевести именно эту книгу Крлежи, а на русском языке книга под названием «Поездка в Россию, 1925» была опубликована в 2005 году в переводе Н. Вагаповой [Крлежа 2005][1].

В своей книге Крлежа объясняет, почему он взялся написать такую книгу: «У нас печатаются изо дня в день ложные и тенденциозные новости о ситуации в России», и он декларирует свою позицию, которую считает объективной: «... и я, который в течение многих лет свободно и независимо защищал логику русской концепции от всех возможных наших бумагомарателей и заинтересованных слабоумных, я не чувствую необходимости отклоняться от истины. В России не текут мед и молоко. И там есть печаль и беда, как во всем мире, но кто работает, тот и ест». В. Вискович утверждает, что хотя Крлежа занимает позицию нейтрального, беспристрастного свидетеля, он все-таки, как в то время сочувствовавший левым и коммунистическим взглядам, не совсем беспристрастный свидетель, и его показания не совсем объективны [Visković 2015: 8].

Но Крлежа и сам утверждает: «В своих записках я не буду приводить какие-либо статистические данные», потому что «статистики хватает во всех докладах и ежегодниках», а Крлежу больше, чем статистика, «интересовали люди, человеческие отношения, настроения, движения, их освещение, их масштабы, общий климат».

Мирослав Крлежа о поездке в Россию. Когда читаешь текст, создается впечатление, что Крлежа рассматривает ситуацию как драматический сюжет. Автор лучших драм хорватской литературы и в своих сведениях о России рисует напряженные сцены межличностных коллизий, возникших в результате социальных отношений, как, например, в статье «На далеком севере». Он сам назвал ситуацию «короткой драмой»[2] [Krleža 1973].

Крлежа в деталях описывает отношения между персонажами. В «короткой драме» на ужине у бухгалтера предприятия «Красный Север», филиала Госэкса, Павла Николаевича Алексеева и его супруги Анны Игнатьевны

[1] При цитировании из книги мы будем использовать этот перевод.

[2] В русском переводе отсутствует такое определение. В некоторых местах перевод упрощен, поскольку комплексное, нагруженное предложение Крлежи, к сожалению, трудно перевести.

«участовали», кроме Крлежи (в роли свидетеля), еще и Карл Диффенбах, генеральный директор и главный акционер экспортной торговой фирмы «Карл Диффенбах АГ» из Гамбурга, Алексей Николаевич — младший брат хозяина, начальник Госэкса Андреевский, как подчеркивает Крлежа, «профессиональный революционер», который во время революционных войн «командовал целыми соединениями и брал города от Екатеринбурга до Одессы». Затем — Евгений Георгиевич Бертенсон, инженер треста «Красный Север», директор лесопильного завода Васильев, три члена партии, представлявшие трест, и человек, которого все называли «товарищ бухгалтер», а тринадцатым за столом был «некий Кузьма, что-то вроде дворецкого, которому не был поставлен прибор. Он руководил домработницей Шурой, бегал за минеральной водой, то за сахаром, наливал водку... ».

Как подчеркивает Крлежа, весь комплекс лесопилен в районе «Красный Север» до Октябрьской революции принадлежал отцу Павла Николаевича Алексеева. У Алексеевых был свой дворец на Невском проспекте, а по полгода они проводили за границей. После революции[3] старшему сыну Алексеевых, Павлу Николаевичу, удалось заполучить место главного бухгалтера в конторе своего национализированного предприятия. Карл Диффенбах до четырнадцатого года был одним из крупнейших партнеров Алексеева-старшего и был связан с семьей Алексеевых близкими родственными узами. Диффенбах последний раз побывал у них двадцать лет тому назад, и Павел Николаевич давал ужин в честь своего приятеля и кума. Крлежа, как и всегда, обращает внимание на еду и отмечает, что они «ели кулебяку с мясом и яйцами, ароматные грибные соусы, дичь с какими-то густыми мучнистыми подливами и пили водку», а на второе, жаркое, была огромная телячая нога на большом серебряном блюде.

Хотя меню было очевидно богатым, Крлежа так описывает домашнюю обстановку Алексеевых: «Теперь Алексеевы жили на втором этаже ветхого и грязного двухэтажного дома; эта квартира была им выделена жилищным распределителем, поскольку их бывшая вилла на окраине города была отдана под детский дом. Комната, в которой мы ужинали, была перегорожена шкафами и превращена при помощи занавесей в три помещения. В одном углу стояла железная кровать; другое помещение, чуть побольше, с синими креслами, судя по всему, служило салоном или передней, а третье было приспособлено под своего рода гостиную. Везде была невероятная теснота, пахло керосином и свечами, а задние доски шкафа были занавешены коврами, на которых висели фотографии петербургского дворца Алексеевых и здешней виллы».

Только фотографии свидетельствовали о богатстве прошлого: «Подсвечники, стиль Людовика Пятнадцатого, правда, фабричного производства, чучела медведей с серебряными подносами в лапах, массивная русская мебель в боярском стиле плюс Маккарт». Теперь тринадцать человек разместились в «узком пространстве, отгороженном шкафами, между буфетом, черным пианино и высоким двустворчатым шкафом со стеклянными дверцами».

Супруга Павла Николаевича, Анна Игнатьевна, была красивая женщина лет тридцати. Как подчеркивает Крлежа, «и движения, и голос Анны Игнатьевны выдавали ее бурный и необузданный темперамент. Она во всем превосходила своего мужа. Этот бледный анемичный рыжеватый неврастеник бросал на нее с противоположного конца стола робкие собачьи взгляды...».

[3] В русском переводе почему-то «после Октябрьской революции» [Krleža 1973] переведено как «после краха».

Крлежа тонко понимал мысли и чувства Анны Игнатьевны, описывая их подробно: «...все это бессмысленно теперь, когда дамастовая скатерть на двадцать четыре персоны с огромными монограммами, и серебро, и фарфор — все это здесь, в сарае, перегороженном нелепыми шкафами, ради какой-то орды, собравшейся за ее столом. Незнакомый и антипатичный бородатый иностранный журналист (то есть я) и господин из Гамбурга, который без зазрения совести торгует с экспроприаторами, это еще не самое страшное! Да и глава государственной экспортной компании, он, конечно, коммунист, но все-таки коммунистический генерал и вообще историческая личность. Но кто эти люди на правом конце стола, которые облизывают ножи, мелко крошат мясо и едят его ложками, как кашу?! Как могло случиться, что они сидят за ее столом, хотя их никто не приглашал? Татары, изверги, тираны, истязающие ее вот уже несколько лет!...».

Крлежа следит за мужем и женой и замечает, что она устроила мужу в кухне сцену, которую Крлежа мог наблюдать сквозь стеклянную, не до конца занавешенную дверь.

За вторым жарким Павел Николаевич произнес тост в честь своего гостя, Карла Диффенбаха. Крлежа описывает его вид, как будто описывает литературного персонажа. Его тост, видимо, действовал на нервы Анне Игнатьевне, и она «барабанила по столу пальцами левой руки». Вслед за ним поднялся и младший брат Павла Николаевича. Но было ясно, что Диффенбаху, который приехал вместе с «нынешними хозяевами ˈЭс-Эс-Эс-Эрˈ» и которого нынешние доходы зависели от «молчаливых людей в русских косоворотках», было не до этих «отчаявшихся банкротов». Он, как свидетельствует Крлежа, «встал и заговорил о том, что ему очень грустно, что он не застал в живых своего крестника, малыша Алешу! Но слава Господу Богу, который подарил родителям еще одного сына, прекрасное дитя, необычайно умное, который еще порадует своих родителей. Он еще станет кавалеристом, революционным офицером, маленьким Бонапартом и принесет своей родине величие и славу». Эти слова, конечно, до конца раздразнили Анну Игнатьевну, которая заявила: «Да лучше я его задушу своими собственными руками, чем позволю превратиться в такого выродка!».

Крлежа уверенно описывает реакции (мысли и чувства) «остальных персонажей». Например, по его словам, «начальник “Госэкса”, революционный генерал, взявший пятьдесят городов, сидел совершенно невозмутимо, пил водку и курил. Он жалел, что ему пришлось уехать из Москвы, оторваться от своего автомобиля и от карт, что вместо этого ему всю ночь придется тащиться с каким-то нудным миллионером в открытых санях. А его ревматизму это вряд ли пойдет на пользу! К чертовой матери такую революцию, которая превращает революционера в торговца! Куда как лучше командовать полком, чем пилить бревна!», а начальник лесопилки Васильев, самоучка, человек с бледным лицом и грубым шрамом от виска до миндалин на шее, молчал и смотрел на Анну Игнатьевну с «такой индифферентностью, точно она была восковой фигурой».

Интересно, сколько деталей замечает Крлежа — он знает даже про ревматизм начальника Госэкса. И про Васильева узнал, что «он был рабочим, тринадцать лет простоял он у пилорамы, под Львовом был ранен чуть ли не смертельно, а во время революционных войн командовал целой кавалерийской бригадой». Крлежа в деталях описывает поведение присутствующих лиц. Так, уже упомянутый Васильев «почти ничего не ел, не притрагивался к

алкоголю и не курил. Время от времени он брал в руки нож и тихо постукивал его острием по фарфору, а потом снова принимался рассматривать заливное и икру в хрустале, украшенную веточками можжевельника».

Крлежа даже продемонстрировал не только способность заметить поведение людей вокруг себя, но и знание о «типах» русского общества, хотя он сам только первый раз был в России. Так, инженера Евгения Георгиевича Бертенсона он описывает как «типичного русского недотепу конца XIX века». «Сбитый с толку поверхностным, эстетским восприятием культуры через беллетристику, он, подобно многим русским интеллигентам, и хождение в народ воспринял с чисто внешней и приукрашенной стороны». Крлежа определяет его как члена поколения «скептиков с неопределенными взглядами, последователей Туган-Барановского, прочитавших Маркса еще в гимназии, первые инъекции марксизма перенесло в литературно-беллетристической форме с высокой температурой. Когда же дело дошло до последствий, они выбрали какое-то туманное славянство, западную демократию, “оборонительную войну” и интервенцию». Этот инженер Бертенсон, наверно, под влианием алкоголя вступает в дискуссию о положении русской интеллигенции («ее отшвырнули в сторону») с революционным генералом Андреевским и в конце заявляет: «Нас просто взяли, переломили пополам и вышвырнули на улицу. Нас разорили! Нас погубили! Да всю страну погубили, а не только нас!.. Всю Россию погубили! Два миллиона русских голодают и нищенствуют по Европе! Вся русская интеллигенция!». Генерал Андреевский достаточно спокойно встречает эти слова, утверждая: «Россия доказала уже, что она может обойтись без этих проходимцев, что торчат в Европе! Вот всю бы эту банду — пулеметами!.. ». «Да у вас только одна мудрость — пулеметы! Пулеметы ничего не решают!», — ответил Бертенсон.

Разговор развивается, и когда Андреевский говорит Анне Игнатьевне, что у нее нет оснований волноваться и что она живет в теплых комнатах, и что за ней ухаживает прислуга. Анна Игнатьевна утверждает, что они все потеряли, опустились на дно «до уровня скотины» и упрекает Андреевского: «Вы только говорите, говорите, говорите, забрасываете нас словами, а все это ложь! Проституток с улицы вы прогнали, а всю Россию превратили в бордель! Все женщины ваши, как при татарах!».

Крлежа свидетельствует, что эти слова все встретили молчанием, широко раскрыв глаза. Господин Диффенбах опять показал абсолютное непонимание ситуации и чувств своих старых приятелей. Чтобы разрядить ставшую невыносимой обстановку и перевести разговор на другую тему, он достал пачку фотографий своего имения под Гамбургом. Анна Игнатьевна перебирала эти фотографии — террасу, на которой она одиннадцать лет назад пила кофе. Крлежа сидел рядом с ней и «мог ее наблюдать». Он заметил, что ее глаза заблестели и что в уголке левого глаза под ресницами долго «собиралась большая густая слеза, которая поползла по щеке и в конце концов капнула на бумагу». Было видно, что она изо всех сил сдерживается, но это было выше ее сил. Она разрыдалась громко, как ребенок: «Отняли у меня детей! Алешу убили, а Пьера затащили в пионеры, в политику! Какая может быть политика для детей? Разве можно вбивать детям в голову, что Бога нет? И еще тебе же доказывают, что все хорошо, что ты счастлива, что ты несправедлива, что у тебя сердце не болит за все человечество!».

Этот отрывок показывает, почему к этим текстам и в России, и в Хорватии / Югославии было такое отношение

и в определенное время их считали еретическими. Крлежа рассказывает о трагической сцене — о встрече старого и нового мира, но он не занимает позиции. Он не оправдывает коммунистическую практику, революцию. Можно сказать, что его тон вызывает сочувствие к матери, хотя она и не проявляет сочувствия к другим людям. Он рисует портрет германского промышленника, который проявил бесчувствие к страданиям своих друзей. Но, конечно, из этого ясно, что они никогда не были настоящими друзьями, что это были только деловые отношения. Иногда такие сцены говорят о ситуации в обществе гораздо больше, чем научные книги или статистические данные. В этом Крлежа прав.

Н. А. Анастасьев подчеркивает, что Крлежа очень умный человек и зоркий публицист и что многое из своих наблюдений Крлежа не мог опубликовать ни в Советской России, ни о Советской России. Он приводит и такой пример: в книге практически нет упоминания имен И. Сталина, короля Александра I Карагеоргиевича и С. Радича. Правда, можно заметить, что, например, Сталин и СССР 1925 года — не Сталин и СССР 1937 года, но тенденции уже были заметны [Анастасьев URL].

Выводы. Можно сделать вывод, что Крлежа объективно показал и оценил ситуацию в России того времени. Хотя он был стороником левых идей, он все-таки стал гораздо сдержаннее в оценках и не следовал советским директивам, а искал собственный путь. Характер его текста свидетельствует о том, что граница между искусством, жизнью и журналистикой очень тонкая.

Литература

Анастасьев, Н. *Сложно с вами, товарищ Крлежа (История легального диссидента.* [Web-страница]. (б/д). Электронный ресурс https://www.litmir.me/br/?b=549977&p=65.

Крлежа, М. (2005). *Поездка в Россию. 1925.* ЛитМир. [Web-страница]. Электронный ресурс https://www.litmir.me/br/?b=549977&p=1.

Bogišić, V. (2011). Povijesno i pamćeno u Krležinoj putopisnoj memoaristici // *Dani Hvarskoga kazališta*, *37(1)*. С. 200–220. [Web-page]. Retrieved from https://hrcak.srce.hr/71927.

Brozović, D. (2015). Sukob na književnoj ljevici u novohistorističkom ključu // *Umjetnost riječi*, *59(1–2)*. С. 133–154. [Web-page]. (No date). Retrieved from https://hrcak.srce.hr/160880.

Car, M. (2017). Oktobarska revolucija i Miroslav Krleža 1917 godine // *Književna smotra*, *49, 185(3)*. С. 45–53. [Web-page]. Retrieved from https://hrcak.srce.hr/190761.

Ćirilov, J. *Krležino nedogmatsko levo nasleđe.* С. 7–10. [Web-page]. (No date). Retrieved from http://newpolis.org/files/IZLET_U_RUSIJU_-_publikacija_preview_verzija_OKAITI.pdf.

Flaker, A. (1993). *Krležijana I.* Zagreb. [Web-page]. Retrieved from https://enciklopedija.hr/Natuknica.aspx?ID=34113.

Jergović, M. (2013). *Ajfelov most (pogovor jednoj knjizi).* [Web-page]. Retrieved from https://www.jergovic.com/ajfelov-most/izlet-u-rusiju/.

Krleža, M. (1973). *Izlet u Rusiju.* Sarajevo: Novi Liber.

Krleža, Miroslav. [Web-page]. (No date). Retrieved from http://enciklopedija.hr/Natuknica.aspx?ID=34113).

Lasić, S. (1982). *Krleža. Kronologija života i rada*. Zagreb: Grafički zavod Hrvatske.

Peić, M. (1975). *S Krležom u Rusiji.* Zagreb.

Visković, V. *Kulturni i politički kontekst Krležina putopisa izlet u Rusiju.* [Web-page]. (No date). Retrieved from http://newpolis.org/files/kulturni_i_poliiticki_kontekst_krlezina_putopisa_izlet_u_rusiju_v._viskovic.pdf.

Сведения об авторе:
Рафаэла Божич, доктор филол. наук, профессор; rbozic@unizd.hr

MIROSLAV KRLEŽA AND AN ARTICLE ABOUT RUSSIA "IN THE FAR NORTH" ("TRIP TO RUSSIA")

R. Božić
University of Zadar
Obala kralja Petra Krešimira, IV/2, 23000, Zadar, Croatia

The article analyzes the text of the report "In the Far North", written by the famous Croatian poet, prose writer, essayist and playwright Miroslav Krleža. The material for this work, as well as for other reporting texts of this period, was collected by the writer during his trip to Russia in 1925. The report "In the Far North" was first published in the newspaper, and then, together with other texts, in the book "A Trip to Russia". The notes of Miroslav Krleži, who is considered the greatest Croatian writer, have become important evidence of the events in Russia in the post-revolutionary period.

Keywords: Miroslav Krleža, "In the Far North", "Trip to Russia", journalism, literary magazine.

References

Anastas'ev, N. *Slozhno s vami, tovarishch Krlezha (Istoriia legal'nogo dissidenta)* [Difficult with you, Comrade Krelezh (History of a legal dissident)]. [Web-page]. (No date). Retrieved from https://www.litmir.me/br/?b=549977&p=65. (In Russian)

Krlezha, M. (2005). *Poezdka v Rossiiu 1925* [Trip to Russia 1925]. [Web-page]. Retrieved from https://www.litmir.me/br/?b=549977&p=1. (In Russian)

Bogišić, V. (2011). Povijesno i pamćeno u Krležinoj putopisnoj memoaristici // *Dani Hvarskoga kazališta*, *37(1)*. C. 200–220. [Web-page]. Retrieved from https://hrcak.srce.hr/71927.

Brozović, D. (2015). Sukob na književnoj ljevici u novohistorističkom ključu // *Umjetnost riječi*, *59(1–2)*. C. 133–154. [Web-page]. Retrieved from https://hrcak.srce.hr/160880.

Car, M. (2017). Oktobarska revolucija i Miroslav Krleža 1917 godine // *Književna smotra*, *49, 185(3)*. C. 45–53. [Web-page]. Retrieved from https://hrcak.srce.hr/190761.

Ćirilov, J. *Krležino nedogmatsko levo nasleđe.* C. 7–10. [Web-page]. (No date). Retrieved from http://newpolis.org/files/IZLET_U_RUSIJU_-_publikacija_preview_verzija_OKAITI.pdf.

Flaker, A. (1993). *Krležijana I.* Zagreb. [Web-page]. Retrieved from https://enciklopedija.hr/Natuknica.aspx?ID=34113.

Jergović, M. (2013). *Ajfelov most (pogovor jednoj knjizi).* [Web-page]. Retrieved from https://www.jergovic.com/ajfelov-most/izlet-u-rusiju/.

Krleža, M. (1973). *Izlet u Rusiju.* Sarajevo: Novi Liber.

Krleža, Miroslav. [Web-page]. (No date). Retrieved from http://enciklopedija.hr/Natuknica.aspx?ID=34113).

Lasić, S. (1982). *Krleža. Kronologija života i rada*. Zagreb: Grafički zavod Hrvatske.

Peić, M. (1975). *S Krležom u Rusiji.* Zagreb.

Visković, V. *Kulturni i politički kontekst Krležina putopisa izlet u Rusiju.* [Web-page]. (No date). Retrieved from http://newpolis.org/files/kulturni_i_poliiticki_kontekst_krlezina_putopisa_izlet_u_rusiju_v._viskovic.pdf.

Author's information:
Rafaela Božić, Dr. Sci. in Philology, Professor; rbozic@unizd.hr

УДК 37.026

ОБЪЯВЛЕНИЯ В ГАЗЕТАХ — ПИСЬМА В ВЕЧНОСТЬ (34 АУТЕНТИЧНЫХ ТЕКСТА ПЕДАГОГА А. Г. РИВИНА)

Е. Б. Голубев
Санкт-Петербургский государственный университет
Россия, 199034, Санкт-Петербург, Университетская наб., 7–9

В научный оборот вводятся подлинные тексты педагога А. Г. Ривина — его объявления в московских газетах 1925–1930 гг. На основе анализа 163 единиц выявлены 34 типа таких текстов, которые разделены на группы: оригинальные объявления и стандартные. Анализируется их содержание, структура, графика, подача информации для читателей — в сравнении с текстами объявлений других авторов в те же годы в тех же изданиях. Выявлены особенности оригинальных объявлений А. Г. Ривина: рассматривается характеристика в них метода коллективного взаимного обучения (сочетательного диалога), новых подходов к обучению отдельных категорий (неграмотных и малограмотных), научной организации умственного труда. Сделаны выводы об актуальности и значении объявлений педагога как «писем в будущее».

Ключевые слова: А. Г. Ривин, объявление в газете, метод коллективного взаимного обучения, талгенизм, сочетательный диалог, оргдиалог.

© Голубев Е. Б., 2019

Введение. До недавнего времени (в течение почти 90 лет) была известна единственная опубликованная статья педагога А. Г. Ривина «Содиалог как орудие ликбеза» в журнале «Революция и культура» в 1930 году [Ривин 1930]. Но из воспоминаний крупного советского писателя Варлама Шаламова «Двадцатые годы. Заметки студента МГУ» стало известно: «В газетах того времени часто встречались объявления Ривина “Высшее образование — за год! Каждый сам себе университет”» [Шаламов 1987: 33]. Многие исследователи предпринимали шаги, чтобы отыскать эти объявления [Захаров, Гулк 2017: 58], но задача до недавнего времени не была решена. Почему это так важно? Ведь объявления в газетах — в нашем нынешнем представлении — это нечто обыденное, каждодневное. Что оригинального в них можно найти?

О педагоге и его методе. Всем нам знакома групповая система обучения. Мы в нее погружаемся с самого-самого своего первого сентября. И далее она сопровождает нас в школе, колледже, вузе — в форме классов и уроков, или лекций и семинаров, или докладов, или обсуждения в малых группах, или деловых игр. Но кроме нее существует и другой, кардинально иной способ. Этот способ, простой до гениальности и столь же эффективный, открыл российский педагог Александр Григорьевич Ривин (1878–1944). Открыл больше века назад (метод был впервые массово

применен в 1918 году) и испытал на собственном опыте организации обучения сотен школьников и взрослых [Ривин 1930: 64; Дьяченко 2001: 9–10; Метод коллективного взаимообучения 1922; Вихман 1992; Брейтерман 1989; Брейтерман 1994: 15; Захаров 2008: 14–16; Соколов 2006: 48–58; Талгенизм 1991].

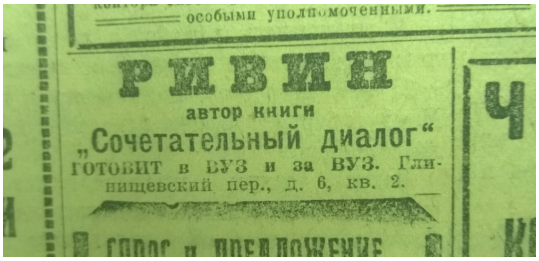
Он сделал гигантский, принципиально новый шаг в развитии метода коллективного взаимообучения, который и позволил именовать метод коллективным, а обучение — взаимным. Названия у метода А. Г. Ривина были разные: талгенизм, сочетательный диалог (или содиалог), организованный диалог (или оргдиалог) — а суть была одна. Он ввел в учебный процесс «организованное переменное диалогическое общение», т.е. целенаправленное (особым образом организованное!) общение в парах учащихся и упорядоченную сменяемость этих пар [Брейтерман 1989].

Прежде существовала стандартная форма обучения: «Один говорит — все слушают». А Ривин реализовал новую организационную форму: «Каждый говорит с каждым». В результате каждый обучающийся в каждой новой паре выполняет не только роль ученика (слушающего, воспринимающего новый материал), но и роль учителя (излагающего, разъясняющего этот материал) — поэтому все учат всех, каждый учит каждого [Дьяченко 2001: 33–36].

Подчеркнем, в наши дни о методе коллективного взаимного обучения уже известно достаточно, он активно развивается. Есть сообщества педагогов в разных регионах России и других стран, которые вовлечены в движение КСО (создание коллективного способа обучения) [Общественно-педагогическое движение б/д]. А жизнь автора метода по-прежнему окружена легендами и домыслами. С одной стороны, до сих пор неизвестно, какое образование получил А. Г. Ривин [Дьяченко 2001: 413], работал ли он в образовательных учреждениях, а с другой, о его педагогической деятельности хорошо знали нарком просвещения РСФСР А. В. Луначарский и зам. наркома просвещения Н. К. Крупская [Крупская 1927: 19]. Известно, что «Ривин, член партии, вел свой “сочетательный диалог” в кружке при ЦК партии» [Шаламов 1987: 34], и в то же время его метод критиковали на XIII и XVII съездах партии Н. И. Бухарин [Бухарин 1924: 538–541] и Л. М. Каганович [Каганович 1934: 564–565]. А. Г. Ривин участвовал в организации и работе единственного в России, а может быть и в мире, «дикого» вуза [Чаган 1929; Вихман, 1992], «вуза без преподавателей», без профессоров, но затем на основе этого вуза создали государственную Высшую инженерную школу, а «метод выкинули» [Соколов 2007: 19]… Вопросов по поводу обстоятельств его биографии гораздо больше, чем ответов. Поэтому так важны любые подробности о жизни и деятельности педагога.

Изумруд в ворохе газет. Простой просмотр объявлений в газетах того времени ничего не дал. Предположения вначале были такие: педагог жил в Москве, занимался репетиторством с использованием своего метода, учеников для занятий он собирал там же — значит, искать надо в московских газетах («Вечерняя Москва», «Московская правда» — она в 1922–1939 годы называлась «Рабочая Москва» [Газеты СССР 1917–1960 1970: 38], «Московский комсомолец» — в 1924–1928 годы это был «Молодой ленинец» [Газеты СССР 1917–1960 1970: 40]). В. Шаламов называл 1926 год — это сужало круг поисков. Но не помогало…

Только после того как круг поисков был существенно расширен, появился результат. Первым было найдено самое крупное объявление педагога! На удивление — в газете не 1926, а 1925 года. И не в московской, а в, как в те годы говорили, центральной (рис. 1).


особыми уполномоченными.

РИВИН
автор книги
„Сочетательный диалог“
ГОТОВИТ в ВУЗ и за ВУЗ. Глинищевский пер., д. 6, кв. 2.

Рис. 1. Правда. 1925. 6 марта.

«РИВИН автор книги «Сочетательный диалог» ГОТОВИТ в ВУЗ и за ВУЗ. Глинищевский пер., д. 6, кв. 2». Удивительными были несколько моментов. Первое: подтвержден точный адрес педагога в Москве: Глинищевский пер., д. 6. Второе: стало известно о книге «Сочетательный диалог», о которой прежде не было ни одного упоминания. И третье: содержание объявления А. Г. Ривина только отдаленно было похоже на примеры Варлама Шаламова.

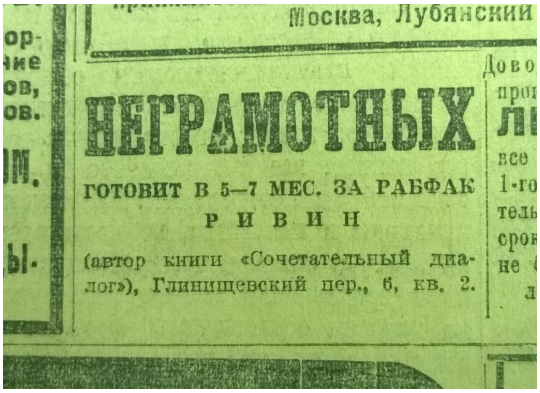
Позже, когда были найдены десятки объявлений, стало ясно: объявления А. Г. Ривина явно обращают на себя внимание читателей на фоне остальных подобных публикаций. В других объявлениях первое слово тоже выделяли крупным шрифтом. Но как подавали себя авторы объявлений? Вот примеры первого слова, с которого начиналось объявление: Пианистка. Скрипач. Мыловар. Женщина-врач. Портной. Фребеличка. Повариха. Дошкольница. Немка. Свободный художник. Инженер. Студент-математик. Няня. Бывшая преподавательница гимназии. Англичанка… (объявления в «Правде» 1924 года, с № 175 от 17 августа до № 297 от 31 декабря). И вдруг — просто: РИВИН…

Когдастализвестенобразецобъявлений А. Г. Ривина (т.е. когда стало понятно, что искать), оставалось только внимательно изучать страницы объявлений, номер за номером. Кроме «Правды», поиск велся и в других центральных и московских газетах: «Известия», «Комсомольская правда», «Московский комсомолец», «Вечерняя Москва», «Московская правда», «Труд», «Учительская газета». В итоге на сегодня найдены объявления в «Правде», «Известиях» и «Вечерней Москве» 1925–1930 годов — всего 163 единицы. Специально было проверено: в газетах 1924 и 1931 гг. («опоясывающих» этот период) объявлений А.Г. Ривина не обнаружено.

Большинство обращений педагога к читателям публиковались всего 2–3 раза, некоторые 11–14–20 (самое большее число) раз. Для удобства анализа были выделены типы объявлений. Каждый тип отличается от прочих либо содержанием (другие слова, иная информация, слова в другом порядке), либо адресом (другое издание, другие даты публикаций). Всего получилось 34 типа. По мере сбора объявления классифицировались, были выделены их особенности, существенные отличия объявлений А. Г. Ривина от объявлений других репетиторов. Оказалось, что найденные тексты А. Г. Ривина можно разделить на две крупные категории: оригинальные и стандартные репетиторские (для заработка).

Оригинальные объявления. В первой категории объявлений (которые мог написать только он) педагог формулирует свои цели и задачи, объявляет о своем методе, новой системе обучения, о своих возможностях по организации процесса обучения. Выделено 24 типа таких объявлений. Мы рассмотрим их в дальнейшем изложении.

Неграмотным и малограмотным


Москва, Лубянский

НЕГРАМОТНЫХ

ГОТОВИТ В 5—7 МЕС. ЗА РАБФАК

РИВИН

(автор книги «Сочетательный диалог»), Глинищевский пер., 6, кв. 2.

Рис. 2. Объявление для неграмотных.

«НЕГРАМОТНЫХ готовит в 5–7 месяцев за РАБФАК Ривин. Глинищевский, 6, кв.2» (Известия. 1925. 17 февр.).

«ИЗОБРЕТАТЕЛЕЙ, даже малограмотных, готовит за ВУЗ в теч/ение/ 9-11 м/есяцев/ или к конкурс/ным/ экз/аменам/ в 5-7 м/есяцев/ бесплатно. Тверская, Глинищ./евский/ пер., 6, кв.2» (Веч. Москва. 1926. 18 окт.).

«Срочно готовлю к экзаменам МАЛОГРАМОТНЫХ. Глинищевск/ий/ пер., д.6, кв. 14» (Известия. 1927. 15 июня).

«МАЛОГРАМОТНЫМ МАТЕМАТИКУ, истмат, псих./ологию/ по с/истем/е СОЧЕТАТЕЛЬНОГО д-а/диалога/ преподаю. Тверская, Глинищ./евский/ пер., д.6, кв. 14, РИВИН» (Правда. 1928. 24 июля).

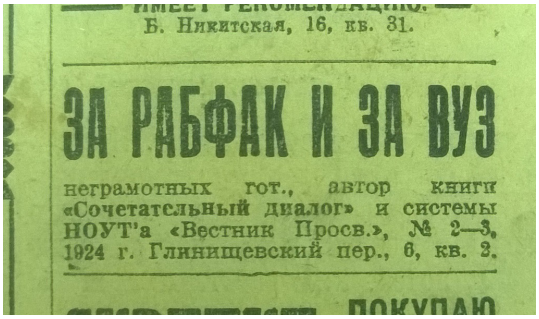
Как видим, на свои занятия А. Г. Ривин приглашает малограмотных и даже неграмотных (рис. 2). И при этом он уверен, что подготовит их для поступления в вуз! И даже за вуз (т.е. может обучать неграмотных как студентов, по вузовской программе). Видимо, такую уверенность ему дает собственный опыт — и прежде всего обучение крестьянских детей в Корнине [Дьяченко 1991: 9–10, 109] и обучение взрослых рабочих в Киеве [Дьяченко 2001: 415], в воинских частях на Украине [Метод коллективного взаимообучения 1922: 6; Ривин 1930: 64], а затем и в Москве [Брейтерман 1989; Брейтерман 1994: 15]. И статью «Содиалог как орудие ликбеза», опубликованную в 1930 году [Ривин 1930], А. Г. Ривин написал, видимо, на основе своего опыта обучения неграмотных. Важно и то, что педагог, с одной стороны, ставит для учеников достаточно высокую цель, а с другой, предъявляет минимальные требования «на входе» (т.е. может всех и каждого вести к высокой цели): «Малограмотным — математику, истмат, психологию…». Такие возможности дает открытый им метод обучения [Соколов 2007: 16].

Интересно, что с малограмотными в то время занимались и некоторые другие репетиторы. Но как? Вот так, например: «МАЛОГРАМОТНЫХ обучаю грамоте (письму и арифметике) путем переписки. На ответ 20-коп. марку (адрес)» (Рабочая газета. 1929. 24 янв.; Известия. 1929. 12 марта). Или так: «С МАЛОГРАМОТНЫМИ взрослыми и детьми занимаюсь начинающими / изучать/ немецкий, французский» (Веч. Москва. 1928. 6 марта). Трудно представить себе, чтобы Ривин стал заниматься с малограмотными «путем переписки».

Обратим внимание: формулировки А. Г. Ривина «готовит в вуз и за вуз», «за рабфак и за вуз» — авторские, вполне оригинальные. В других объявлениях тех лет они встречаются только в вариантах «за школу» либо «за I и II ступень» (т.е. за начальную и среднюю школу). Например, «ГОТОВЛЮ по русскому языку и литературе за 9-летку (тел.)» (Известия. 1929. 6 февр.); «РЕПЕТИРУЮ за I и II ступень (языки) (адрес и тел.)» (Веч. Москва. 1928. 26 апр.); «ГОТОВЛЮ В РАБФАК и за первую ступень (адрес)» (Веч. Москва. 1926. 5 мая); «ЗА II ступень, в техникумы, на рабфаки готовит опытная преподавательница

(тел.)» (Известия. 1929. 6 февр.); «В РАБФАК и за 1-ю ступень СРОЧНО готовлю (адрес)» (Веч. Москва. 1928. 11 июля). Единственным исключением служит объявление «ЭКСТЕРНОВ за ВТУЗ и к зачетам по высшей математике, механике и инженерным наукам, а также готовит в ВУЗ, ВТУЗ и в техникумы инженер-техник П. П. Кошаровский (адрес)» (Известия. 1928. 28 февр.). Позже А. Г. Ривин тоже назовет свое обучение подготовкой к экстернату.

Автор книги «Сочетательный диалог»


Б. Никитская, 16, кв. 31.

ЗА РАБФАК И ЗА ВУЗ

неграмотных гот., автор книги «Сочетательный диалог» и системы НОУТ'а «Вестник Просв.», № 2—3, 1924 г. Глинищевский пер., 6, кв. 2.

Рис. 3. Объявление об авторе книги «Сочетательный диалог».

«ЗА РАБФАК И ЗА ВУЗ неграмотных гот/овит/авторкниги«Сочетательный диалог» и системы НОУТ'а «Вестник Просв.», № 2–3, 1924 г. Глинищевский пер., д. 6, кв. 2» (Правда. 1925. 12 марта).

«НЕГРАМОТНЫХ ГОТОВИТ в 5-7 месяцев ЗА РАБФАК РИВИН (автор книги «Сочетательный диалог»). Глинищевский пер., д. 6, кв. 2» (Правда. 1925. 24 февр.).

«ЛЕКЦИИ по рационализации учебы читает автор соч./етательног/о диал/ога/. Тверская, Глинищ/евский/ пер., 6, кв. 14. РИВИН» (Правда. 1930. 1 апр.).

Про книгу А. Г. Ривина «Сочетательный диалог» из других источников ничего не известно. Возможно, он так написал в объявлениях (рис. 3) из-за того, что указание «автор метода» вначале было бы непонятным для читателей (хотя в 1928–1930 гг. он так себя и называет). А может быть, Ривин в то время планировал издать книгу с таким названием. Или все-таки издал?.. Сегодня можно лишь отметить, что в электронных каталогах крупных российских и зарубежных библиотек такая книга пока не найдена.

Ученики и последователи рассказывали о других трудах своего учителя. Например, М. Брейтерман вспоминает, что А. Г. Ривин много писал и рукописи относил Крупской [Соколов 2007а]. И что рукописные тетради учитель оставил своим ученикам в 1941 году, перед эвакуацией из Москвы [Соколов 2007а]. О подаренных ученику В. Дьяченко старым учителем рукописных тетрадях под названием «Марксизм и дидактика» вспоминает и Ю. Азаров [Азаров 1989: 143]. «До конца своих дней он писал книгу. Бумаги не было. Был только знаменитый “Курс истории ВКП(б)”, под редакцией “товарища Сталина”. И свою книгу Александр Григорьевич писал между строчек этой официальной истории, как, собственно, и проходила его жизнь…» [Соколов 2007: 19]. О работе над книгой сообщает и писательница Н. Бейлина [Бейлина 1968: 100], а также: «писал он ее между строк старых журналов, и когда он умер — книгу раскурили…» [Бейлина 1968: 69]. Но никакие книги и рукописи А. Г. Ривина пока не обнаружены.

Судя по ссылке в объявлении, А. Г. Ривин пропагандирует статью М. Шохора «Научная организация умственного труда». Инженер М. Шохор в ней пишет о А. Г. Ривине: «За основу коллективного метода преподавания нами взят принцип парных сочетаний… Сам автор называет этот метод “талгенизм” от слова талант и гений, так как считает, что при этом методе можно получить предельное число талантов и гениев…». И далее: «Разбивка учащихся на пары нами сохранилась, мы оставили также и переменные парные сочетания,

но роль руководителя, которая сводилась к роли организатора, нами используется иначе. Мы считаем, что присутствие и активное участие руководителя и даже 2–3 в больших группах весьма желательно и необходимо…» [Шохор 1924: 9].

Несмотря на то что это статья М. Шохора, автором НОУТ'а (научной организации умственного труда) в своем объявлении А. Г. Ривин справедливо называет себя.

Научная организация умственного труда. Позже, в 1929–1930 гг., педагог вернулся к этому вопросу (рис. 4).

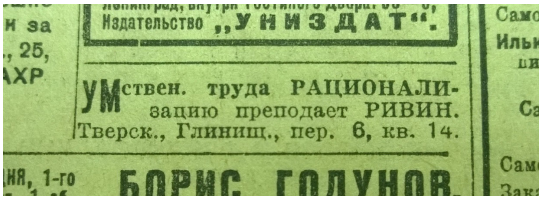

Издательство „УНИЗДАТ".
УМствен. труда РАЦИОНАЛИ-
зацию преподает РИВИН.
Тверск., Глинищ., пер. 6, кв. 14.

Рис. 4. Объявление
о рационализации умственного труда.

«УМствен/ного/ труда РАЦИОНАЛИЗАЦИЮ преподает Ривин. Тверск/ая/, Глинищ/евский/ пер., 6, кв. 14 (Правда. 1929. 7 нояб.).

«НАУЧНУЮ организацию умственного труда ПРЕПОДАЕТ, статьи, доклады, записки редактирует Ривин. Тверская, Глинищ/евский/ пер., 6, кв. 14» (Правда. 1929. 10 сент.).

«ПО РАЦИОНАЛИЗАЦИИ умственного труда лекции читаю, советы, уроки даю. *Тверская, Глинищевский п., д.6, кв. 14. РИВИН»* (Правда. 1930. 10 янв.).

Тема рационализации и научной организации труда, в том числе и труда умственного, была популярна в России 1920-х годов. В то время вышли книги П. М. Керженцева «НОТ. Научная организация труда и задачи партии» (М.; Пг.: Гос. изд-во,1923) и «Организуй самого себя» (М.: Молодая гвардия, 1924). Писатель Леонид Соловьев вспоминает: «Внутри страны все переделывалось на новый лад, появились "Лига времени", "НОТ" ("Научная организация труда"), "дальтонплан" и "комплексный метод" в школах, "тесты", "психотехника", "гиперэмоции". Как же могла в те годы не родиться новая наука "талгенизм"? И она родилась…» [Соловьев 1963: 50]. Между тем, хотя метод коллективного взаимообучения широко применялся в 1920-е годы, ни «педагогический Олимп», ни наука в те годы им не интересовались. Характерный пример: в газете была опубликована статья известного в те годы психолога и педолога А. Залкинда «Рационализация мозга (о технике умственной работы)» (Известия. 1928. 7 окт.), где автор популярно рассказывал о том, как работает мозг человека. В разделе «Процессы умственной деятельности» этой статьи есть главки «Значение речи», «Индивидуализм и коллективизм в мозговой работе», «Записи», но обучение в переменных парах (т.е. метод А. Г. Ривина) не анализируется.

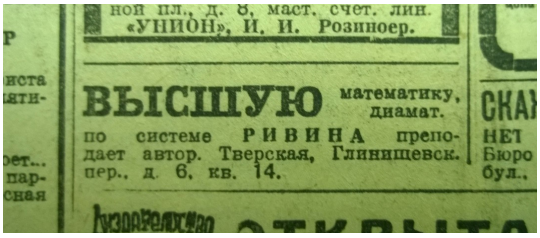
Сам педагог Ривин, естественно, подходит к научной организации и рационализации умственного труда с позиций метода коллективного взаимного обучения. Обнаружено уникальное (опубликовано всего один раз) объявление, которое свидетельствует, что Ривин понимал значение своего открытия нового метода: *«ВЫСШУЮ автодидактику, ТЕХНИКУ умственн/ого/ труда преподает Ривин. Тверская, Глинищ/евский/ пер., д.6, кв. 14»* (Правда. 1929. 1 авг.). Маловероятно, что читатели тех лет знали значение слова «автодидактика» (буквальный перевод: самообучение — от греч. αυτός, autos сам и διδακτικός, didaktikos поучающий, относящийся к обучению). А автодидакт — это попросту: самоучка!.. Но педагог говорит даже о «высшей автодидактике», т.е. автодидактике более совершенной, на новом уровне.

В современной педагогической литературе порой «автодидактика» подается как «новый термин, ранее не отмеченный в научно-педагогическом употреблении, появившийся в понятийно-терминологическом аппарате педагогики в 90-е годы XX века, педагогический неологизм» [Кичева 2004: 74]. Или как «универсальная система самообразования и саморазвития личности. Это новая наука, делающая акцент на саморазвитии личности и родившаяся на стыке педагогики, философии, культурологии и многих древних и современных когнитивных систем» [Куринский 2001: 2]. А то и как «теория и практика конструирования собственных технологий обучения» [Левитес 2003: 2]. Тем самым исходный термин расширяется, ему придаются новые значения. Но на самом деле термин «автодидактика» был известен в России еще в XIX веке именно как синоним слова «самообучение» [Михельсон 1865: 13; Чудинов 1894: 15]. Так что применение этого термина А. Г. Ривиным вполне оправдано, но, повторим, трудно представить читателя «Правды» 1929 года, который бы адекватно воспринял это приглашение к учебе.

Найдено также еще одно любопытное объявление: *«БЕСПЛ/атно/ препод/ ает/ математ/ику/ для выявл/ения/ научного опыта. Ривин, Глинищев/ский/ пер., 6, кв. 14»* (Известия. 1927. 2 авг.). Можно предположить, что А. Г. Ривин — на основе богатого опыта репетиторства и организации коллективных занятий с учениками разного уровня подготовки — заметил, что занятия в динамических парах не только способствуют обучению, но и могут служить средством диагностики (и тогда слова «для выявления» следует понимать как «для определения наличия»), — диагностики зоны ближайшего развития, как это в 1934 году (на 7 лет позже) определит психолог Л. С. Выготский на базе собственных экспериментов [Выготский 1934: 218, 220]. В 1927–1928 гг. на основе своего опыта Ривин сформулировал гипотезу сочетательного диалога — о том, что «последовательное и интенсивное применение диалогического общения решительно содействует кристаллизации в любом коллективе максимального количества талантов и гениев» [Брейтерман 1989; Брейтерман 1994: 21; Соколов 2007: 18]. Может быть, гипотеза появилась и раньше — название метода «талгенизм» было известно, по крайней мере, еще в начале 1920-х [Метод коллективного взаимообучения 1922: 6].

Хотя возможна и другая трактовка текста объявления, если понимать слова «для выявления» как «для прояснения», «для проведения». Ривин проводит некий научный эксперимент — и для этого приглашает желающих принять в нем участие, бесплатно. Таким образом, все сводится к пониманию ответа на вопрос: чьего научного опыта? Либо опыта учеников, либо опыта учителя.

Новый метод обучения. Чтобы привлечь обучающихся, педагог объявляет о своем методе (рис. 5), о новой системе обучения, о получаемых преимуществах и о своих возможностях:


ной пл., д. 8, маст. счет. лин.
«УНИОН», И. И. Розиноер.

ВЫСШУЮ математику, диамат. по системе РИВИНА преподает автор. Тверская, Глинищевск. пер., д. 6, кв. 14.

Рис. 5. Объявление о системе Ривина.

«ВЫСШУЮ математику, диамат. по системе РИВИНА преподает автор. Тверская, Глинищевск/ий/ пер., д.6, кв. 14» (Правда. 1929. 24 марта).

«АЛГЕБРУ, геом/етрию/, триг/ онометрию/, анализ преподает по

новому методу Ривин. Тверская, Глинищ./ евский/ пер., 6, кв. 14» (Правда. 1928. 21 окт.).

«К ДИПЛОМНЫМ испытаниям, экстернату по сист/еме/, опубликованной в гипотезе сочетательн/ого/ диалога, готов/ит/ Ривин. Тверск/ая/, Глинищ./евский/ пер., 6, кв. 14» (Правда. 1928. 7 нояб.).

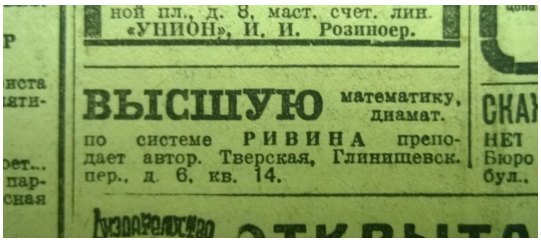
Новый метод обучения (рис. 5) сам автор называет системой Ривина (в ноябре и декабре 1928 года). Любопытно, что его ученик М. О. Корпиз говорил о системе Ривина раньше, в августе того же года: *«НЕГРАМОТНОСТЬ ЛИКВИДИРУЕТ по системе РИВИНА бесплатно. Т. 5-10-06, 8-9 у./тра/.; спр/осить/ зав/едующего/ Опытн/ой/ Станцией или 4-5 веч./ера/ Маросейка, 11, кв. 14. Корпиз, М. О.»* (Известия. 1928. 12 авг.). А один из студентов (или «вузовцев», как их называли в то время) — еще раньше, в феврале 1927 года: *«ПРИГЛ/ашаем/ вузовцев для совместного изуч/ения/ психологии, литерат/уры/, по сист/еме/ Ривина. Неглинная, 20, кв. 8, Сосинос»* (Веч. Москва. 1927. 23 февр.).

В газетах встречались объявления и других репетиторов, преподающих по оригинальным методикам. Например: *«РУССКИЙ ЯЗЫК, математику, политграмоту по методу объективной организации памяти преподает Г. П. Бондаренко (адрес)»* (Известия. 1925. 20 дек.); *«АВТОР учебников по самообразованию готовит в вузы. В группе 3–4 ученика (тел.)»* (Веч. Москва. 1929. 1 февр.); *«АНГЛИЙСКОМУ ЯЗЫКУ обучает взрослых быстро по специальной системе бывший заведующий и преподаватель курсов иностранных языков (адрес)»* (Известия. 1925. 1 дек.); *«НЕМЕЦКИЙ ЯЗЫК легко усваивают взрослые у опытного учителя-немца по дедовскому методу (адрес)»* (Известия. 1930. 16 июля); *«ПО методу живой речи опытная преподавательница дает уроки английского и немецкого языка (тел.)»* (Веч. Москва. 1927. 27 нояб.); *«АНГЛОЯЗЫК по Мертнеру. Огромная экономия энергии (адрес)»* (Известия. 1925. 8 февр.).

Но кардинальное отличие метода коллективного взаимообучения, который открыл и реализовал А. Г. Ривин, от этих и других методик — в его универсальности. Не случайно изобретение обучения в переменных парах по значимости сравнивают с открытиями Я. А. Коменского, на идеях которого построена современная система школьного и вузовского образования. Исследователи даже обосновывают возможность построения «новой педагогики», «новой дидактики», «новой системы образования» на тех принципах обучения, которые ввел именно А. Г. Ривин [Дьяченко 2001: 409–423; Соколов 2006: 77–90].

На фоне других. Все обнаруженные объявления А. Г. Ривина в «Правде», «Известиях» и «Вечерней Москве» очень маленькие: 4–5 см в длину и 1–1,5–2 см в высоту, всегда на одну колонку, при верстке в десять колонок (газетный лист формата «Правды»: 297x420 см). Почти все они выстроены по одной и той же схеме: первое слово выделено крупным шрифтом (оно привлекает внимание читателей в ряду других объявлений), остальные слова сокращены, некоторые выделены — прописными буквами либо полужирным шрифтом. Практически везде указана фамилия автора.

Добавим, что А. Г. Ривин часто менял содержание своих объявлений, в отличие от других авторов, которые месяцами, а то и годами держались за одну форму, однажды ими установленную. Иногда он заменял первое слово или менял слова местами — и формировал новое объявление как вариант прежнего (рис. 6).


ной пл., д. 8, маст. счет. лин. «УНИОН», И. И. Розиноер.

ВЫСШУЮ математику, диамат. по системе РИВИНА преподает автор. Тверская, Глинищевск. пер., д. 6, кв. 14.

Рис. 6. Графика объявлений.

Например: *«МАТЕМАТИКУ, сред/нюю/, высш/ую/ преподаю по сист/еме/ Ривина. Тверская, Глинищ/евский/ пер., 6, кв. 14»* (Известия. 1929. 29 янв.) и *«ВЫСШУЮ математику, диамат. по системе РИВИНА преподает автор. Тверская, Глинищевск/ий/ пер., д.6, кв. 14»* (Правда. 1929. 24 марта); *«К конкурсу МАЛОГРАМОТНЫХ СРОЧНО готовлю. Глинищев/ский/ п., 6, кв. 14»* (Веч. Москва. 1927. 21 июня) и *«Срочно готовлю к экзаменам МАЛОГРАМОТНЫХ. Глинищевск/ий/ пер., д. 6, кв. 14»* (Известия. 1927. 15 июня); *«ДАЮ по рационализац/ии/ умств/енного/ труда советы. Тверская, Глинищ/евский/ пер., 6, кв. 14. Ривин»* (Правда. 1929. 1 дек.), и *«ПО в/опроса/м РАЦИОНАЛИЗАЦИИ умственного труда лекции читаю, советы даю. Тверская, Глинищевский пер., д. 6, кв. 14. РИВИН»* (Правда. 1929. 22 дек.), и *«ПО РАЦИОНАЛИЗАЦИИ умственного труда лекции читаю, советы, уроки даю. Тверская, Глинищевский п., д. 6, кв. 14. РИВИН»* (Правда. 1930. 10 янв.). У последнего объявления есть даже три варианта подачи. Иногда схема объявления менялась: крупным шрифтом выделено не первое слово, а последнее или слово в середине; так оно тоже привлекает внимание читателей — в ряду других, которые идут без изменения шрифта либо с выделенным первым словом.

Чаще всего педагог публиковал определенный вариант всего несколько раз. Например, один из текстов был опубликован 14 раз за 4 месяца, другой — 6 раз за 2 месяца. Возможно, это было связано с оплатой. Ученики, бывшие подростками в годы знакомства с учителем, вспоминали, когда стали взрослыми: «А. Ривин жил более чем скромно, получая крохотную пенсию. Иногда обед ему заменял стакан бульона — разведенный в кипятке копеечный куриный кубик…» [Брейтерман 1989]; «Большинство ребят, которые к нему приходили, денег ему не платили. Приходили чаще всего из любопытства: посмотреть на чудака, у которого ума палата, а живет как нищий, ходит в каких-то обносках и неизвестно чем питается…» [Дьяченко 2001: 410]. Но кроме того, как нам кажется, А. Г. Ривин не любил повторов, его мысль всегда была в движении, в развитии… Поэтому оригинальных объявлений у него гораздо больше, чем стандартных.

Объявления стандартные. Кроме основной массы оригинальных обращений А. Г. Ривина к читателям газет нужно упомянуть и его объявления, которые мы отнесли ко второй группе — стандартных (рис. 7). Такие же объявления подавали и другие репетиторы. В них Ривин просто приглашает изучать конкретные предметы, сообщает о занятиях. Обнаружено 10 типов таких объявлений

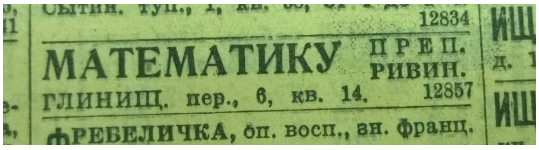

12834
МАТЕМАТИКУ ПРЕП. РИВИН.
ГЛИНИЩ. пер., 6, кв. 14. 12857
ФРЕБЕЛИЧКА, оп. восп., вн. франц.

Рис. 7. Стандартное объявление.

Вот некоторые примеры: *«МАТЕМАТИКУ ПРЕП/одает/ РИВИН. Глинищ/евский/ пер.,6, кв. 14»* (Известия. 1928. 14 марта); *«ПРЕПОДАЮ литер/атуру/, доклады, статьи испр/авляю/. Глинищ/евский/ пер., 6, кв. 14»* (Известия. 1927. 8 сент.); *«ДОКЛАДЫ,*

статьи редактирую. Литературу преподаю. Глинищ/евский/ пер.,6, кв. 14» (Известия. 1928. 29 мая). В этих объявлениях показан целый спектр возможностей А. Г. Ривина в качестве репетитора: литература, математика, физика, психология, исторический и диалектический материализм (истмат, диамат). А также работа над докладами и статьями. Нет в объявлениях только обучения иностранным языкам — хотя, по свидетельству учеников, педагог владел несколькими европейскими языками [Брейтерман 1989; Соколов 2007: 17].

Обнаружено также несколько объявлений, которые выбиваются из общего ряда. Фамилия Ривина в них не указана, но адрес тот же, что и в других объявлениях того времени: *«ТЕХНИКУ докладов, сочинений, стат/ей/ преп/одает/ пед/агог/ 2 ст/упени/. Глинищ/евский/ пер., 6, кв. 14»* (Известия. 1927. 17 июня); *«ПО ПРЕДМ/етам/ I и II ст/упени/, мат/ематику/, физ/ику/ ПРЕПОДАЮ. Глинищ/евский/ пер., 6, кв. 14»* (Известия. 1927. 29 нояб.); *«ЗА II СТУП/ень, В ВУЗЫ, ТЕХНИК/умы/ готовлю. Тверская, Глинищ/евский/ пер., 6, кв. 14»* (Известия. 1929. 14 февр.). В публикациях упоминаются предметы школьной программы, а в качестве автора указан педагог II ступени, хотя Ривин (по имеющимся сведениям) не был школьным учителем… Есть вероятность, что эти объявления давал не А. Г. Ривин, а его дочь Нина, тогда учительница, а в 1941 году (по воспоминаниям В. Дьяченко) — завуч московской школы [Дьяченко 2001: 410]. Возможно, к 1927 году дочь вышла замуж и они с мужем стали жить в квартире вместе с отцом, поэтому адреса совпадают.

Отметим любопытную деталь: практически все объявления в газетах тех лет об уроках, о предложениях другого труда, найме работников, продаже квартир, о репертуаре кинотеатров, театров и цирков — московские. В том числе и в «Правде», и в «Известиях», которые распространялись по всей стране (и при этом в объявлениях даже не указывалось, что адрес и телефон — в Москве). Но конкуренция среди московских педагогов-репетиторов была высокая: например, в одном номере газеты могло быть до 15–20 объявлений от репетиторов, готовящих в вузы, техникумы, рабфаки, и плюс еще столько же, а то и больше тех, кто обучал иностранным языкам (например, в «Известиях» от 21 октября 1928 года размещено 12 таких объявлений). Или, к примеру, рядом с объявлением «МАТЕМАТИКУ преподает Ривин» на той же странице, в той же колонке — еще 11 объявлений от других репетиторов (Известия. 1928. 11 марта).

Кроме того, тогда же работали государственные десятимесячные курсы по подготовке в вузы, где были утренние, дневные и вечерние группы — в центре города, около Таганской площади (Веч. Москва. 1926. 8 нояб.). Действовали госкурсы по подготовке в техникумы и в вузы — тоже в центре, на Тверской, 54 (Веч. Москва. 1928. 20 февр.). Но процветала и частная инициатива: «В ВУЗЫ и ТЕХНИКУМЫ специально готовит по математике и физике преподаватель Госкурсов по подготовке в ВУЗ (адрес и тел.)» (Известия. 1928. 12 июля). Правда, эта частная инициатива, как мы знаем из курса истории СССР, была резко свернута с изменением курса партии. Этап НЭПа закончился, и уже в 1931 году газетные объявления с предложением услуг на рынке труда быстро иссякли (как и другие частные объявления). Вместо целой полосы объявлений в каждом номере (а то и двух, даже трех полос) остались лишь крохотные «подвальчики» с репертуаром кинотеатров и театров, программой радиопередач.

Вместо эпилога. Вернемся к воспоминаниям Варлама Шаламова, с которых мы начинали. Найдены ли объявления А. Г. Ривина, о которых говорил писатель: «Высшее образование — за год! Каждый сам себе университет» [Шаламов 1987: 33]?

Если впрямую, таких формулировок в обнаруженных и исследованных нами 163 объявлениях педагога найти пока не удалось. Но найдены похожие тексты. Например, объявление «Изобретателей, даже малограмотных, готовит за ВУЗ в течение 9–11 месяцев» чем-то похоже на первую фразу Шаламова: «Высшее образование — за год!» (только формулировки педагога более конкретны, чем у писателя). А объявление «Высшую автодидактику, технику умственного труда преподает Ривин» по своей сути напоминает вторую фразу: «Каждый сам себе университет» (хотя формулировка педагога более точна).

Отметим, что воспоминания Варлама Шаламова были написаны только в 1962 году (а опубликованы в 1987 году). Можно заключить, что писатель через 35 лет именно так вспомнил объявления педагога (либо так представил их в мемуарах свою интерпретацию), по-своему сформулировал их сущность — в форме емких художественных образов. Но читая эти объявления — подлинные микротексты, сочиненные А. Г. Ривиным, — порой недоумеваешь: какому читателю он их адресовал? на кого он рассчитывал? Некоторые тексты сложны для понимания, при том что педагог адресовал их малограмотным и даже неграмотным читателям: основными читателями «Правды» и «Известий» были рабочие и служащие.

Тем не менее из воспоминаний учеников А. Г. Ривина мы знаем, что к нему на квартиру постоянно шли учиться — не только школьники, но и взрослые [Брейтерман 1989: 16; Дьяченко 2001: 409, 412, 422], т.е. свою задачу — пригласить учеников на занятия — объявления выполняли хорошо. Конечно, привлекала прежде всего личность педагога: «Ставить вопросы по существу и выяснять истину — это было его любимым занятием, помогающим ему глубоко проникать в души своих молодых собеседников. И не только молодых, так как к нему приходили и взрослые, в основном — педагоги. Но приходили и пожилые люди, далекие от педагогики» [Дьяченко 2001: 412]. Привлекал и его эффективный метод обучения: «Одна из особенностей его концепции заключалась в том, чтобы возвышать человека, поднимать его уровень, чтобы ставить высокие умственные преграды» [Соколов 2007: 16].

И все-таки, читая эти микротексты сегодня, приходишь к парадоксальному выводу: вероятно, автор адресовал их не только своим современникам, но и нам — в будущее. Естественно, посланиями в вечность являются прежде всего поступки каждого человека, те или иные деяния, которые и передаются от современников потомкам. Как писал живший в то же время Маяковский, «наших дней изучая потемки, вы, возможно, спросите и обо мне». Но все же объявления в газетах выступают здесь как срезы дерева, хранящие память о былом, давно прошедшем. При этом газета 90-летней давности может дойти до нас в библиотечной подшивке, а может «выпрыгнуть» внезапно, как кусок прежней жизни, когда отодрали часть обоев при ремонте квартиры, и под ними проглянуло яркое, давнее, полузабытое прошлое. Но, как оказывается, до сих пор актуальное.

Литература

Азаров, Ю. П. (1989). *Не подняться тебе, старик!*. М.: МГ.

Бейлина, Н. В. (1968). *Книга встреч*. Новосибирск: Зап.-Сиб. кн. изд-во.

Брейтерман, М. (1989). Диалоги. *Учительская газета, 31 янв*.

Брейтерман, М. (1994). Метод А. Г. Ривина. *На путях к новой школе, 1(6),* 14–21.

Бухарин, Н. И. (1924). О работе среди молодежи, доклад. *XIII съезд РКП (б). Стенограф. отчет.* М.: Красная Новь, 538–541.

Вихман, З. (1992). «Дикий вуз» — не бредовая идея. *Учитель Казахстана, 5, 19 нояб.*

Выготский, Л. С. (1934). *Мышление и речь. Психологические исследования.* М.: Гос. социально-экон. изд-во.

Газеты СССР 1917–1960. Библиографический справочник. Т. 1: Газеты Москвы, Ленинграда и столиц союзных республик (1970). М.: Книга.

Голубев, Е. Б. (2019). Единственный в мире «вуз без преподавателей» и метод коллективного взаимного обучения. *История науки и техники, 3,* 63–67.

Дьяченко, В. К. (1991). *Сотрудничество в обучении: о коллективном способе учебной работы*. М.: Просвещение.

Дьяченко, В. К. (2001). *Новая дидактика.* М.: Нар. образование.

Захаров, К. П. (2008). *Метод сочетательного диалога А. Г. Ривина как основа коллективного взаимного обучения.* Автореф. дис. … канд. *пед. наук*. СПб., РГПУ им. А. И. Герцена.

Захаров, К. П., Гулк Е. Б. (2017). Этапы становления метода содиалога Александра Григорьевича Ривина. *Научно-технические ведомости СПбГПУ. Гуманитарные и общественные науки, 8(1),* 55–64.

Каганович, Л. М. (1934). *Доклад по организационным вопросам (партийное и советское строительство). XVII съезд ВКП(б). Стенограф. отчет.* М.: Партиздат, 564–565.

Кичева, И. В. (2004). *Обогащение педагогической терминологии в 90-е годы XX века.* Пятигорск: Изд-во ПГЛУ.

Крупская, Н. К. (1927). О коллективных занятиях: из доклада «Самообразование в системе политпросветработы» на II Всесоюзном совещании по самообразованию. Москва, 15 января 1927 г. *Помощь самообразованию, 3,* 19.

Куринский, В. А. (2001). *Автодидактика.* СПб.

Левитес, Д. Г. (2003). *Автодидактика: теория и практика конструирования собственных технологий обучения.* М.: Изд-во Моск. психол.-соц. ин-та; Воронеж: Изд-во НПО «МОДЭК».

Метод коллективного взаимообучения: доклад тов. Таль на II Всероссийской методической конференции ликвидаторов неграмотности (1922). *Руководителям занятий, 5,* 6–10.

Михельсон, А. Д. (1865). *Объясненіе 25 000 иностранныхъ словъ, вошедшихъ въ употребленіе въ русскій языкъ, съ означеніемъ ихъ корней.* М.: Изданіе книгопродавца А. И. Манухина.

Общественно-педагогическое движение по созданию коллективного способа обучения (КСО-Красноярск). [Web-страница]. (б/д). Электронный ресурс http://kco-kras.ru/].

Ривин, А. (1930). Содиалог как орудие ликбеза. *Революция и культура, 15–16,* 64–66.

Соколов, А. С. (2006). *Вальс с Энергией Сотворения, или Педагогика XXI века.* СПб.: ТЕССА.

Соколов, А. С. (2007). Непрописанное имя: Александр Григорьевич Ривин. *Полярная сова, 3,* 16–19.

Соколов, А. С. (2007а). О Ривине, теории и практике ТАЛГЕНИЗМА, учениках и последователях. *Открытый урок, март* [Web-страница]. (б/д). Электронный ресурс http://www.openlesson.ru/?p=25634].

Соловьев, Л. В. (1963). Талгенизм. *Соловьев Л. В. Из «Книги юности».* М.: Мол. гвардия, 49–55.

Талгенизм (Метод коллективного взаимообучения): дайджест прессы и литературы 1920-1980-х гг. Ч. 1 и 2 / сост., подготовка текста и прим. Е. Голубев (1991). Л.: НИФ «Элиана».

Чаган, З. (1929). «Дикий» вуз. *Революция и культура, 11,* 47–50.

Чудинов, А. Н. (1894). *Словарь иностранныхъ словъ, вошедшихъ въ составъ русскаго языка.* СПб.: Изданіе книгопродавца В. И. Губинскаго.

Шаламов, В. Т. (1987). Двадцатые годы: Заметки студента МГУ. *Юность, 12,* 28–37.

Шохор, М. (1924). Научная организация умственного труда. *Вестник просвещения, 2–3,* 9–24.

Сведения об авторе:
Евгений Борисович Голубев, egolubev@list.ru

PUBLICATIONS IN THE NEWSPAPER — LETTERS TO ETERNITY (34 AUTHENTIC TEXTS OF THE EDUCATIONALIST ALEXANDER G. RIVIN)

E. B. Golubev
Saint Petersburg State University
7-9, Universitetskaya naberezhnaya, 199034, Saint Petersburg, Russian Federation

The original texts of the educationalist Alexander Grigoryevich Rivin, namely his ads in Moscow newspapers within the period of 1925–1930, are introduced into science. Based on the analysis of 163 units, 34 types of texts were identified, which were divided into two groups: original and standard announcements. The article presents the results of an analysis of the content, structure, graphics, and information for readers, in comparison with the other authors' texts of ads, which were published within the same period in the same newspapers. The study reveals the features of the Rivin's original ads, such as characteristics of the collective mutual learning method (combinational dialogue), new approaches to teaching of the specific groups (illiterate and uneducated), and the scientific organization of intellectual working. As a result of the study, conclusions are drawn about the relevance and importance of the teacher's announcements as "letters to the future".

Keywords: A. G. Rivin, advertisements in newspaper, method of collective mutual learning, talgenism, combination dialogue, organized dialogue.

References

Azarov, Yu. P. (1989). *Ne podnyat'sya tebe, starik!* [You can't arise, the old man!]. Moscow: Molodaya Gvardiya. (In Russian)

Beylina, N. V. (1968). *Kniga v strech* [Meeting book]. Novosibirsk: West Siberian Book Publishing House. (In Russian)

Breyterman, M. (1989). Dialogi [Dialogues]. *Uchitel'skaya gazeta* [Teacher's Newspaper], *Jan. 31*. (In Russian)

Breyterman, M. (1994). Metod A. G. Rivina [A. G. Rivin's method]. *Na putyakh k novoy shkole* [On the Way to a New School], *1(6)*, 14–21. (In Russian)

Bukharin, N. I. (1924). O rabote sredi molodezhi, doklad [About work among youth; a report]. In *XIII s'yezd RKP (b). Stenograficheskiy otchet* [XIII Congress of the RCP (b). Verbatim report] (pp. 538–541). Moscow: Krasnaya Nov'. (In Russian)

Chagan, Z. (1929). "Dikiy" vuz ["The uncontrolled university"]. *Revolyutsiya i kul'tura* [Revolution and Culture], *11,* 47–50. (In Russian)

Chudinov, A. N. (1894). *Slovar' inostrannykh slov, voshedshikh v sostav russkago yazyka* [Dictionary of the foreign words included in the Russian language]. Saint Petersburg: Edition of the book seller V. I. Gubinsky. (In Russian)

D'yachenko, V. K. (1991). *Sotrudnichestvo v obuchenii: o kollektivnom sposobe uchebnoy raboty* [Collaboration in learning: a collective way of academic work]. Moscow: Prosveshcheniye. (In Russian)

D'yachenko, V. K. (2001). *Novaya didaktika* [New didactics]. Moscow: Narodnoe Obrazovaniye. (In Russian)

Gazety SSSR 1917–1960. Bibliograficheskiy spravochnik [Newspapers of the USSR 1917-1960. Bibliographic reference]. V. 1: Gazety Moskvy, Leningrada i stolits soyuznykh respublik [Newspapers of Moscow, Leningrad and the capitals of the Union republics] (1970). Moscow: Kniga. (In Russian)

Golubev, Ye. B. (2019). Yedinstvennyy v mire «vuz bez prepodavateley» i metod kollektivnogo vzaimnogo obucheniya [The world's only "university without tutors" and a method of collective mutual learning]. *Istoriya nauki i tekhniki* [History of Science and Technology], *3,* 63–67. (In Russian)

Kaganovich, L. M. (1934). Doklad po organizatsionnym voprosam (partiynoye i sovetskoye stroitel'stvo) [Report on organizational issues (party and Soviet forming)]. *XVII s'yezd*

VKP(b). Stenograficheskiy otchet [XVII Congress of the CPSU(b). Verbatim report] (pp. 564–565). Moscow: Partizdat. (In Russian)

Kicheva, I. V. (2004). *Obogashcheniye pedagogicheskoy terminologii v 90-ye gody XX veka* [Enrichment of pedagogical terminology in the 90s of the XX century]. Pyatigorsk: Pyatigorsk State University]. (In Russian)

Krupskaya, N. K. (1927). O kollektivnykh zanyatiyakh: Iz doklada "Samoobrazovaniye v sisteme politprosvetraboty" na II Vsesoyuznom soveshchanii po samoobrazovaniyu [About group lessons: From the report "Self-education in the system of political education" at the II All-Union Conference on Self-Education]. *Pomoshch' Samoobrazovaniyu* [Help to Self-education], *3*, 19. (In Russian)

Kurinskiy, V. A. (2001). *Avtodidaktika* [The Autodidactics]. Saint Petersburg: Without publisher. (In Russian)

Levites, D. G. (2003). *Avtodidaktika: teoriya i praktika konstruirovaniya sobstvennykh tekhnologiy obucheniya* [Autodidactics: theory and practice of designing proprietary learning technologies]. Moscow: Moscow Psychological and Social Institute; Voronezh: NPO MODEK. (In Russian)

Metod kollektivnogo vzaimoobucheniya: Doklad tov. Tal' na II Vserossiyskoy metodicheskoy konferentsii likvidatorov negramotnosti [The collective learning method: Report by comrade Tal at the II All-Russian methodological conference of the illiteracy liquidators] (1922). *Rukovoditelyam zanyatiy* [For Heads of Classes], *5*, 6–10. (In Russian)

Mikhel'son, A. D. (1865). *Ob'yasneniye 25 000 inostrannykh slov, voshedshikh v upotrebleniye v russkiy yazyk, s oboznacheniyem ikh korney* [Explanation of 25,000 foreign words that have come into use in the Russian language, with a designation of their roots]. Moscow: Edition of the bookseller A. I. Manukhin. (In Russian)

Obshchestvenno-pedagogicheskoye dvizheniye po sozdaniyu kollektivnogo sposoba obucheniya (KSO-Krasnoyarsk) [Social-pedagogical movement to create a collective way of learning (KSO-Krasnoyarsk)]. [Web-page]. (No date). Retrieved from http://kco-kras.ru/. (In Russian)

Rivin, A. (1930). Sodialog kak orudiye likbeza [Co-dialogue as a tool of educational program]. *Revolyutsiya i kul'tura* [Revolution and Culture], *15–16,* 64–66. (In Russian)

Shalamov, V. T. (1987). Dvadtsatyye gody: Zametki studenta MGU [Twenties: Moscow State University student notes]. *Yunost* [Youth], *12,* 28–37. (In Russian)

Shokhor, M. (1924). Nauchnaya organizatsiya umstvennogo truda [Scientific organization of intellectualizing]. *Vestnik Prosveshcheniya* [Bulletin of Education], *2–3*, 9–24. (In Russian)

Sokolov, A. S. (2006). *Val's c energiyey sotvoreniya, ili pedagogika XXI veka* [Waltz with creation energy, or the 21st Century pedagogy]. Saint Petersburg: TESSA. (In Russian)

Sokolov, A. S. (2007). Nepropisannoye imya: Aleksandr Grigor'yevich Rivin [The unwritten name: Alexander G. Rivin]. *Polyarnaya sova* [Arctic Owl], *3*, 16–19. (In Russian)

Sokolov, A. S. (2007a). O Rivine, teorii i praktike TALGENIZMA, uchenikakh i posledovatelyakh [About Rivin, the theory and practice of TALGENISM, students and followers]. *Otkrytyy urok* [Open lesson]. [Web-page]. Retrieved from http://www.openlesson.ru/?p=25634]. (In Russian)

Solov'yev, L. V. (1963). Talgenizm [Talgenism]. *Solov'yev L. V. Iz «Knigi yunosti»* [Soloviev L.V. From the Book of Youth] (pp. 49–55). Moscow: Molodaya Gvardiya. (In Russian)

Talgenizm (Metod kollektivnogo vzaimoobucheniya) [Talgenism (Collective learning method)]. Part 1 and 2. Ye. Golubev (Compilation, preparation of text and notes) (1991). Leningrad: Eliana. (In Russian)

Vikhman, Z. (1992). "Dikiy vuz" — ne bredovaya ideya ["The Uncontrolled University" — not a crazy idea]. *Uchitel' Kazakhstana* [Teacher of Kazakhstan], *Nov. 5, 19*. (In Russian)

Vygotskiy, L. S. (1934). *Myshleniye i rech'. Psikhologicheskiye issledovaniya* [Thinking and speech. Psychological research]. Moscow: State Socio-Economic Publishing House. (In Russian)

Zakharov, K. P. (2008). *Metod sochetatel'nogo dialoga A. G. Rivina kak osnova kollektivnogo vzaimnogo obucheniya* [The method of combinational dialogue of A. G. Rivin as the basis

of collective mutual learning]. Abstract of PhD thesis. Saint Petersburg: Herzen State Pedagogical University of Russia. (In Russian)

Zakharov, K. P., Gulk, Ye. B. (2017). Etapy stanovleniya metoda sodialoga Aleksandra Grigor'yevicha Rivina [Stages of the development of the co-dialogue method of Alexander G. Rivin]. *Nauchno-tekhnicheskiye vedomosti SPbGPU. Gumanitarnyye i obshchestvennyye nauki* [Scientific and Technical Statements of SPbGPU. Humanities and Social Sciences], *8(1)*, 55–64. (In Russian)

Author's information:
Evgeny B. Golubev, egolubev@list.ru

О. Б. Януш,
Н. М. Мухарямов
Казанский государственный энергетический университет
Российская Федерация, 420066, Казань, ул. Красносельская, 51

В статье отмечается важность медийных исследований, посвященных анализу этнополитических и этноязыковых процессов. Основное внимание уделяется медийному дискурсу де-факто миноритарного карельского языка, вопрос о придании государственного статуса которому присутствует в информационной повестке. С помощью запросов в информационно-аналитических системах Интегрум и Медиалогия авторы анализируют новостной дискурс федеральных и региональных медиа. Позитивная новостная картина отличается от описаний, которые даются в различных социолингвистических источниках и в целом фиксируют ослабление позиций карельского языка. В медийном пространстве конструируется образ карельского языка, который ассоциируется не только с традициями, но и с современностью, прогрессом, широким функционированием, что представляется важным аспектом его сохранения и развития.

Ключевые слова: медийный дискурс, медийное пространство, карельский язык, государственный язык, де-факто миноритарный язык.

© Януш О. Б., Мухарямов Н. М., 2019

УДК 81’27:323.1

МЕДИЙНЫЙ ДИСКУРС ДЕ-ФАКТО МИНОРИТАРНОГО ЯЗЫКА

Тематика исследований, связанная с отражением этноязыковых процессов и явлений в медиа, актуальна в любом многоэтничном обществе. Освещение в российском медийном пространстве этнополитических и этноязыковых процессов и ситуаций представляется важным направлением современных медиаисследований, их перспективность несомненна для понимания названных процессов, происходящих в стране и в мире, для гармонизации межэтнических отношений. Освещая те или иные события, СМИ переключают внимание аудитории на определённые темы, которые воспринимаются ею как наиболее важные [Панченко 2016: 153]. Современные медиа выполняют функции социального конструирования реальности, конструирования дискурса как «целостного смыслового образования, эпизода действительности, который обладает временной протяжённостью и представляет собой систему, сформированную на основе логической организации смыслов с использованием специальных норм (знаков и кодов) и предполагающую содержательную интерпретацию» [Ильин 2007: 539].

Информационно-аналитические системы современности — крупнейшие в России Интегрум и Медиалогия — могут выступать в качестве инструментов, с помощью которых можно получить своего рода «срез» дискурса языковой политики. Запросы, выполненные в системах, показывают, что государственные языки занимают особое положение

в российском медийном дискурсе. Словосочетания «государственный язык» (50593 раза) и «официальный язык» (17973 раза) являются наиболее частотными. Причём в региональном медийном пространстве эти термины употребляются заметно чаще, чем в федеральном: 14946 и 5250 раз, что во многом можно объяснить результатами статусной языковой политики, которая включает реализацию решений относительно статуса языка в публично-правовой сфере и образовании. Как отмечает в этой связи Н. В. Борисова, «в ситуации нарастающего сепаратизма в 1990-е гг. в России федеральный центр выбрал стратегию, которая метафорически известна как «берите столько суверенитета, сколько хотите». Федеральный центр предоставил этническим республикам право использовать титульный язык в качестве официального, что с его стороны являлось символическим жестом» [Борисова 2017: 173]. К. Замятин на примере этноязыковых процессов в регионах с финноугорским населением описывает три значения официального статуса языков: как инструмент языковой политики для распространения языков в публичной сфере; как атрибут национальной государственности; и как элемент институализованной этничности, который остается потенциальным ресурсом для политической мобилизации [Замятин 2018: 200].

Формально титульные языки республик не считаются языками меньшинств, хотя, с социолингвистической точки зрения, многие из них описываются как «уязвимые» или «находящиеся под угрозой исчезновения» [UNESCO]. Данные нашего запроса подтверждают низкую частотность словосочетаний «миноритарный язык» — всего 174 упоминания, «языки национальных меньшинств» — 2697 упоминаний. Для объяснения данной ситуации можно привести аргументы, связанные с преемственностью языковых процессов и отсылающие в прошлое советской языковой политики: «Идеологема „равенства народов СССР“ и их языков предопределила конкретное использование соответствующих терминов на протяжении всего советского периода и за его пределами. Из-за советского наследия во многих постсоветских странах использование терминов, связанных с языками в публичной сфере, исключительное» [Zamyatin 2014: 54]. Термин «языки меньшинств» обычно не употреблялся по отношению к языкам СССР. Вместо этого обычно использовались такие термины, как «языки народов СССР», «титульные языки», «родные языки» и «язык межнационального общения». В. Малахов же указывает на имплицитную иерархичность термина «меньшинство», который отторгается в силу того, что категория *меньшинство* предполагает отношение неравенства [Малахов 2007: 53–54].

Анализ эмпирических данных, полученных с помощью запросов в информационно-аналитических системах Интегрум и Медиалогия, показал наиболее частотные в российском медийном пространстве понятия — «государственный язык» и «официальный язык», сопоставимые в объёмах как в федеральном, так и региональном медийных пространствах, что может свидетельствовать об особом, символическом значении, придаваемом официальному статусу языка региональными властями. Среди республик в составе Российской Федерации Карелия, пожалуй, единственная, где язык титульного народа не возведён в ранг государственного языка. В то же

время вопрос о придании карельскому языку статуса государственного не теряет актуальности, присутствует в информационной повестке и в 2015 году стал самым заметным событием в новостном дискурсе карельского языка как по охвату аудитории — 1,3 млн, так и заметности — 3,35, попав в новостные ленты следующих изданий: ИА Regnum (Москва, 28.08.2015), Карелинформ (karelinform.ru, Петрозаводск, 28.08.2015), ИА СеверИнформ (severinform.ru, Вологда, 28.08.2015), Республика (rk.karelia.ru, Петрозаводск, 28.08.2015), Finugor (finugor.ru, Сыктывкар, 28.08.2015), Start.Sampo.ru (Петрозаводск, 28.08.2015).

Наибольшее количество сообщений о карельском языке ожидаемо приходится на регион традиционного проживания карел — Республику Карелия — 4974 сообщения из 7794 за период с 01 января 2003 года по 28 сентября 2019 года (см. рис. 1).

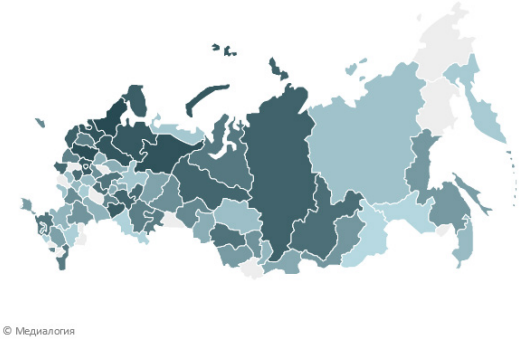


Рис. 1. География новостей о карельском языке[1]
(01.01.2003 — 28.09.2019,
по количеству сообщений)

Вторым по численности регионом является город федерального значения Москва — 740 сообщений; далее идут Тверская область — 611 сообщений, Санкт-Петербург — 339, Республика Коми — 268, с большим отставанием — Ленинградская область — 74 сообщения, Вологодская область — 63, Архангельская область — 59, Московская область — 55, Самарская область — 49, Мурманская область — 48 и многие другие. Географию новостей о карельском языке отчасти можно объяснить «сильной диаспоризованностью» карел, как и многих других финно-угорских народов [Кондрашкина 2019: 229]. К примеру, 50% носителей мордовских языков проживают за пределами своей республики, 44% носителей марийских языков, 25,8% носителей карельского языка — за пределами территории Карелии. В 2010 году в России насчитывалось 60815 карелов, из них 45570 человек проживало в Республике Карелия. 15245 человек проживают за её пределами: в Тверской области — 7394, в Санкт-Петербурге — 1396, в Мурманской области — 1376, в Ленинградской области — 1345, Московской области — 272, Архангельской области — 180, Вологодской области — 149 и некоторых других областях России [Итоги 2010].

Все объекты, упоминаемые в новостях, можно отнести, во-первых, к географическим названиям — это субъекты Российской Федерации Республика Карелия, Москва, Санкт-Петербург, Тверская область, Ленинградская область, иностранные государства — Финляндия, Эстония, Швеция, Украина, США; персоны — Худилайнен Александр Петрович и Путин Владимир Владимирович. Другим ключевым типом акторов новостного дискурса являются «организации», наиболее упоминаемыми среди которых являются ФГБОУ ВО «Петрозаводский государственный университет» (723 сообщений), Законодательное собрание

[1] Дата запроса: 28 сентября 2019 года. Территории, окрашенные в более тёмные оттенки, соответствуют наибольшему количеству новостей.

Республики Карелия (365 сообщений) и Российская академия наук (317 сообщений).

Примечателен тот факт, что в четверти всех сообщений о карельском языке упоминается Финляндия (1811 из 7794 новостей) после упоминаний Карелии и Российской Федерации, тональность которых преимущественно нейтральная. За весь доступный и исследуемый период самыми заметными стали материалы с заголовками «Самобытная культура в Карелии», где Финляндия упоминается в связи с участием её лидера в предстоящем международном фестивале финно-угорских народов, статья посвящена возрождению древних традиций и обычаев в Карелии (1Канал#Время, значение заметности 13,50); далее с существенным отрывом по заметности (4,00) материал под названием «Карельская деревня: заповедник родной речи и упрямых стариков» (РИА Новости, Москва, 16.10.2014, Олония (oloniya.info), Олонец, 17.10.2014), Start.Sampo.ru, Петрозаводск, 17.10.2014). Здесь Финляндия упоминается в рамках соглашения между Италией, Россией и Финляндией 2007 года в области охраны памятников деревянного зодчества Карелии, программы по исследованию истории и состояния деревянной архитектуры Карелии и в связи с предстоящим Российско-финляндским форумом. В материале «Петрозаводский госуниверситет: редкие языки, «Кижи», рыбоводство и звёзды» (РИА Новости, Москва, 25.06.2019, значение заметности — 4,00) речь идёт о Финляндии как месте, где ещё остались носители карельского языка, сам же Петрозаводский государственный университет описан как единственный вуз в России, где готовят специалистов по карельскому, вепсскому и финскому языкам одновременно. Ниже в списке «топовых» новостей «Карельский рэпер: на карельском языке не только бабушки и дедушки разговаривают» (ТАСС, Москва, 14.03.2016, заметность — 3,98) — материал, посвящённый актёру Карелии, читающему рэп на карельском языке с активной позицией в отношении сохранения языка; Финляндия фигурирует как страна, куда можно было уехать и получить образование. В целом, столь частое присутствие геоконцепта Финляндия в новостном дискурсе карельского языка объясняется географическим соседством, историческим наследием приграничных территорий и этнокультурным — финно-угорским — родством.

Карельский язык расширяет своё место в информационной повестке средств массовой информации: если, к примеру, в 2008 году насчитывалось 224 сообщения о карельском языке, в 2011 году — 285, в 2013 году — 509, то уже в 2014 году — 888, в 2015 году — 1127, в 2016 году — 961, 907 сообщений в 2017 году, 1051 сообщение в 2018 году (см. рис. 2). Наиболее заметные в 2015 году, помимо упомянутого материала о статусе карельского языка как второго государственного: «В Эссойле открылся карельский этнокультурный центр» (Вести.ru, Москва, 03.03.2015), где сообщается о том, что в центре ратуют за сохранение и изучение карельского языка, отмечается рост интереса к родному языку у жителей, о том, что проводятся курсы карельского языка и практикуется создание «флэш-анимаций, интерактивных программ, озвучиваемых детьми на карельском языке (охват — 2,2 млн, заметность события — 3,18); «В Петрозаводске проходят дни «Калевалы», посвящённые первому изданию эпоса» (Вести.ru, Москва, 27.02.2015, охват — 2,1 млн, заметность — 2,51).

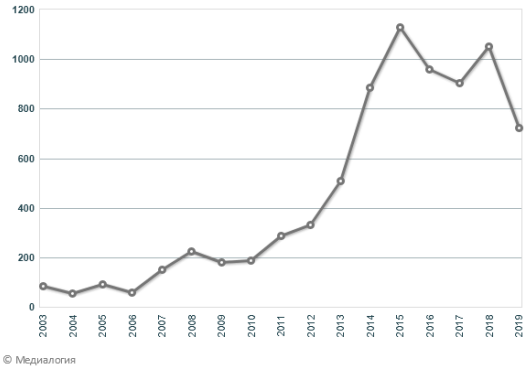


Рис. 2. Динамика упоминаний карельского языка: газеты, журналы, информагентства, Интернет, ТВ, радио (01.01.2003–28.09.2019)

В 2014 году новостная картина наиболее заметных сообщений была следующей: «В Карельском алфавите появилась буква Сс» (Lenta.ru, Москва, 10.06.2014, Finugor.ru, Сыктывкар, 10.06.2014, охват — 10,1 млн, заметность — 11,51); «Карельская деревня: заповедник родной речи и упрямых стариков» (РИА Новости, Москва, 16.10.2014, Карелинформ, Петрозаводск, 17.10.2014, охват — 4,4 млн, заметность — 4,16); «В Карелии появится ресурсный медиа-центр прибалтийско-финских народов» (ТАСС, Москва, 10.04.2014, Карелинформ, Петрозаводск, ГТРК Карелия, Петрозаводск, Ведомости Карелии, Петрозаводск, Finugor (finugor.ru), Сыктывкар, 10.04.2014, охват — 3,5 млн, заметность — 3,95); «Жителей Петрозаводска бесплатно будут учить карельскому языку» (ТАСС, Москва, 26.09.2014, охват — 1,3 млн, заметность — 3,9); «В старинном сельском селе все ценники в магазинах перевели на национальный язык» (ТАСС, Москва, 27.05.2014, Вести Карелии, Петрозаводск, 28.05.2014, ИА КарелНовости, Петрозаводск, Столица на Онего, Петрозаводск, 28.05.2014; охват — 1,4 млн, заметность — 2,05); «В Карелии операторы службы спасения выучат финский и карельский языки» (ТАСС, Москва, 05.11.2014, Мурманский вестник, Мурманск, 06.11.2014, Петрозаводск сегодня, Петрозаводск, 06.11.2014, Невские новости, Санкт-Петербург, 05.11.2014, охват — 3,4 млн, заметность — 2,00); «В Карелии выпустили набор для игры «Мафия» на национальном языке» (ТАСС, Москва, 13.11.2014, Мурманский вестник, Мурманск, 13.11.2014, охват — 1,2 млн, заметность — 1,98); «Первый в Петрозаводске ледовый комплекс назвали по-карельски» (ТАСС, Москва, 17.07.2014, охват — 1,2 млн, заметность — 1,91); «В Финляндии состоялись международные курсы карельского языка» (Карелинформ, Петрозаводск, 14.07.2014, Ведомости Карелии, Петрозаводск, 14.07.2014, Start.sampo.ru, Петрозаводск, 14.07.2014, Finugor (finugor.ru), Сыктывкар, 15.07.2014; охват — 20,8 тыс., заметность — 0,92) и многие другие.

На фоне позитивного новостного дискурса сохранения и развития карельского языка, расширения сфер его использования и повсеместного функционирования, репрезентации языка как языка «современности, прогресса и широкого общения» [May 2006: 257] ряд ресурсов, посвящённых жизнеспособности языков, свидетельствуют о прямо противоположных тенденциях — об ослаблении позиций карельского языка. В октябре 2017 года ЮНЕСКО внесло изменения в «Атлас языков мира, находящихся под угрозой исчезновения» — три диалекта карельского языка (собственно карельский, ливвиковский и людиковский) и вепсский язык были включены в лингвистическую «Красную книгу» специализированного учреждения ООН [Новиков]. Карельский язык, по мнению экспертов ЮНЕСКО, описывается как *definitely endangered* — находящийся под определенной угрозой исчезновения, т.е. с позиций межпоколенческой языковой

трансмиссии, «дома дети больше не изучают язык как материнский язык»; людиковский диалект карельского языка определяется как *severely endangered* — находящийся под серьёзной угрозой исчезновения — «на языке говорят бабушки и дедушки и поколение старше, поколение родителей может понимать язык, но не разговаривать на нём с детьми или между собой» [Moseley 2012: 11]. По данным другого аналитического инструмента — зарубежного социолингвистического ресурса Ethnologue, уровень развития карельского языка в 2013 году описывался как *educational* — образовательный со значением 4 на так называемой расширенной шкале разрыва межпоколенческой языковой трансмиссии EGIDS — многомерной шкале, фокусирующейся на различных аспектах жизнеспособности (витальности) языка [Lewis et al. 2014]. Шкала состоит из 13 уровней, где каждое число представляет уровень нарушения межпоколенческой передачи языка. Более сильные, жизнеспособные языки имеют низкие цифры шкалы и расположены в верхней левой части «облака» живых языков мира, а малые и самые слабые (близкие к исчезновению) — в правой нижней (см. рис. 3).

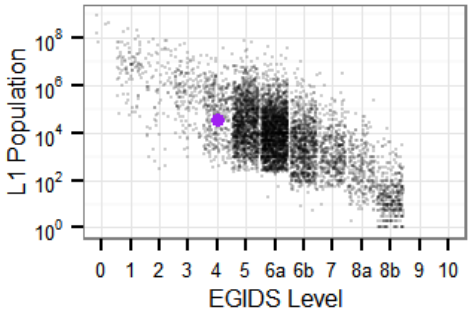


Рис. 3. Карельский язык
в облаке живых языков мира (Ethnologue, 2013 год)

Образовательный, согласно описанию экспертов Ethnologue, это язык, который активно используется, стандартизация и литература поддерживаются через широко распространённую систему институциональной поддержки образования. Однако, по данным за 2017 год, место карельского языка на шкале изменилось, точнее можно говорить об ослаблении его позиций — соответствует уровню 5 и определяется как *written* — письменный — язык используется устно всеми поколениями и в письменной форме частью сообщества [Simons & Fennig 2017] (см. рис. 4).

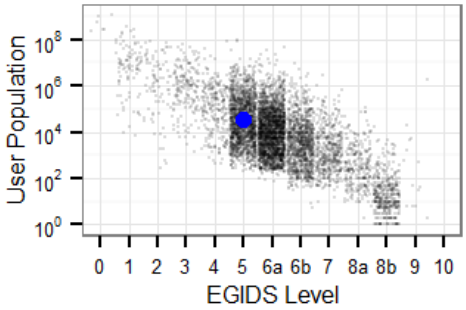


Рис. 4. Карельский язык
в облаке живых языков мира (Ethnologue, 2017 год)

Уместно также привести данные исследования, представленные консорциумом ELDIA — European Language Diversity for All в докладе о карельском языке в России. Ливвиковский диалект карельского языка (олонецкий карельский) наряду с другими его диалектами определяется как язык, находящийся под серьёзной угрозой [Karjalainen et al. 2013: 179]. Из всех четырёх фокус-областей, на которых сосредоточили внимание авторы доклада, самой витальной является область *использования языка и взаимодействия*, а социетальная поддержка олонецкого карельского языка в сфере законодательства, образования и СМИ очень слаба.

Отечественные социолингвисты описывают карельский язык как «язык с недостаточно развитыми функциями», «функциональное пространство ограничивается сферой семейного общения, образования, культуры, СМИ, художественной литературы» [Ковалёва & Кондрашкина 2016: 207].

Анализ новостного дискурса карельского языка позволяет сделать вывод о том, что в медийном пространстве создаётся образ языка, который ассоциируется не только с языком меньшинства как носителя идентичности, традициями и устареванием, с меньшей ценностью и использованием, «сентиментальным» значением; в медиа предпринята попытка конструирования реальности карельского языка как языка с инструментальными функциями, ассоциируемого с современностью, прогрессом и языком широкого общения. В условиях, когда де факто миноритарный язык не имеет статуса государственного в Республике Карелия, попытки его продвижения в широком спектре социальных, культурных и языковых сфер или контекстов, как формальных, так и неформальных, и соответствующая репрезентация в СМИ представляются более важным аспектом его сохранения и развития.

Исследование выполнено при финансовой поддержке РФФИ и АНО ЭИСИ в рамках научного проекта №19-011-31465 «Региональная языковая политика в дискурсивных измерениях».

Литература

Борисова, Н. В. (2017). Языковая преференциальная политика как тема и арена баланса/дисбаланса в межэтнических отношениях. *Балансируя притязания: этнические региональные автономии, целостность государства и права этнических меньшинств*. М.: Политическая энциклопедия.

Замятин, К. (2018). Формирование языковой политики в республиках России в постсоветский период: анализ политического цикла. *Языковое единство и языковое разнообразие в полиэтническом государстве.* Международная конференция. Доклады и сообщения. М.: ИЯ РАН.

Ильин, М. В. (2007). Политический дискурс. *Политология: Лексикон.* М.: Российская политическая энциклопедия (РОССПЭН).

Итоги Всероссийской переписи населения 2010 года [Web-страница]. (б/д). Электронный ресурс gks.ru/free_doc/new_site/perepis2010/croc/Documents/Vol4/pub-04-04.pdf.

Ковалёва, С., Кондрашкина, Е. А. (2016). Карельский язык. *Язык и общество. Энциклопедия*. М.: Издательский центр «Азбуковник».

Кондрашкина, Е. А. (2019). Языки финно-угорских народов России в будущем (попытка лингвопрогноза). *Языки в полиэтническом государстве: развитие, планирование, прогнозирование*. Международная конференция: доклады и сообщения. Улан-Удэ.

Малахов, В. (2007). «Национальная политика» как феномен политической речи. *Понаехали тут…: Очерки о национализме, расизме и культурном плюрализме*. М.: Новое литературное обозрение.

Новиков, В. Финская языковая экспансия в Карелии: под завесой «угрозы русификации» [Web-страница]. (б/д). Электронный ресурс https://regnum.ru/news/society/2009230.html.

Панченко, Е. (2016). Новостной дискурс в государственных интернет СМИ (на примере сайта «РИА Новости». *Настройка языка: управление коммуникациями на постсоветском пространстве*: Коллективная монография. М.: Новое литературное обозрение.

Zamyatin, K. (2014). *An Official Status for Minority Languages?* Helsinki: Uralica Helsingiensia.

Karjalainen, H., Puura, U., Grünthal, R., Kovaleva, S. (2013). *Karelian in Russia*. ELDIA Case-Specific Report. Mainz.

Lewis, P. M., Simons, G. F., Fennig, Ch. D. (Eds.). (2014). *Ethnologue: Languages of the World*. 17th

Edition [Web-page]. Retrieved from http://www.ethnologue.com.

May, S. (2006). Language Policy and Minority Rights. *An Introduction to Language Policy. Theory and Method*. Malden: Blackwell Publishing.

Moseley, Ch. (2012). *The UNESCO Atlas of the world's languages in danger: context and process*. Cambridge: Cambridge University Press.

Simons, G. F., Fennig Ch. D. (2017). *Ethnologue: Languages of the World*, Twentieth edition [Web-page]. Retrieved from http://www.ethnologue.com.

UNESCO Atlas of the World's Languages in Danger [Web-page]. (No date). Retrieved from http://www.unesco.org/culture/language-atlas.

Сведения об авторах:
Ольга Борисовна Януш, канд. полит. наук, доц.; yanush_ob@yahoo.com
Наиль Мидхатович Мухарямов, доктор полит. наук, профессор. n.mukharyamov@yandex.ru

MEDIA DISCOURSE OF THE DE FACTO MINORITY LANGUAGE

O.B. Yanush, N.M. Mukharyamov
Kazan State Power Engineering University
51, Krasnosel'skayastreet, 420066, Kazan, Russian Federation

The article notes the importance of media research on the analysis of ethno-political and ethno-language processes. The official languages occupy a special position in the Russian media discourse. The main attention in the article is paid to the media discourse of the de facto minority Karelian language, the issue of giving state status to which is present in the information agenda and does not lose its relevance. Using independent queries in the information and analytical systems Integrum and Medialogy, the authors analyze the news discourse of federal and regional media, provide statistics on the geographic connection of news, the mention of certain objects in messages about the Karelian language, describe the dynamics of the mention of the Karelian language and the most noticeable events in the media space . The article notes that the positive news picture differs from the descriptions that are given in various sociolinguistic sources and generally record a weakening of the Karelian language (UNESCO, Ethnologue, ELDIA, sociolinguistic encyclopedia of the Institute of Linguistics of the Russian Academy of Sciences). The study concludes that the image of the Karelian language is being constructed in the media space, which is associated not only with traditions, obsolescence, identity, but also with modernity, progress, broad functioning, which seems to be an important aspect of its preservation and development.

Keywords: media discourse, media space, Karelian language, state language, de facto minority language.

References

Borisova, N. V. (2017). Jazykovaja preferencial'naja politika kak tema i arena balansa/disbalansa v mezhjetnicheskih otnoshenijah [Language preferential policy as a topic and arena of balance / imbalance in interethnic relations]. *Balansiruja pritjazanija: jetnicheskie regional'nye avtonomii, celostnost' gosudarstva i prava jetnicheskih men'shinstv* [Balancing Claims: Ethnic Regional Autonomies, State Integrity, and Ethnic Minority Rights]. Moscow: Political Encyclopedia. (In Russian)

Il'in, M. V. (2007). Politicheskij diskurs [Political Discourse]. *Politologija: Leksikon* [Political Science: Lexicon]. Moscow: Russian Political Encyclopedia. (In Russian)

Itogi Vserossijskoj perepisi naselenija 2010 goda [Results of the 2010 All-Russian Population Census] [Web-page]. (No date). Retrieved from gks.ru/free_doc/new_site/perepis2010/croc/Documents/Vol4/pub-04-04.pdf. (In Russian)

Karjalainen, H., Puura, U., Grünthal, R., Kovaleva, S. (2013). *Karelian in Russia*. ELDIA Case-Specific Report. Mainz.

Kondrashkina, E. A. (2019). Jazyki finno-ugorskih narodov Rossii v budushhem (popytka

lingvoprognoza) [Languages of the Finno-Ugric peoples of Russia in the future (attempt of linguistic forecasting)]. *Jazyki v polijetnicheskom gosudarstve: razvitie, planirovanie, prognozirovanie. Mezhdunarodnaja konferencija: doklady i soobshhenija* [Languages in a multi-ethnic state: development, planning, forecasting. International Conference: Reports and Communications]. Ulan-Udje. (In Russian)

Kovaljova, S., Kondrashkina, E. A. (2016). Karel'skij jazyk [Karelian language]. *Jazyk i obshhestvo. Jenciklopedija* [Language and society. Encyclopedia]. Moscow: Publishing Center «Azbukovnik». (In Russian)

Lewis, P. M., Simons, G. F., Fennig, Ch. D. (Eds.). (2014). *Ethnologue: Languages of the World*. 17th Edition. [Web-page]. Электронный ресурс http://www.ethnologue.com.

Malakhov, V. (2007). «Nacional'naja politika» kak fenomen politicheskoj rechi ["Nationalities Policy" as a phenomenon of political speech]. *Ponaehali tut..: Ocherki o nacionalizme, rasizme i kul'turnom pljuralizme* [Come in large numbers here ..: Essays on nationalism, racism and cultural pluralism.]. Moscow: New literary review. (In Russian)

May, S. (2006). Language Policy and Minority Rights. *An Introduction to Language Policy. Theory and Method*. Malden: Blackwell Publishing.

Moseley, Ch. (2012). *The UNESCO Atlas of the world's languages in danger: context and process*. Cambridge: Cambridge University Press.

Novikov, V. *Finskaja jazykovaja jekspansija v Karelii: pod zavesoj «ugrozy rusifikacii»* [Finnish language expansion in Karelia: under the veil of "threat of Russification"] [Web-page]. (No date). Retrieved from https://regnum.ru/news/society/2009230.html. (In Russian)

Panchenko, E. (2016). Novostnoj diskurs v gosudarstvennyh internet SMI (na primere sajta «RIA Novosti» [News discourse in state online media (the site "RIA Novosti" as an example)]. *Nastrojka jazyka: upravlenie kommunikacijami na postsovetskom prostranstve: Kollektivnaja monografija* [Language setting: communication management in the post-Soviet space: Collective monograph.]. Moscow: New literary review. (In Russian)

Simons, G. F., Fennig Ch.D. (2017). *Ethnologue: Languages of the World*, Twentieth edition. [Web-page]. Retrieved from http://www.ethnologue.com.

UNESCO Atlas of the World's Languages in Danger [Web- page]. (No date). Retrieved from http://www.unesco.org/culture/language-atlas.

Zamjatin, K. (2018). Formirovanie jazykovoj politiki v respublikah Rossii v postsovetskij period: analiz politicheskogo cikla [The formation of language policy in the republics of Russia in the post-Soviet period: analysis of the political cycle]. *Jazykovoe edinstvo i jazykovoe raznoobrazie v polijetnicheskom gosudarstve. Mezhdunarodnaja konferencija. Doklady i soobshhenija* [Linguistic unity and linguistic diversity in a multi-ethnic state. International Conference. Reports and Communications]. Moscow: Institute of Linguistics RAS. (In Russian)

Zamyatin, K. (2014). *An Official Status for Minority Languages?* Helsinki: Uralica Helsingiensia.

Authors' information:

Olga B. Yanush, PhD, Associate Professor; yanush_ob@yahoo.com

Nail' M. Mukharyamov, Dr. Sci. in Political Science, Professor; n.mukharyamov@yandex.ru

Хроника

УДК 070

МЕДИАФОРУМ «СОВРЕМЕННАЯ ЖУРНАЛИСТИКА И ФАКТЧЕКИНГ» КАК ПОВОД ЗАДУМАТЬСЯ О НАСТОЯЩЕМ И БУДУЩЕМ ПРОФЕССИИ

Е. А. Королев
Санкт-Петербургский государственный университет
Российская Федерация, 199034, Санкт-Петербург, Университетская наб., 7/9

На прошедшем в Воронежском государственном университете медиафоруме «Современная журналистика и фактчекинг» были подняты вопросы проверки информации. Дискуссии о фактчекинге послужили поводом обсудить проблемы, которые стоят сегодня перед журналистикой: монетизация, уход аудитории в социальные сети, сохранение принципов классической журналистики, профильное образование.

Ключевые слова: проверка информации, фактчекинг, классическая журналистика, социальные сети.

© Королев Е. А., 2019

С 27 ноября по 1 декабря в Воронежском государственном университете прошел германо-российский медиафорум «Современная журналистика и фактчекинг». Более 30 молодых журналистов и экспертов из России и Германии обсудили проблемы проверки информации, посетили редакции концерна «Комсомольская правда», телекомпании «Губерния» и портала «Мое онлайн».

Профессор Высшей школы массовой коммуникации в Штутгарте Майк Фридрихсен выступил с вводным докладом «Фактчекинг и цифровые компетенции». Медиасоциаолог, эксперт по открытым данным в Германии Фолькер Грассмук рассказал об авторском праве в Германии. Вместе с заведующим кафедрой новых медиа и теории коммуникации МГУ им. Ломоносова Иваном Засурским они организовали для участников специальный семинар. Журналист, эксперт по Восточной Европе Клеменс Шолль поделился информацией о вызовах для современной журналистики и свободы СМИ в Германии и странах Восточной Европы. Старший преподаватель кафедры новых медиа и теории коммуникации МГУ им. Ломоносова Дарья Соколова провела семинар «Фактчекинг и верификация информации. Фэйкньюс и механизмы фактчекинга», журналист WDR Эстелла Мазур из Кельна вместе с участниками

создали проекты в формате «мобильный репортер».

В дискуссиях приняли участие декан факультета журналистики Воронежского университета Владимир Тулупов, председатель Гильдии аналитических журналистов Воронежа Андрей Долженков, руководитель русскоязычного вещания радио Sputnik Алесей Орлов.

Во время форума от различных спикеров и организаторов звучали следующие тезисы:

1) в 2019 году в сфере журналистики доминируют два тренда: сокращение числа рабочих мест и потеря доверия;

2) у СМИ возникают проблемы с монетизацией. Рекламодатель перераспределяет свои средства из традиционных медиа в социальные сети. Читатели предпочитают потреблять информационные продукты бесплатно, при этом создавая в социальных сетях свои проекты. Задачи и качество такой информации чаще всего отличаются от того содержания, которое создают профессиональные журналисты;

3) появившаяся в США парадигма «альтернативных фактов» и возрастающая дискредитация журналистов и традиционных новостных СМИ, называемых «лживой прессой» и «фейковыми новостями», усугубили кризис доверия в общественном дискурсе. Фактчекинг сегодня — новая ценность для классической журналистики.

С последним соображением пришлось поспорить. Представлю далее некоторые свои тезисы и выводы, с которыми я выступил на форуме.

Во вводном докладе «Проверка фактов или фактчекинг: определимся в терминах» автор настоящих заметок попытался вернуть дискутирующих немного «назад», в те времена, когда журналистика существовала без оглядки на слово «фактчекинг». Не попали ли мы в ловушку дискуссий по следам выборов американского президента? Западная политическая и журналистская элита так активно стала носиться с понятиями «фейк» и «фактчекинг», что ввергла в этот водоворот многочисленные профессиональные дискуссии последних лет. В какой-то момент стало казаться, что журналисты только после выборов Трампа озаботились необходимостью перепроверки фактов. На многочисленных конференциях ученые и корреспонденты убежденно доказывали, что фактчекинг — это единственное спасение от фейков и лживой информации. Некоторые журналисты старшего поколения справедливо недоумевали: разве СМИ раньше не проверяли факты? Нужен ли для этого хрестоматийного навыка специальный термин? Относить ли стандартную вычитку фамилий источников к фактчекингу? На наш взгляд, фактчекинг — это не простая техническая проверка должностей и названий, а более глубокий процесс анализа уже обнародованных фактов, проверка смыслов, достоверности опубликованной информации.

Такие ресурсы стали появляться в последние годы в разных странах. Проект «Лапшеснималочная» (https://noodleremover.news/) регулярно пишет о том, как те или иные СМИ распространяют фейки. В частности, описывается такая схема легитимизации фальшивок: фейк появляется на «мусорном» ресурсе, которому точно нельзя доверять, далее «сенсацию» перепечатывают региональные издания, а уже их не гнушаются цитировать федеральные медиа с формулировкой «в СМИ пишут». При этом журналисты не то чтобы ленятся перепроверять информацию — им и нужна непроверенная информация.

Проект «Фактограф» (https://www.factograph.info/) также занимается

фактчекингом. На его сайте заявления политиков и чиновников сопоставляются с реальными фактами, цифрами, оценками и мнениями независимых экспертов: «Мы стараемся выяснить, насколько одно соответствует другому, используя для оценок цветовую шкалу — от зеленого (“Правда”) до красного (“Скорее, неправда”)». Журналистам важно проверять обещания, которые чиновники и политики часто не выполняют, а журналисты забывают. Формат «Возвращаясь к напечатанному» — это давняя традиция отечественной журналистики.

https://themonitor.media/ — некоммерческий волонтерский аналитический проект о событиях в России, первоначально запущенный в 2014 году под названием «Антипропаганда». Это база данных «об обещаниях публичных должностных лиц и о предвыборных обещаниях политиков и партий». Сайт проверяет качество выполнения обещаний, публикует рейтинг доверия должностным лицам.

На Западе подобных антифейк-проектов еще больше. К примеру, Google запустил Fact Check Tools https://toolbox.google.com/factcheck/explorer — сервис для проверки информации. Поисковик выдает только контент, проверенный «фактчекерами». FactCheck — проект Пенсильванского университета, он следит за тем, что говорят крупные политические деятели США на дебатах и выступлениях, в интервью и пресс-релизах.

Излишняя паника и даже истерия вокруг американских выборов привела к тому, что многие в медиасреде ухватились за модное слово, объявили его новым спасительным методом и спутали понятия. В обсуждение фактчекинга стремительно замешались вопросы кризиса профессии, рынка, рекламы, монетизации, аудитории. Пока эксперты и журналисты доказывают прописную старую истину (СМИ должны давать слово всем сторонам конфликта и проверять информацию минимум в двух разных источниках), аудитория все больше отдаляется от СМИ и находит информацию в других ресурсах. Очевидно, что широкая аудитория не обладает критическим складом ума и не испытывает необходимости в плюрализме мнений или изучении различных точек зрения. Обыкновенному читателю или зрителю нужно скорее подтверждение своих домыслов и стереотипов, нежели достоверная объективная информация. Когда в медиапространстве такой читатель находит подходящее его запросам средство массовой информации или блог — он его читает. У каждого воронежского или гамбургского издания есть свой учредитель, информационная политика, и сложно требовать от них представления всего спектра мнений по той или иной проблеме. В разговорах о фактчекинге часто представляется идеальная утопическая модель газеты, которая должна на деньги учредителя или рекламодателя дать слово конкурентам своих хозяев. Но реальная практика СМИ доказывает, что такой модели — «всем сестрам по серьгам» не существует. По определению большинство российских изданий не могут критиковать власть, когда основной источник их дохода — государственные дотации и субсидии. Никогда бизнес-структура не даст деньги тому журналисту, который хорошо напишет о ее конкурентах. То есть вполне вероятно, что в существующей модели финансирования СМИ мечты о противостоянии фейкам и соблюдении принципов фактчекинга несостоятельны. И эта проблема касается не только отечественного рынка. В Германии тоже остро стоит вопрос о государственном финансировании медиаплатформ, о принадлежности многих из них различным политическим партиям.

При этом на пятки наступают новые медиа и социальные сети, которые создаются чаще всего не журналистами, а бывшими читателями традиционных СМИ или тем новым поколением аудитории, у которого даже нет навыка чтения газеты или оформления на нее подписки. Не проиграли ли журналисты битву за внимание аудитории? Пока традиционные медиа неспешно переходили на новые платформы, тратили время на переориентацию, процессы конвергенции, обучение, споры о фейках и фактчекинге — новые авторы создавали свои медиапроекты с нуля. Им не требовалось время на то, чтобы понять, что нужно современному рекламодателю, или что баннерная реклама на сайтах устарела и перестала приносить прибыль. Большинство российских СМИ не смогло слезть с «иглы» государственного финансирования. Самые успешные и предприимчивые СМИ перестроились, но уже заметно, что даже они не смогли составить конкуренцию банальной, с точки зрения профессионального журналиста, ленте в социальных сетях, в которых современная аудитория проводит значительное время. Если издание не сможет попасть в эту ленту, завлечь аудиторию крикливым заголовком, яркой упаковкой, затащить его в хоровод геймификации (тесты, розыгрыши, игры, опросы), то найдутся другие площадки, которые забьют эту ленту и предоставят читателю то, что он ищет. И этот продукт чаще всего не будет соответствовать никаким профессиональным стандартам, тем более перепроверке информации. Скорость распространения информации, гонка за лидерством в попадании в топ-новостей будет все дальше уводить всех нас от принципов фактчекинга.

Такие печальные выводы не означают, что наше сообщество не должно учить будущих специалистов основополагающим принципам. И хорошо, что на подобных форумах молодые журналисты получают такие основы. Другое дело, что здесь же необходимо выходить из своей профессиональной скорлупы и осознавать риски, с которыми уже сталкиваются СМИ. Мы должны не просто договариваться о стандартах работы (тем более что эти стандарты придуманы не вчера, а давным-давно), но и идти дальше в осознании способов и возможностей быть журналистам свободными, независимыми, а также необходимости монетизировать свой труд, пытаться сохранить миссию, социальную роль журналистики и как-то совместить ее с получением прибыли. Но возможно ли усидеть на двух стульях?

Попробую привести аналогию с драматическим театром. Авторский театр с серьезными постановками не может приносить прибыли — он существует либо на государственные субсидии, либо на деньги верных зрителей, которые покупают билеты. Пока в системе российских СМИ система «пожертвований» (платной подписки) работает слабо. У аудитории слишком много возможностей бесплатно читать и смотреть, у нее нет привычки платить за журналистский продукт. У авторских театров и студий чаще всего возникают проблемы с деньгами, не хватает зрителей, что не мешает им иногда создавать качественные спектакли. Прибыль может приносить антреприза с яркими афишами, так похожими на обложки «желтых» журналов. Доход прибавляется от громких заголовков, сенсаций и новостей о так называемых «звездах». Такая модель СМИ в основе своей отвергает принципы проверки информации, так как проверка не позволит сочинить и придумать сплетню. И это касается не только бульварных изданий, но и многих официальных, которые не гнушаются цитировать

бульварных собратьев, ссылаться на них, в своей информационной повестке увлекаться рассказом о «звездах» политики и шоу-бизнеса.

СМИ сегодня нужно заниматься либо «антрепризой» для получения прибыли (и, кажется, в России этот путь выбирают чаще всего), либо приличной качественной журналистикой, не рассчитывая на получение прибыли. Небольшое количество общероссийских и региональных медиа соблюдают профессиональные стандарты, занимаются просвещением аудитории и изредка просят деньги у читателей на свои спецпроекты. Так, к примеру, томский сайт «ТВ-2» собирает средства на то, чтобы отправить своих журналистов в очередную экспедицию вглубь Сибири. Их задача — рассказать о людях, которые не появляются в эфире федеральных каналов.

Таким образом, современные журналисты выходят на развилку. «Налево» пойдешь, начнешь развлекать, придумывать, создавать фейки — получишь субсидии или деньги от доверчивой аудитории или от государства, которому нужно рассказывать о своих достижениях. «Направо» завернешь, захочешь просвещать своих читателей — большой прибыли не жди.

Требовать соблюдения профессиональных принципов от первых, ругать их за фейки, пропаганду — как плевать против ветра. Коллег уже не исправишь и от кормушки не оторвешь. Кстати, некоторые региональные СМИ при государственных субсидиях умудряются не превращаться в информационные листки местной власти. Но другие при этом, отрабатывая финансирование, занимаются самоцензурой и обожествлением своих учредителей, забывая, что государственные деньги, которые получает редакция, — это деньги не чиновников, а налогоплательщиков. Последние просто не воспринимают всерьез хвалебные реляции и все реже обращаются к таким медиа. Требовать соблюдения этих принципов от тех, кто не свернул на развилке с профессиональной тропы, — тем более неуместно. «Такие дела», «Русский репортер», «Дилетант», «Вокруг света», «ТВ-2», «Бумага», к счастью, не заняты придумыванием фейков.

Перед профильными факультетами стоит задача воспитания студентов в профессиональном отношении. При должной постановке задач и их практического решения, возможно, специалистов качественной журналистики будет становиться больше. При этом никто не застрахован от того, что часть выпускников искренне или за деньги выберет путь пропаганды или «желтой» журналистики. Но их может и должно быть меньше, если мы убедим студентов, что помогать своим героям, решать их проблемы, создавать и организовывать полезные дискуссии в обществе важнее, полезнее и приятнее, чем создавать образ врага, распространять фейки и дезинформацию.

Необходимо учитывать, что на развилке вместе с журналистами свернули и те, кто создает свои непрофессиональные медиапроекты, и некоторые уже нас обогнали. К ним надо относиться без аллергии. Встречают качественные проекты. Так, краеведы или жители района создают свои СМИ или группы в социальных сетях, в которых есть и полезная информация, и критика, и дискуссии. И тут возникает проблема: сможет ли районная газета, ее сайт и ее группы в социальных сетях конкурировать с группой, которую создали жители? На примере петербургских изданий заметно, что уже не смогли, что жители перехватили инициативу и привлекают как читателей, так и рекламодателей.

Локальные или нишевые проекты не нуждаются в журналистских навыках. Корреспонденты не будут так хорошо разбираться в узкой теме краеведения или проблем того или иного муниципального округа, как в этом будут разбираться эксперты или жители. Вполне возможно, что борьбу за нишевые и локальные темы СМИ уже проиграли, в том числе по той причине, что рынок районных и муниципальных газет слишком медленно перестраивается на новый стиль работы с аудиторией. Это доказывает фестиваль малой прессы, который мы проводим каждый год в Санкт-Петербургском государственном университете (http://jf.spbu.ru/actions/6049.html).

Самая популярная группа во «Вконтакте» в Петербурге — «ДТП и ЧП» с аудиторией более миллиона подписчиков. Городские СМИ регулярно берут информацию из этого паблика. Зачем тогда читателям журналисты, которые цитируют информацию от подписчиков группы, жителей Петербурга? Именно она первой сообщает о теракте в петербургском метро, а только потом городские информационные агентства. СМИ проигрывают в скорости медиапроектам, созданным аудиторией.

При этом в пространстве социальных сетей множатся те площадки, которые следуют принципу «антрепризы». Еще больше групп, в которых многочисленные авторы не обладают навыками перепроверки информации, для которых «Википедия» является надежным источником. Очевидно, что в этом авторском сегменте нет той объединяющей площадки, которая бы формировала принципы и нормы работы с информацией. Возможно, эту функцию отчасти должны взять на себя факультеты журналистики, предлагая образовательные курсы тем, кто ведет медиапроекты без профильного образования. Но для этого факультеты должны давать не только нормативную базу, но и мощную практическую подготовку, связанную с социальными сетями. Настала пора обратить внимание на этот информационный сегмент и прививать его авторам принципы перепроверки информации.

Однако на профильных факультетах только начали появляться такие курсы для студентов, и то чаще всего факультативные, не в основной программе обучения. Выпускник журфака должен разбираться в алгоритмах «Одноклассников» и Инстаграма не хуже их заправского пользователя. Технологическим знаниям должны соответствовать знания нормативные. Если не давать технологии и ограничиваться нормой, мы продолжим выпускать большое количество безработных специалистов, которые не умеют работать с аудиторией там, где она в основном ищет новости. Ежегодный День медиаграмотности (https://vk.com/media_gramota) в Институте «Высшая школа журналистики и массовых коммуникаций» СПбГУ показывает, что часто студенты не умеют перепроверять фамилию, должность источника, название организации. Уже сегодня среди наших студентов и выпускников попадаются те, кто считает, что «раз написано в Интернете — значит правда».

Многочисленные примеры наплевательского отношения к фактам я показал на форуме. Это свойственно и большим медиа, и первым проектам студентов. Когда в газете «Санкт-Петербургский курьер» я знал, что любой не проверенный мною факт будет иметь последствия и придется тратить место на газетной полосе на опровержение и извинение, то любая информация подвергалась строгой проверке силами и корреспондента, и редакции. Этот навык бережного отношения к факту

теряется, когда журналист ту или иную информацию может опубликовать за считанные секунды в Интернете и при необходимости исправить, заменить, отредактировать или просто удалить. Наплевательскому отношению к факту только способствует гонка за оперативностью и попаданием в топ новостей. Возможно, вопрос перепроверки фактической информации в современной отечественной журналистике стоит острее, чем проблема фактчекинга.

В заключение. Классическая журналистика должна сохранять верность профессиональным стандартам и соответствовать двум отчасти противоречивым тенденциям: 1) менять свои форматы, методы работы и «упаковку» контента в соответствии с современными технологическими и визуальными запросами аудитории и в то же время 2) не пытаться свою миссию добывания, обнародования и распространения важной, актуальной и проверенной информации заменять на гонку за читателями, рейтингом, рекламой и прибылью. Классическая журналистика не может и не должна приносить таких барышей, как у массовой прессы, она не должна в погоне за монетизацией скатываться к запросам и желаниям аудитории. На наш взгляд, сегодня журналистскому сообществу необходимо взять паузу и понять свое предназначение: мы выпускаем качественный продукт для узкой аудитории или лепим яркую афишу с броскими заголовками и зарабатываем большие деньги.

Финансовая модель оказания помощи СМИ со стороны государства, политических партий или бизнес-структур не предполагает объективной и всесторонней информации. Когда экспертное сообщество требует невозможного от таких изданий, эти требования остаются не неуслышанны. Мы на очередном форуме ищем ошибки коллег, а коллеги даже не знают про то, что их ошибки кто-то обсуждает и осуждает. Медиа в первую очередь должны ориентироваться на финансовую поддержку читателя. Если же читатель уходит к другим медиа или другим платформам получения информации, то журналисты и эксперты должны обсуждать принципы работы с аудиторией, особенности новых платформ, проблемы монетизации, а не фактические ошибки журналистов, плохо знающих географию или историю. Мы так увлекаемся осуждением фейков и ошибок, что можем не заметить, как скорый поезд с читателями и рекламодателями отправится в поездку без нас.

Проверка фактов, или, если угодно, фактчекинг не должны объявляться новым профессиональным навыком и требованием. Необходимо оглянуться на историю журналистики и всего лишь продолжить сохранять их традиции и принципы. Проверка фактов может быть одним из тех краеугольных камней, которые отличают журналистику от многочисленных медиапроектов в Интернете. Пока заметно, что традиционная журналистика не стремится к беспристрастности и отстаиванию плюралистической позиции и начинает проигрывать борьбу за читателя. Классическая журналистика постепенно уступает свое место под солнцем, но это не значит, что надо признать поражение. Аудитория должна и в СМИ находить материалы, которые могут быть ей полезны и интересны, информация в которых будет перепроверенной и достоверной.

Разговор о фактчекинге не должен подменять собой дискуссии о том, как классическим медиа выдержать сегодня конкуренцию за читателя — и с коллегами из массовой прессы, и с новыми авторами в Интернете. Фактчекингом

не стоит называть будничную проверку фактических деталей, это более глубокий процесс анализа уже опубликованной информации, ее достоверности. И в этом плане журналисты должны активнее работать над созданием независимых проектов, разоблачающих фейки и лживую информацию. Такая модель фактчекинга может быть одной из форм творческих дипломных работ на факультетах журналистики.

Возможно, на профильных факультетах не хватает практикоориентированного разговора о настоящем и будущем профессии. Поэтому форумы, подобные воронежскому, конечно, необходимы для формирования у молодых журналистов определенных норм и принципов. И навыков, конечно. На форуме в Воронеже две команды студентов получили задание найти в коридорах университета определенные детали на стендах и выставках. Одна группа обнаружила всех заданных «золотых пчел» и все «красные маки», другая команда не нашла ничего из списка, то есть у нее нет навыка внимательного отношения к деталям. Если корреспондент не заметил в посудной лавке крошечную ложку, то он может и слона принять за бегемота. Такой журналист пройдет мимо, пропустит мимо ушей важную информацию, допустит фактические ошибки в написании должности или географического названия — и он не будет отличаться от обычного блогера, который не всегда озабочен проверкой фактов. Было бы спокойнее, если бы все участники форума выполнили легкое задание для студентов первого курса. Но выполнили его только половина. Может быть, это и есть те люди, которые должны развивать профессию, пока она совсем не погибла в пучине фейков и вранья, которые активно распространяют некоторые наши коллеги. Мы должны не только сохранить «элитарный авторский театр» в виде приличного СМИ на всех возможных носителях и платформах (и на бумаге, и в цифре), но и сделать так, чтобы его аудитория была шире, чем интеллектуальная элита современного общества.

Сведения об авторе:
Егор Алексеевич Королев, канд. полит. наук, ст. преподаватель; almaata1@ya.ru

MEDIA FORUM "MODERN JOURNALISM AND FACT-CHECKING" AS A REASON TO THINK ABOUT THE PRESENT AND FUTURE OF THE PROFESSION

E. A. Korolev
Saint Petersburg State University
7-9, Universitetskaya naberezhnaya, 199034, Saint Petersburg, Russian Federation

Media forum "Modern Journalism and Fact-checking" was held at the Voronezh State University. The main topic was a verification of information. The fact-checking agenda gave rise for discussing the problems facing journalism today: monetization, migration of the audience to social networks, preservation of the classical journalism principles, and specialized education.

Keywords: information verification, fact-checking, classical journalism, social networks

Author's information:
Egor A. Korolev, PhD, senior lecturer; almaata1@ya.ru

В. В. Маслеева
Санкт-Петербургский государственный университет
Россия, 199034, Санкт-Петербург, Университетская наб., 7–9

УДК 070

ПЛАНЕТА ЖУРНАЛИСТИКИ. 25-Я МЕЖДУНАРОДНАЯ НАУЧНО-ПРАКТИЧЕСКАЯ КОНФЕРЕНЦИЯ «ЖУРНАЛИСТИКА XXI ВЕКА: ЧЕЛОВЕК. ПОЛИТИКА. МЕДИА»

Статья представляет собой отчет о ежегодной научной конференции «Журналистика XXI века» (Санкт-Петербургский государственный университет), которая проходит как программное мероприятие Международного научно-культурного форума «Дни философии в Санкт-Петербурге». В 2019 году общая тема конференции получила следующее уточнение: «Человек. Политика. Медиа». В отчете подробно раскрывается содержание дискуссий, в которых приняли участие представители многочисленных российских и зарубежных академических и медийных организаций. Центральное внимание участников конференции было уделено гуманистическому содержанию журналистики как общественного института и творческой деятельности. Автором статьи является студентка магистерской образовательной программы, исполнявшая обязанности одного из ученых секретарей конференции.

Ключевые слова: журналистика XXI века, научная дискуссия, человек, политика, медиа.

© Маслеева В. В., 2019

22–23 ноября 2019 года в Институте «Высшая школа журналистики и массовых коммуникаций» Санкт-Петербургского государственного университета прошла 25-я международная научно-практическая конференция «Журналистика XXI века: Человек. Политика. Медиа». Она стала одним из программных мероприятий Международного научно-культурного форума «Дни философии в Санкт-Петербурге-2019». Исследователи обсуждали взаимодействие журналистики с социальной и политической средой и ценности самовыражения личности в медийной индустрии, а также пытались найти ответы на трудный вопрос: медиа без журналистики, журналистика без политики, человек без медиа — это фантастика или прогноз?

Организатор конференции — кафедра теории журналистики и массовых коммуникаций СПбГУ; руководители и ведущие: доктор политических наук, профессор Сергей Григорьевич Корконосенко и кандидат филологических наук, доцент Анастасия Николаевна Гришанина; ученые секретари: магистрантки Виктория Маслеева и Яна Филина.

Открывая конференцию, С. Г. Корконосенко подчеркнул, что журналистика — это планета людей, на приоритетной позиции в ней всегда находится человек. И журналисты,

и преподаватели журфаков имеют дело прежде всего с личностями, а не с оборудованием и технологиями, в том числе цифровыми системами: «Надеюсь, что наши сегодняшние студенты привнесут в журналистику свою личность, мироощущение и мировоззрение. Невозможно представить себе “безлюдную” журналистику, и на значимость человека все чаще обращают внимание исследователи медиа в разных странах мира».

В этом году поступило 183 заявки на участие, заметно превышены показатели прошлых лет. География конференции расширилась: среди участников представители вузов, СМИ и общественных организаций из Санкт-Петербурга, Москвы, Казани, Нижнего Новгорода, Челябинска; международное участие представлено докладчиками из Беларуси, Казахстана, Китая, Таджикистана, Узбекистана. В программе впервые появился дискуссионный клуб студентов и магистрантов. Работа конференции в течение двух дней была организована в форме общих заседаний и трех секций, посвященных профессиональным стандартам журналистики, самовыражению личности в медийной индустрии и гуманистическим контекстам журналистики.

С приветственным словом к участникам конференции выступил директор Института «Высшая школа журналистики и массовых коммуникаций» СПбГУ Анатолий Степанович Пую, который отметил важность и необходимость таких мероприятий: «Отрадно, что удается вовлечь в обсуждение и студентов — тех, кто только начал делать первые шаги в журналистике». На открытии был показан видеофильм о 25-летнем пути конференции, созданный магистрантами на основе документов, впечатлений и фотографий, предоставленных участниками прошлых лет.

22 ноября на общем заседании обсуждались проблемы политической теории журналистики. Профессор СПбГУ И. Н. Блохин отразил диалектику науки и метафизику творчества как направление работы конференции на протяжении всех лет ее проведения. Профессор СПбГУ В. А. Сидоров рассказал о своих наблюдениях над политическим полем журналистики. Профессор Челябинского государственного университета М. В. Загидуллина сделала доклад об эстетизации аутентичности политического деятеля; ст. научный сотрудник МГУ им. М. В. Ломоносова Л. Г. Свитич представила исследования о журналистике в контексте цивилизационных парадигм. Активные отклики аудитории вызвали выступления доцента МГУ им. М. В. Ломоносова М. Е. Аникиной, директора Центра специальных медиаметрических исследований И. А. Николайчука (Москва), профессора СПбГУ М. А. Бережной, доцента С. И. Симаковой (Челябинский госуниверситет). На секции «Журналист как идеальный гражданин», состоявшейся во второй половине дня, дискуссионную атмосферу создали выступления о проведенных исследованиях и научных наблюдениях И. А. Фатеевой (МПГУ), С. Н. Ильченко (СПбГУ), Т. С. Яковой (МГУ им. М. В. Ломоносова), Ю. Е. Скирухи (СПбГУ), М. М. Янгляевой (МГУ им. М. В. Ломоносова), А. Н. Марченко (СПбГУ), З. Ф. Хубецовой (СПбГУ).

Параллельно секции шло заседание дискуссионного клуба студентов и магистрантов «Политическая журналистика: на сцене и за кулисами». На роль дискутанта был приглашен И. И. Селезнев, заместитель главного редактора ЗАО «Интерфакс Северо-Запад», редактор отдела общественно-

политической информации, в качестве консультантов работу клуба готовили З. Ф. Хубецова и В. А. Сидоров. В дискуссии, которая проходила в форме турнира, приняли участие шесть команд от разных вузов: СПбГУ, НГУ им. П. Ф. Лесгафта, СПбГИКиТ, СПбГУПТД. Команды представили аналитические проекты, посвященные отображению резонансных политических событий в отечественных и зарубежных СМИ, свободе журналистики и освещению протестных акций в России и мире.

23 ноября на общем заседании продолжился разговор о том, как человек представлен в медиа. Большой интерес вызвал психолого-социальный блок докладов, сделанных профессором Г. С. Мельник (СПбГУ) и доцентом И. А. Самуйловой (СПбГУ), а также тема актуализации биографии политиков в медиа, заявленная И. Г. Катеневой (Новосибирский государственный педагогический университет). Противоречивые ситуации в практике современных медиа вскрыли М. В. Друкер (Балтийский федеральный университет им. И. Канта), О. С. Кругликова (СПбГУ), М. В. Ливанова (Смоленский государственный университет), Е. В. Балябина (Балтийский гуманитарный институт).

На секции «Самовыражение личности в медийной индустрии» внимание участников и слушателей привлекли доклады А. А. Биюмены (Минский государственный лингвистический университет), С. А. Даниловой (СПбГУ), А. А. Малышева (СПбГУ), Р. Р. Нугуманова (Российский исламский институт), В. В. Пименова (СПбГУ), Т. И. Алексеевой (шеф-редактора PR-Info.ru). В другой аудитории работала секция «Гуманистические контексты журналистики». В дискуссии в форме круглого стола приняли участие преподаватели, журналисты-практики, аспиранты, магистранты, студенты. К. В. Силантьев (СПбГУ) рассказал о российских информационных службах в историческом контексте, А. Д. Медведева (СПбГУ) представила пилотные исследования использования в журналистике искусственного интеллекта. В докладах И. А. Нижельской (руководителя пресс-службы МВД по Республике Татарстан), А. С. Смоляровой (СПбГУ), Д. М. Салимова (Северный (Арктический) федеральный университет им. М. В. Ломоносова), А. Н. Гуреевой (МГУ им. М. В. Ломоносова), Д. Д. Тюниной (СПбГУ), М. А. Алякринской (СЗИУ РАНХиГС), Ю. В. Андреевой (Казанский (Приволжский) университет), А. А. Фоменкова (НИГУ им. Н. И. Лобачевского, Нижний Новгород) были затронуты проблемные аспекты гуманистического понимания журналистики.

Впечатления участников конференции были выражены в личных беседах и опубликованы на страницах соцсетей, в мессенджреах. Так, профессор Ю. В. Андреева отметила на закрытии мероприятия, что приятно удивлена значительным повышением научного уровня встречи, так как не была на конференции более семи лет. Доцент М. А. Алякринская отметила важность вопросов, поставленных в докладах, для преподавателей и исследователей. Студентка СПбГУ А. Д. Медведева подчеркнула особую полезность для учащихся этой площадки при апробации результатов, а студентка СПбГУ Ю. Е. Скируха рассматривает свое выступление как опыт публичного взаимодействия.

По окончании дискуссий организаторы, как это бывает ежегодно, предложили гостям обширную культурную программу в Петербурге, что дополнило впечатления от встречи. Атмосферу сотрудничества и взаимопонимания помогли создать партнеры: фирма Alex's Flowers (доставка

цветов по Санкт-Петербургу) привезла букеты для оформления аудиторий, а кондитерская Tërka bakery приготовила для юбилейной конференции именной торт с надписью «Журналистика XXI века. 25 лет».

Сведения об авторе:
Виктория Валерьевна Маслеева, магистрант; enriel-252@yandex.ru.

THE PLANET OF JOURNALISM. 25TH INTERNATIONAL SCIENTIFIC AND PRACTICAL CONFERENCE "JOURNALISM OF THE XXI CENTURY: PERSON. POLITICS. MEDIA"

V. V. Masleeva
Saint Petersburg State University
7-9, Universitetskaya naberezhnaya, 199034, Saint Petersburg, Russian Federation

The article is a report on the annual scientific conference "Journalism of the XXI century" (Saint Petersburg State University), which is held as a program event of the International scientific and cultural forum 'Philosophy Days in St. Petersburg'. In 2019, the overall theme of the conference received the following concretization: "Person. Politics. Media". The report reveals in detail the content of the discussions, which were attended by representatives of numerous Russian and foreign academic and media organizations. Central attention was paid to the humanistic content of journalism as a public institution and creative activity. The author of the article is a student of the master's educational program, acting as one of the scientific secretaries of the conference.

Keywords: journalism of the XXI century, scientific discussions, person in politics and media.

Author's information:
Victoria V. Masleeva, master student; enriel-252@yandex.ru.

ПЕРИОДИЧЕСКОЕ ИЗДАНИЕ «ВЕК ИНФОРМАЦИИ»

Сериальное издание «Век информации» зарегистрировано в Международном центре ISSN (Centre International de l'ISSN) 19 декабря 2012 г., изданию присвоен международный стандартный номер периодических изданий (International standard serial number) ISSN 2306-417X. Издатель — Институт «Высшая школа журналистики и массовых коммуникаций» Санкт-Петербургского государственного университета.

Издание выходит в печатной версии. Архив размещается в Научной электронной библиотеке (НЭБ) — головном исполнителе проекта по созданию Российского индекса научного цитирования (РИНЦ), а также на сайте Института (http://jf.spbu.ru/actions/5093.html). Доступ ко всем выпускам издания свободный и бесплатный. Ближайшей задачей является включение в список изданий, рекомендованных ВАК РФ.

Периодичность выхода — не менее 4 выпусков в год.

Рубрикация охватывает основные направления исследования вопросов журналистики, медиа и массовых коммуникаций. «Век информации» публикует материалы международных и всероссийских конференций, организуемых Институтом «Высшая школа журналистики и массовых коммуникаций», в качестве специальных номеров, для выпуска которых создается специальная редколлегия. Все статьи перед публикацией проходят анонимное рецензирование. Языки публикаций — русский и английский.

Условия публикации

1. Статьи для публикации поступают в редакцию по электронной почте vek.inform@ya.ru, без рецензий и оплаты.
2. Статьи отражают результаты оригинальных исследований и не являются повторением ранее опубликованных или находящихся в редакционном процессе произведений.
3. Статьи отвечают требованиям высокого качества научной продукции, авторского права и этики научно-публикационной деятельности, а также правилам и стандартам оформления, принятым в издании «Век информации».
4. Материалы конференций публикуются по рекомендации членов редколлегии — руководителей программных мероприятий конференции.

PERIODICAL "INFORMATION AGE"

The scientific periodical "Information Age" («Век информации») invites researchers in the fields of journalism, mass communications and media to collaboration.

"Information Age" was registered in the Centre International de l ISSN) since 2012, it has the International standard serial number ISSN 2306-417X. School of Journalism and Mass Communications (SJMC), St Petersburg State University is an official publisher of the journal.

At least 4 issues are published every year, first of all in a print version while free open access archive is included in Russian Science Citation Index (RSCI) on a platform of Scientific Electronic Library (http://elibrary.ru/); the official site of

SJMC also provides free open access (http://jf.spbu.ru/actions/5093.html). Besides, “Information Age” may be found on resources of a few professional associations in Russia and in abroad.

The journal sections cover the main thematic questions of journalism and media, related to history, theory, current functioning, regulation and others. In special issues, “Information Age” also publishes papers of international conferences organized by School of Journalism and Mass Communications. Editorial board has such purposes, as: formation of the favorable information environment in sphere of journalism, media and mass communications; maintenance of an exchange with the scientific information between researchers of journalism, media and mass communications in Russia and in the world; information support of scientific search and new research projects. Accordingly, creative ideas, investigative results and discussions are welcomed, in forms of articles, reports, book reviews, etc. The journal is highly interested in cooperation and exchange with other periodicals in the media research field.

Editorial council under leadership of SJMC Director Anatoly Puyu consists of wellknown media researchers from Russia, Great Britain, US, Slovakia and Poland. Professor Sergey Korkonosenko is editor-in-chief of the journal, Professor Boris Misonzhnikov acts as managing editor. The great group of professors from leading universities of the different countries agreed to be reviewers of submissions. Editorial board follows a double-blind peer review process for high quality of articles; for submissions both Russian and English languages are available. There is no submission fee for “Information Age”. Articles should be sent to the journal secretary Egor Korolev on vek.inform@ya.ru, with a mark “Information Age” («Век информации»). All standards and conditions are described on the “Information Age” net page; direct contacts with editorial staff also are available and welcomed.

Conditions for publication

1. Articles for publication are sent to vek.inform@ya.ru without review and payment, in Russian or English.
2. Articles must reflect the results of original research, and must not be a repeat of works which have been published before or are in the process of being edited.
3. All articles must meet the requirements of: academic works of high quality; authors’ right and ethics of science and publication activity; and the rules and standards of formatting accepted in the periodical “Information Age”.
4. Conference proceedings are published upon the recommendation of the editorial board members — the heads of the programme events of the conference.

Выходит 4 раза в год

С 2014 года статьи включаются в Российский индекс научного цитирования (РИНЦ), доступный по адресу http://elibrary.ru (Научная электронная библиотека).

АДРЕС РЕДАКЦИИ:
199034,
Санкт-Петербург,
В. О., 1-я линия, д. 26
Тел.: (812) 328-3184
E-mail: press@jf.pu.ru

Точка зрения редакции может не совпадать с мнением авторов статей.

При перепечатке ссылка на периодическое издание «Век информации» обязательна.

С е р и а л ь н о е и з д а н и е

Век информации 2019
Т. 7. № 4

Формат 70x108/16.
Гарнитура CharterITC. Печ. л. 9.

Институт «Высшая школа журналистики и массовых коммуникаций»
Санкт-Петербургского государственного университета
199004, Санкт-Петербург, 1-я линия В.О., д. 26.